

ЧЕЛОВЕК

2021. Том 32, номер 2

Научный журнал

Учредители: Российская академия наук, Институт философии Российской академии наук

Издатель: Российская академия наук

Журнал основан И.Т. Фроловым в 1990 году

Главный редактор Р.Г. Апресян

Редакционная коллегия

С.С. Аванесов (Великий Новгород), К.В. Анохин (Москва),
Т.В. Артемьева (Санкт-Петербург), И.Е. Гарбер (США), Ф.И. Гиренок (Москва),
В. Глухман (Словакия), А.С. Десницкий (Москва), В.В. Знаков (Москва),
А.Б. Каменский (Москва), О.А. Кривцун (Москва), Е. Намли (Швеция),
З.В. Островская (отв. секретарь, Москва), Н.Е. Покровский (Москва),
М.М. Рогожа (Украина), Н.С. Розов (Новосибирск), Ю.В. Синеокая (Москва),
М.В. Фаликман (Москва), А.Н. Фатенков (Нижний Новгород), О.В. Федорова (Москва),
П. Чичовачки (США), М.М. Шахнович (Санкт-Петербург)

Редакционный совет

А.А. Гусейнов (Москва), Д.Э. Гаспарян (Москва), В.С. Диев (Новосибирск),
Г.В. Каковкин (Москва), А.П. Козырев (Москва), А.А. Лиханов (Москва),
О.В. Попова (Москва), А.В. Смирнов (Москва),
А.П. Скрипник (Саров), Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург), Г.Б. Юдин (Москва)

Периодичность: 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

CHELOVEK

The Human Being

2021. Volume 32, Number 2

Scholarly journal

Founders: Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Publisher: Russian Academy of Sciences

Journal founded by I.T. Frolov in 1990

Editor-in-chief — Ruben Апресян

Editorial Board

Anokhin K. (Kurchatov Institute, Moscow), *Artemyeva T.* (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg), *Avanesov S.* (Yaroslav-the-Wise State University, Velikiy Novgorod), *Cicovacki P.* (College of the Holy Cross, USA), *Desnitsky A.* (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Falikman M.* (Higher School of Economics, Moscow), *Fatenkov A.* (Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod), *Fedorova O.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Garber I.* (Saratov State University; Harvard University, USA), *Girenok F.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Gluchman V.* (Institute of Ethics and Bioethics; University of Presov, Slovakia), *Kamensky A.* (Higher School of Economics; Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Moscow), *Krivtsun O.* (Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow), *Namli E.* (Uppsala University, Sweden), *Ostrovskaya G.* (Executive Secretary, The scholarly journal Chelovek (The Human Being), Moscow), *Pokrovsky N.* (Higher School of Economics; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Rohozha M.* (Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine), *Rozov N.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Shakhnovich M.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Sineokaya Yu.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Znakov V.* (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Editorial Council

Guseynov A. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Gasparyan D.* (Higher School of Economics, Moscow), *Diev V.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Kakovkin G.* (Independent Researcher, Moscow), *Kozyrev A.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Likhanov A.* (Russian Children's Fund., Moscow), *Popova O.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Smirnov A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Skripnik A.* (National Research Nuclear University MEPhI; Sarov Institute of Physics and Technology, Sarov), *Chernigovskaya T.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Yudin G.* (The Moscow School of Social and Economic Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Frequency: Bi-monthly

Federal Communications, Information, and Media Oversight Service Registration N ФС 77-76826, 01.10.2019

© Russian Academy of Sciences, 2021

© Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2021

© Chelovek/The Human Being Editorial Board (compilation), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В ОБРАЗОВАНИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Е.В. Брызгалина

Искусственный интеллект в образовании. Анализ целей
внедрения 9

Т.В. Сохраняева

Стратегия массовой персонализации в современном
образовании 30

О.А. Французова

Феномен современного детства 41

В.А. Прохода

Образование в структуре статусной неконсистентности
современного российского общества 51

А.Р. Курбанов

Образование как благо: современные контексты понимания 65

Е.А. Рождественская

Дискурс этики заботы в образовании для будущего 76

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.М. Малков

Цифровизация как антропологический вызов:
методологический аспект 89

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

С.А. Никольский

Советский человек как познаваемая реальность. Часть 1 106

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

Н.С. Розов

Странности и истоки человеческой сексуальности 125

В.М. Розин

**Правильно ли были расколдованы странности и истоки
сексуальности? (полемиические заметки) 147**

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

А.Р. Апресян

**Дарья Казаринова-Пильнова:
разделяя сиюминутное и вечное 161**

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М.И. Фролова

**Человечество в новой реальности:
глобальные биотехнологические вызовы 174**

Информация для авторов 189

CONTENTS

PERSONALITY IN EDUCATION: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

E.V. Bryzgalina

**Artificial Intelligence in Education. Analysis of Implementation
Goals 9**

T.V. Sokhranyeva

Mass Personalization Strategy in Modern Education 30

O.A. Frantsuzova

The Phenomenon of Modern Childhood 41

V.A. Prokhoda

**Education in the Structure of Status Inconsistency
of the Modern Russian Society 51**

A.R. Kurbanov

Education as a Good: The Modern Cognitive Contexts 65

E.A. Rozhdestvenskaia

The Ethics of Care Discourse for Future Education 76

SCIENTIFIC RESEARCH

S.M. Malkov

**Digitalization as an Anthropological Challenge:
Methodological Aspect 89**

TIMES. MORALS. CHARACTERS

S.A. Nickolsky

Soviet Man as a Cognizable Reality. Part I 106

SYMBOLS. VALUES. IDEALS

N.S. Rozov

Oddities and Origins of Human Sexuality 125

V.M. Rozin

Have the Oddities and Origins of Sexuality Been Revealed Correctly? Polemical notes	147
--	------------

IMAGES OF THE HUMAN BEING

A.R. Apresyan

Daria Kazarinova-Pylnova: Dividing the Momentary and the Eternal	161
---	------------

REVIEWS

M.I. Frolova

Humanity in a New Reality: Global Biotechnological Challenges	174
Information for Authors	189

ЧЕЛОВЕК В ОБРАЗОВАНИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Образование как естественный и необходимый, организованный и целенаправленный, постоянный и качественный процесс становления человеческого в человеке, подъяема ко всеобщему всегда было в фокусе внимания философии. Сущность образования как человекотворчества стала предметом оформившейся в конце XX века философской дисциплины — философии образования.

Рада представить читателям журнала «Человек» рубрику «Человек в образовании: философский анализ вызовов современного мира», инициатива создания которой принадлежит главному редактору журнала, профессору Рубену Грантовичу Апресяну. Материалы рубрики подготовлены сотрудниками кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, созданной в 2008 году по инициативе члена-корреспондента РАН Владимира Васильевича Миронова, до октября 2020 года возглавлявшего философский факультет МГУ, при поддержке ректора Московского университета, академика РАН Виктора Антоновича Садовниченко. Развитие кафедры связано со становлением в отечественном научно-образовательном пространстве философии образования как самостоятельного направления, которое сосредоточено на анализе образования как социокультурного феномена, на выявлении места и роли образования в культуре, специфики исторических типов образования в связи с развитием философии, пониманием человека и общества. Впервые в стране университетской кафедрой разработана и реализуется модель образовательной программы «Философия образования» по направлению «Философия», включающей все уровни высшего образования.

Представленные в рубрике материалы не охватывают все проблемное поле современной философии образования, но фиксируют направленность научных интересов коллектива кафедры на изучение трансформации теории и практики образования в контексте актуальных социокультурных процессов.

Ценностная размерность образования стала предметом рассмотрения в статье Артемия Рустямовича Курбанова. Статья реконструирует современный дискурс, который выстраивается

Уверена, что заинтересованный читатель увидит в материалах рубрики приглашение к дискуссии относительно направлений и форматов ответов образования на вызовы современного мира.

8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ. АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ ВНЕДРЕНИЯ

Брызгалина Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии образования философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы, учебно-научный корпус Шуваловский». Электронная почта: evbrz@yandex.ru

Аннотация. В статье предложена типология целей применения систем искусственного интеллекта (ИИ), соответствующая трем ключевым аспектам понимания образования (образование как система, образование как процесс, образование как результат) и отвечающая значимым трендам развития образования (возрастание гибкости и децентрализации системы глобального образования, персонализация процесса образования, цифровая фиксация компетентностных результатов образования). В статье описано, что применительно к системному аспекту образования технологии ИИ смогут приблизить управление образованием к использованию методов, основанных на значительном объеме качественных данных, и способствовать формированию доказательной образовательной политики. Продемонстрировано, что проблемы с интерпретацией модели принятия решений в администрировании напрямую влияют на оценку эффективности поддержки искусственным интеллектом управленческих решений в образовательной сфере. Показано, что процесс обучения и воспитания может быть персонализирован

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

ЧЕЛОВЕК В ОБРАЗОВАНИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

и индивидуализирован при поддержке ИИ за счет формирования индивидуальных образовательных программ по форматам, по контенту, по образовательной среде; методической поддержки учебных курсов; повышения мотивации и включенности обучающихся. Трансформация моделей взаимодействия субъектов образования неоднозначна с точки зрения влияния на автономию и ответственность субъектов, на результаты социализации и воспитания, на трудоемкость и прозрачность образовательного процесса, в том числе в свете перспектив появления систем «человек–ИИ» как обучаемого агента. В результативном аспекте образования выявлено, что ИИ привлекателен как инструмент мониторинга и фиксации образовательных достижений и затраченных ресурсов, способный прояснить связи между образовательными активностями и результатами. Цифровой образовательный след, становясь товаром, порождает ряд конфликтов относительно автономии субъектов и статуса персональных данных. Ключевые риски использования ИИ в образовании связаны в статье с проблемами экзистенциальной безопасности человека и антропологической сущностью образования. Их оценка ограничена дилеммой Коллингриджа, в разрешении которой значима комплексная социогуманитарная экспертиза целей и практик применения ИИ в образовании, частью которой являются разработки в области философии образования.

Ключевые слова: образование, философия образования, системы искусственного интеллекта, технологии искусственного интеллекта, цели образования, образование как ценность, система образования, образовательный процесс.

Ссылка для цитирования: Брызгалина Е.В. Искусственный интеллект в образовании. Анализ целей внедрения // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 9–29. DOI: 10.31857/S023620070014856-8

Датафикация общества под влиянием активного внедрения технологических новаций [34] требует системного анализа в связи с комплексным характером изменений и неоднозначными экспертными оценками моделей цифровой трансформации социальных процессов, в том числе связанных с образованием и развитием человека. Неотъемлемой частью цифровых решений в образовании становятся технологии искусственного интеллекта (ИИ)¹.

¹ Здесь и далее, говоря об искусственном интеллекте в образовании (ИИ в образовании), будем подразумевать не универсальный («сильный ИИ», strong AI/Artificial General Intelligence), а прикладной ИИ («слабый ИИ», «узкий ИИ», weak/applied/narrow AI), для обозначения которого используются выражения «технологии искусственного интеллекта», «системы искусственного интеллекта». Для обозначения технологии ИИ в образовании в литературе используется обозначение AIED (Artificial Intelligence in Education или AI-enabled education).

Сфера образования, согласно экспертным оценкам, программным заявлениям международных организаций и нормативным документам ряда стран, рассматривается как одна из наиболее перспективных для использования систем ИИ, наряду со здравоохранением и государственным управлением. Так, например, сооснователь компании Microsoft Билл Гейтс в 2019 году высказал убеждение, что человечество должно заниматься развитием ИИ в мирных целях, таких как образование и медицина [26]. На неделе мобильного обучения в 2019 году был представлен совместный доклад ЮНЕСКО как специализированного учреждения ООН, которое развивает идеи ответа на глобальные вызовы посредством образования, и программы цифрового образования ProFuturo, ориентированной на сокращение разрыва в образовании в мире за счет технологий и повышения качества образования для детей, живущих в уязвимых средах Латинской Америки, Карибского бассейна, Африки и Азии. Документ «Искусственный интеллект в образовании: проблемы и возможности для устойчивого развития» [37] содержит описание того, в какой степени уже сегодня системы ИИ влияют на сектор образования, рассматривает перспективы, проблемы и последствия использования ИИ в образовании для устойчивого развития. Доклад содержит приглашение к глобальным и локальным дискуссиям об использовании, возможностях и рисках применения ИИ в образовании.

ИИ в образовании как перспективная область исследований и практика функционирования сложных экосистем знаний, технологий, бизнеса сосредоточена в развитых странах [13]. Разработка национальной государственной политики в отношении ИИ в образовании находится в стадии становления, так, Китай разработал национальную стратегию ИИ в образовании [31].

В Российской Федерации перспективы использования технологий ИИ как условие для улучшения уровня жизни населения за счет повышения качества услуг, в том числе в сфере образования, определены Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Развитие ИИ связывается с необходимостью междисциплинарного взаимодействия представителей естественнонаучной, технической и социально-гуманитарных сфер знаний для обсуждения перспектив и проблем развития ИИ [14]. Осенью 2020 года на онлайн-интенсиве, организованном АНО «Университет 20.35» и посвященном формированию и акселерации команд, способных создавать и коммерциализировать проекты в области ИИ, было заявлено 1787 проектов для опережающего технологического развития в приоритетных отраслях

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

Разработка систем ИИ для образовательных нужд является одним из самых быстрорастущих сегментов экономики. Так, согласно отчету «Рынок искусственного интеллекта в секторе образования США» (Artificial Intelligence Market in the US Education Sector 2018–2022) [18], аналитики прогнозируют, что в период 2018–2022 годов рынок искусственного интеллекта в секторе образования США будет расти в среднем на 47,77%. В отчете выделяются основные рыночные тенденции данной области, определяются стейкхолдеры, фиксируются рыночные возможности и угрозы для игроков этого рынка. Согласно отчету, одними из факторов, влияющих на этот рынок, являются растущий упор на индивидуализированные программы обучения и запрос педагогов на автоматизацию сбора данных об успеваемости учащихся для принятия обоснованных решений. Отмечается, что в секторе образования США присутствуют интеллектуальные интерактивные программы, использующие различные технологии, такие как машинное обучение, обработка естественного языка и глубокое обучение. В отчете говорится, что этот рынок требует значительного финансирования и инвестиций, а также обширных исследований его применимости.

Теоретическая актуальность обращения философии образования к проблемам ИИ в контексте широкой социально-гуманитарной экспертизы обусловлена тем, что целевая и ценностная компоненты в настоящее время не в должной степени задают технические параметры и организационные условия внедрения технологических решений в сферу образования.

Объект анализа данной статьи — технологии искусственного интеллекта (или системы искусственного интеллекта), целевое предназначение которых связано с использованием в образовании, понятом как процесс, система, результат. Предметом рассмотрения будут основные цели применения систем ИИ в образовании, на которые ориентируются создатели при практическом воплощении технологических решений сегодня и в ближайшем будущем, а также ограничения и риски встраивания ИИ в системный, процессуальный и результативный компоненты образования. В тексте не будут приводиться примеры конкретных решений в области ИИ в образовании, поскольку в силу высокого динамизма этой области происходит быстрое обновление продуктов и технологий, кроме того, имеются примеры актуальных развернутых описаний, среди которых отдельно отметим обзор 2018 года [24], доклад национального института информационных и коммуникационных технологий Токио, Япония, 2018 год [32], доклад Всемирной организации интеллектуальной собственности, 2019 год [40].

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

Что такое ИИ в образовании?

Оставив за пределами рассмотрения крайне дискуссионные вопросы об определении естественного и искусственного интеллекта, о природе сознания и о достижимости глобального ИИ, констатируем отсутствие согласованного определения ИИ. Эта позиция стала отправной точкой практически всех публикаций по теме. Так, в проекте стандарта Международной организации по стандартизации используется три разных определения ИИ [11; 30].

Тем не менее выделим ряд характеристик систем ИИ, значимых при анализе целей их применения в образовании. Технологии ИИ предполагают алгоритмизированные способности программных решений анализировать окружающую среду при определенной доли автономности в реализации алгоритма. Способность к самообучению, а также наличие антропоморфно обозначенных характеристик интеллектуальности («разумности», «рациональности», «осознанности» во всех или в определенных обстоятельствах и прочее) рассматриваются как критически важные для понимания слабого ИИ.

Цели использования систем ИИ в образовании

Обобщенное представление о целях использования ИИ в образовании сводится к утверждению о том, что технологии ИИ — способ улучшения образования. Однако за понятием «улучшение

Образование как система (системный аспект образования) требует эффективного управления как на локальном, так и на национальном уровнях. Предполагается, что системы ИИ могут сделать администрирование системы образования (от образовательных организаций до национального уровня) деятельностью, основанной на концепции «доказательной образовательной политики» (evidence-based educational policy) [20]. По аналогии с доказательной медициной эта концепция требует использования методов управления образованием, основанных на значительном объеме качественных данных, надежных доказательствах, подтвержденных экспериментально. Интеллектуальный анализ данных, направленный на обнаружение значимых закономерностей и взаимосвязей, и аналитика обучения (оценка данных для характеристики обучающегося и обратной связи) призваны

помочь выработать рекомендации для руководителей образования на местном, региональном и локальном уровнях. Системы ИИ представляются способом формирования системы поддержки экспертных и управленческих решений в сфере образования посредством рекомендаций относительно управления текущей деятельностью и планирования изменений.

Ключевой вопрос заключается в том, насколько эффективна будет такая система поддержки для получения желаемых и прогнозируемых результатов. ИИ, применяемый для генерации национальной образовательной статистики и ее аналитики, должен создаваться, отталкиваясь от целей образования, которые по сути являются качественными, не сводимыми лишь к количественным индикаторам. В образовании важны не столько обобщенные данные и прогнозы, сколько понимание причин, вызывающих те или иные параметры и определяющих тренды развития элементов системы образования, выявление связи между действиями и результатами. Поэтому для сопровождения управленческих воздействий на систему образования технологиями ИИ принципиально важна прозрачность интерпретации модели, лежащей в основе конкретного технологического решения.

Цифровые решения являются фактором и одновременно проявлением глобализации и унификации образовательного пространства. Эти тренды поддерживает доступность массовых онлайн курсов без географической и временной фиксации правил их прохождения, развитие платформ с интерактивными учебными материалами от ведущих университетов и преподавателей и образовательной аналитикой. За счет решений на основе ИИ в рамках курсов и платформ могут быть сняты языковые образовательные барьеры (субтитры в режиме реального времени на основе распознавания речи позволят обучаться на родном языке), во взаимодействии с педагогами могут быть включены дети с особыми образовательными потребностями (этот же инструмент — создание субтитров — может быть использован для слабослышащих детей). Таким образом, ИИ может обеспечивать доступ к образовательным ресурсам различным категориям населения: одаренным детям; беженцам; студентам с особыми образовательными потребностями; представителям изолированных и маргинализированных сообществ; лицам, нуждающимся в дополнительном образовании. Поскольку формальные и неформальные провайдеры образования могут преследовать несовпадающие цели, расходиться в содержании воспитания и социализации, а также ожидаемых образовательных результатах, широкое использование систем ИИ обострит противоречия между глобальным и локальным в мировом образовательном пространстве.

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

Персонализация и индивидуализация за счет дифференциации контента (иначе говоря, за счет создания персонального «умного контента») могут быть поддержаны системами ИИ в разных вариантах. Выделим те, которые на данный момент имеют прикладное воплощение: а) формирование индивидуальных образовательных программ на основе стандартизированных учебных планов, то есть выделение содержания образования (курсов, моделей, тем, практик и т.д.), значимого для формирования определенных компетенций у конкретных групп или индивидов; б) формирование внутри образовательных форматов образовательного контента, соответствующего особенностям и потребностям учащихся (например, создание цифровых обучающих интерфейсов с персональными параметрами настройки, индивидуальных цифровых учебников (так называемых «алмазных букварей»). Системы ИИ могут структурировать и дополнять ссылками на внешние ресурсы содержание учебника, создавать краткое содержание разделов и тесты. Несовершенство имеющихся образцов (неточность выбора толкования терминов при предметной их многозначности, нерешенность вопросов экспертной оценки результатов работы системы на адекватность и т.д.) не рассматривается как свидетельство недостижимости целей персонификации контента; в) формирование учебных веб-сред с постоянной актуализацией информации и ее визуализацией, активной геймификацией и применением виртуальной и дополненной реальности.

Системы ИИ разрабатываются как способ методической поддержки учебных программ как при их создании за счет алгоритмизации разработки учебных курсов, так и при реализации через систему обратной связи при преподавании отдельных предметов. Учебная персонализированная аналитика может стать основанием обучения нейросетей для создания динамических моделей курса в процессе его преподавания. Выявление учебного материала, который вызывает трудности усвоения у большинства или у каких-то групп учащихся вплоть до затруднений конкретного человека, и предупреждение об этом может быть востребовано

преподавателем курса для улучшения качества объяснений и используемых материалов и для принятия превентивных мер, позволяющих предотвратить возникновение трудностей. Кроме того, такие данные позволяют учащимся обратить дополнительное внимание на определенные моменты учебных курсов и программ. Coursera как крупный поставщик открытых онлайн-курсов уже применяет это на практике [9]. Тем самым системы ИИ могут способствовать поддержанию единства и целостности усвоения концептуальных основ образовательной программы (курса, модуля) при допущении индивидуальных вариантов освоения.

Использование систем ИИ для целей персонализации и индивидуализации процесса образования может быть направлено на создание индивидуальных образовательных траекторий с точки зрения форматов: онлайн, офлайн или гибридных форм организации учебного процесса. Понятие «адаптивное обучение» указывает на задачи формирования таких индивидуальных моделей (графиков) образовательного процесса, когда, например, необходим доступ к курсам того уровня, который не может быть предоставлен конкретному обучающемуся в конкретном образовательном учреждении.

Системы ИИ нацеливают на создание новых возможностей организации аудиторной и самостоятельной работы учащихся с учетом того режима обучения, который был бы предпочтителен, исходя из индивидуального учебного опыта, уровня знаний, навыков владения цифровыми технологиями, психологического комфорта и эмоционального состояния учащегося. Различные стили обучения и образ мышления могут быть приняты во внимание преподавателем в режиме реального времени или асинхронно, что рассматривается как фактор, значимый для улучшения образовательных результатов, поскольку системы ИИ смогут помочь учащимся проявить самостоятельность в постановке целей обучения и определении способов их достижения, что, в свою очередь, скажется на повышении мотивации и вовлеченности. «Мы не занимаемся мотивационными аспектами образования. Не разрабатываем программы, которые должны повысить интерес и вовлеченность со стороны учащихся. Новые методы обучения, к сожалению, не создаются. А ведь мы бы могли сохранить интерес к образованию и уменьшить количество учащихся, которые бросают школу», — отметил Билл Гейтс в 2019 году на конференции, посвященной ИИ [26]. Машинные решения планируются как способ организации коллективных образовательных взаимодействий, когда в рамках одного занятия с одним педагогом могут работать учащиеся с различным уровнем подготовки. Возможности выбора учащимися преподавателя на основании рекомендаций ИИ

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

На трансформацию социальных ролей субъектов образования могут повлиять решения на основе ИИ по тьюторской и репетиторской поддержке процесса образования. Системы ИИ могут выступать в роли цифрового наставника, помогающего за счет создания разнообразной образовательной среды в развитии определенных навыков, которые значимы для образования (внимание, память, иные алгоритмизируемые навыки), но не связаны с высокоуровневым творческим мышлением. Репетиторская поддержка от систем ИИ может освободить родителей от сопровождения домашней работы, а учителей — от дополнительных объяснений. В литературе есть данные о том, что такое использование цифровых решений в статусе «виртуальных репетиторов» может быть значимо для поддержания в ученике уверенности в себе, так как снимет необходимость обращаться с просьбами о помощи к другим учащимся или к учителю [35].

Таким образом, цели и преимущества включения ИИ в процесс образования для обучающихся могут быть связаны с персональным планированием содержания и форматов образовательных активностей с учетом значимых для человека факторов, с возможностями постоянного получения обратной связи в процессе индивидуального мониторингования образовательных результатов. Ожидается, что персонификация образовательных задач и процесса обучения позволит студентам как избежать негативного давления социальной нормативности при сравнении с другими учащимися, так и построить удобное сотрудничество. Примером могут служить платформы, на которых студенты могут обмениваться решениями и при этом оставаться независимыми в поиске решений при фильтрации сообщений на базе алгоритмов машинного обучения. Для преподавателей использование ИИ в процессе образования позиционируется разработчиками как способ реализации педагогических установок на персонификацию процесса образования.

Заметим, что каждый из аргументов, используемый при обосновании целевых ориентиров использования ИИ в процессе образования, может быть оспорен. Так, выглядит односторонним представление о том, что возможности формирования индивидуальных образовательных траекторий с помощью ИИ однозначно приведут к повышению автономности обучающихся как субъектов образования. Последствием применения систем ИИ может стать и патернализация образовательного процесса, возникновение

стремления переложить ответственность на антропоморфно воспринимаемый ИИ при отсутствии четкой фиксации субъекта ответственности в правовом пространстве. Повышение технологической зависимости каждого из субъектов образования не может не повлиять на понимание самооценности образовательных усилий. В фокусе внимания разработчиков находится процесс обучения, а не единство обучения и воспитания. Концептуализация образа и природы современного человека должна быть базой для прояснения социализирующего потенциала онлайн-обучения [12], в том числе с использованием ИИ. Для доказательных выводов о корреляции между сопровождением образовательного процесса умными системами и результативностью процессов воспитания и социализации в настоящее время недостаточно эмпирического материала, причем задача его появления сама по себе ставит крайне непростые этические проблемы проведения исследований с привлечением детей. Использование ИИ может обернуться конфликтами в педагогических коллективах, выгоранием педагогов, дополнительными сложностями в организации синхронных коллективных образовательных взаимодействий. Алгоритмизация дизайна учебных курсов может снизить массовую востребованность творческих преподавательских компетенций. Повышение «прозрачности курса» с точки зрения его освоения учащимися может не уменьшить, а увеличить трудозатратность ведения курса педагогом. Поэтому может оказаться практически не реализуемой гипотетическая возможность перераспределения за счет ИИ преподавательских усилий в пользу саморазвития, управления образовательной средой, методической работы или формирования у учащихся социальных навыков в силу зависимости от множества факторов. Представляется крайне важным заранее определить границы применения систем ИИ пределами рутинных педагогических действий, не распространяя применение технологий на сущностные параметры образования, связанные с природой человека и социальных взаимодействий. Редукция тех изменений, которые происходят в процессе образования, до измеряемых параметров ведет к утрате антропологической природы образования.

Совместная адаптация и взаимная подстройка человека и технологических решений открывают перспективы для рассмотрения системы «человек–ИИ» как целостного обучаемого агента (отмечу, что затруднительно в таком контексте употреблять как термин «объект», так и понятие «субъект» образования) для описания форматов сотрудничества машинных и/или человеческих агентов [23]. В образовании возможно появление «цифрового кентавра», то есть человеко-машинной системы, в которой человек и ИИ взаимодействуют в процессе образования, взаимно обучая друг

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

Системы ИИ разрабатываются для фиксации образовательного опыта и результатов развития индивидов внутри образовательной системы. Решения в сфере ИИ способны предоставить визуализированную персональную учебную аналитику. Аналитика «цифровых аватаров учащихся» позволяет приблизиться к автоматизированному оцениванию эффективности процесса образования. Уникальный цифровой след («цифровая тень», цифровые профили обучающихся) образовательных активностей, собранный в активном и пассивном режимах, позволяет создавать и динамически поддерживать актуальную модель знаний и навыков учащегося. Структура модели задается разработчиком и заказчиком, поэтому технологические решения могут весьма сильно отличаться отслеживаемыми индикаторами. Результаты работы систем ИИ могут быть востребованы самим учащимся для более осознанного планирования образовательных результатов в соотношении с личными целями и выбора образовательных возможностей, релевантных как уровню знаний, так и индивидуальным особенностям. Так, например, при подборе обучающего контента, дополнительных образовательных программ, разовых образовательных мероприятий и т.д. ИИ может стать средством формирования персональной траектории развития к желаемым результатам образования.

20

то есть показать связь между определенными видами образовательной деятельности и результатами, показать, насколько использование конкретных педагогических инструментов адекватно решает педагогические задачи. При сравнении цифровых профилей обучающихся по конкретным параметрам возможно выявлять максимально эффективные образовательные траектории, масштабировать успешные педагогические практики, что потенциально может сократить трудоемкость образовательного процесса, ориентируя его на доказательность и проверяемость. Поскольку цифровой след отражает не только знаниевые и навыковые результаты, но и ресурсы, затраченные на их достижение, за счет ИИ могут появиться возможности для выбора преподавателями и образовательными учреждениями эффективных инструментов формирования новых видов деятельности как результатов образования. Повышение прозрачности в использовании технологий ИИ для фиксации образовательных результатов является одним из условий возможного следующего шага — поддержки профориентации и трудоустройства средствами ИИ. Цифровая аналитика областей сформированных «сильных» компетенций может стать основанием для выбора специальности и сферы деятельности. Безусловно, автономный выбор субъекта обладает приоритетом в сравнении с цифровыми рекомендациями, однако перспективы цифровизации экономики могут способствовать усилению статуса рекомендаций систем ИИ.

Как средство оценки образовательного результата цифровой образовательный след, создаваемый ИИ, может быть востребован при оценивании кадрового потенциала. Цифровой след уже сейчас имеет тенденцию к превращению в товар, что порождает ряд конфликтов относительно автономии человека, статуса персональных данных. Без добровольного информированного и активного заинтересованного участия обучающихся сбор цифрового следа невозможен, однако следует констатировать, что массового запроса на применение систем ИИ с такими целями пока не сложилось.

Ключевые ограничения и риски ИИ в образовании

Проблемы, которые видят исследователи, занимающиеся непосредственной разработкой систем ИИ, касаются либо вопросов адаптации технологий к человеку (сделать технологии более удобными, эффективными), либо рисков их применения для здоровья человека. В ориентации на эти вопросы проходят обсуждения задач разработки универсальной технической и нормативной

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

Комплексное осмысление и регулирование образовательных экосистем, в которых человек взаимодействует с технологиями ИИ, методологически затруднено известной дилеммой Коллингриджа, согласно которой «внедрение новых технологий — открытый и непредсказуемый процесс, все последствия которого можно оценить только в реальной жизни, но к этому времени они уже могут стать необратимыми» [6, с. 104]. Тем не менее рядом институций и сообществ экспертов ведется работа по поиску ответов на ключевые опасения относительно перспектив интеграции ИИ в различные социальные и экономические отношения: Международная организация по стандартизации (ISO) разрабатывает пакет документов по теме ИИ, в числе которых «Обзор этических и социальных проблемных вопросов» [25], ЮНЕСКО выпустила документы, освещающие этические и социальные проблемы применения ИИ [28; 39]. Обратим внимание на формирование Институтом Ады Лавлейс (Великобритания), входящим в Наффилдский фонд, независимой сети исследователей и практиков, приверженных пониманию социальной и этической ценности данных и ИИ [16].

Назовем те проблемы, которые, по мнению экспертных международных организаций, являются наиболее значимыми и, по нашему мнению, имеют специфику проявления в образовании. Во-первых, это проблема «черного ящика» (возможность получения системой ИИ выводов без объяснения оснований принятия решения, что приводит к невозможности проверить и верифицировать результаты работы технологии) [21; 6; 10; 29]; во-вторых, проблема онтологической неопределенности ИИ (перспективная субъектная и реальная объектная трактовки ИИ) и сопряженная с ней проблема ответственности (ответственность разработчиков, владельцев и разработчиков технологий ИИ и возложение ответственности на развитые системы ИИ в случае значительного развития их автономии) [25]; в-третьих, это проблема взаимодействия человека с ИИ на базе этических требований и правовых норм, обеспечивающих права и благополучие человека (эффекты антропоморфизации устройств и имитации социальных связей и эмоциональных контактов) [41]; в-четвертых, это проблема цифрового суверенитета (определение соотношения международного и национального режимов применения систем ИИ).

Существует ряд общих проблем применения ИИ в социальной сфере — в здравоохранении и образовании [4; 5]. Представляется важным проведение дополнительных исследований того, как выделенные и возможные будущие проблемы, а также заявленные текущие и перспективные цели применения систем ИИ в образовании соотносятся с сущностными характеристиками образования, ориентирами повышения качества, доступности, недискриминационности, эффективности при уважении в образовании достоинства и автономии субъектов. Исследования в области философии образования значимы для выявления места, ограничений и рисков при масштабных трансформациях образования под влиянием ИИ.

Литература

1. Алексеева И.Ю. Субъектность искусственного интеллекта: старые вопросы в новых контекстах // Информационное общество. 2020. № 6. С. 2–6.
2. Амиров Р.А., Билалова У.М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3 (135). С. 80–88.
3. АНО «Университет 20.35». Официальный сайт. URL: <https://2035.university/arkhipelag-20-35/> (дата обращения: 23.01.2021).
4. Брызгалина Е.В. Медицина в оптике искусственного интеллекта: философский контекст будущего // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 54–71.
5. Брызгалина Е.В. Искусственный интеллект в образовании: социально-философские аспекты [Электронный ресурс] // 20.35. Информбюро. Национальная технологическая инициатива. 2019. URL: <https://ntinews.ru/blog/publications/>

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

- 24

and Electronics Engineers (IEEE). 2017. URL: <https://ethicsinaction.ieee.org> (date of access: 11.01.2021).

25. First draft of the Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO. 2020. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434> (date of access: 11.01.2021).

26. *Gates B.* Stanford Institute for Human-Centered Artificial. URL: <https://hai.stanford.edu/events/2019-hai-symposium/people/bill-gates> (date of access: 11.01.2021).

27. Information Technology — Artificial Intelligence — Risk Management. ISO/IEC AWI 23894. 2019. URL: <https://www.iso.org/standard/77304.html> (date of access: 11.01.2021).

28. Information technology — Artificial intelligence — Overview of ethical and societal concerns. ISO/IEC AWI TR 24368. 2021. URL: <https://www.iso.org/standard/78507.html> (date of access: 11.01.2021).

29. Information technology — Artificial Intelligence (AI) — Assessment of the robustness of neural networks — Part 1: Overview. ISO/IEC TR 24029-1. 2019. Part 2: Methodology for the use of formal methods. 2019. URL: <https://www.iso.org/standard/77609.html> (date of access: 11.01.2021).

30. Information Technology — Artificial intelligence — Concepts and terminology. International Organization for Standardization. ISO/IEC WD 22989. 2020. URL: <https://www.iso.org/standard/74296.html> (date of access: 25.01.2021).

31. *Jing M.* China wants to bring artificial intelligence to its classrooms to boost its education system. // South China Morning Post. 2017, October 14. URL: <https://www.scmp.com/tech/science-research/article/2115271/china-wants-bring-artificial-intelligence-its-classrooms-boost> (date of access: 25.01.2021).

32. *Kafle V.P., Fukushima Y., Martinez-Julia P., Miyazawa T.* Consideration On Automation of 5G Network Slicing with Machine Learning // 2018 ITU Kaleidoscope: Machine Learning for a 5G Future (ITU K), 2018. P. 1–8.

33. *Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L.B.* Intelligence Unleashed: an argument for All in Education. London: Pearson, 2016.

34. *Mayer-Schönberger V., Cukier K.* Big Data: A revolution that will transform how we live, work, and think. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

35. *Montebello M.* AI injected e-learning: the future of Online Education. Berlin, Germany: Springer, 2017.

36. *Nye B.D.* Intelligent Tutoring Systems by and for the Developing World: a review of trends and approaches for Educational Technology in a Global Context. International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2015. Vol. 25, N 2. P. 177–203.

37. *Pedro F., Subosa M., Rivas A., Valverde P.* Artificial intelligence in education: challenges and opportunities for sustainable development, UNESCO. 2019.

38. *Roll I., Wylie R.* Evolution and Revolution in Artificial Intelligence in Education. International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2016. Vol. 26, N 2. P. 582–599.

39. Steering AI and Advanced ICTs for Knowledge Societies: Rights, Openness, Access, and Multi-stakeholder Perspective. UNESCO. 2019. URL: <https://www.unesco.de/sites/default/files/2019-11/372132eng.pdf> (date of access: 11.01.2021).

40. WIPO Technology Trends 2019: Artificial Intelligence. World Intellectual Property Organization. 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (date of access: 25.01.2021).

41. *Zhou Y., Fischer M.* AI love you. Developments in Human-Robot Intimate Relationships. Springer Nature, Switzerland AG, 2019.

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

Artificial Intelligence in Education. Analysis of Implementation Goals

Elena V. Bryzgalina

PhD in Philosophy, Associate Professor.

Faculty of Philosophy, Head of Philosophy of Education Department for Department of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.

1, Building Shuvalovskii, Leninskie Gory, Moscow 119234, Russian Federation.

Abstract. The article typologies the goals of using AI systems, corresponding to three key aspects of understanding education (education as a system, education as a process, education as a result) and corresponding to significant trends in the development of education (increasing flexibility and decentralization of the global education system, personalization of the education process, digital fixation of competence results education). AI technologies will be able to bring education management closer to usage of methods based on a significant amount of quality data and contribute to the formation of evidence-based educational policy, when it will be applied to the systemic aspect of education. Problems with the interpretation of the decision-making model in administration directly affects on the effectiveness of artificial intelligence support for managerial decisions in the education. The process of education and upbringing can be personalized and individualized with the support of AI through the formation of individual educational programs by format, by content, by the educational environment; methodological support of training courses; increasing the motivation and involvement of students. The transformation of interaction models between educational subjects is ambiguous in terms of the impact on the autonomy and responsibility of the subjects, on the results of socialization and upbringing, on the labor intensity and transparency of the educational process, including in the light of the prospects for the emergence of "human-AI" systems as a trained agent. In the effective aspect, education involves AI as a tool for monitoring and recording educational achievements and expended resources, capable of clarifying the links between educational activities and results. The digital educational footprint, becoming a commodity, generates a number of conflicts regarding the autonomy of subjects and the status of personal data. The key risks of using AI in education are associated in the article with the problems of human existential security and the anthropological essence of education. Their assessment is limited by the Collingridge dilemma, in the solution of which a comprehensive socio-humanitarian examination of the goals and practices of using AI in education is important, part of which is the development in the field of education philosophy.

Keywords: education, philosophy of education, artificial intelligence systems, artificial intelligence technologies, goals of education, education as a value, education system, educational process.

For citation: Bryzgalina E.V. Artificial Intelligence in Education. Analysis of Implementation Goals // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 2. P. 9–29. DOI: 10.31857/S023620070014856-8

References

1. Alekseeva I.Y. Subektnost' iskusstvennogo intellekta: starye voprosy v novykh kontekstakh [Subjectivity of artificial intelligence: old questions in new contexts]. *Informacionnoe obshchestvo*. 2020. N 6. P. 2–6.
2. Amirov R.A., Bilalova U.M. Perspektivy vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sfere vysshego obrazovaniya [Prospects for the implementation of artificial intelligence technologies in higher education]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2020. N 3 (135). P. 80–88.
3. ANO "Universitet 20.35". Oficial'nyi sait. URL: <https://2035.university/arkhipelag-20-35/> (date of access: 23.01.2021).
4. Bryzgalina E.V. Medicina v optike iskusstvennogo intellekta: filosofskij kontekst budushchego [Medicine in the optics of Artificial intelligence: the philosophical context of the future]. *Chelovek*. 2019. Vol. 30, N 6. P. 54–71.
5. Bryzgalina E.V. Iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: social'no-filosofskie aspekty [Artificial intelligence in education: socio-philosophical aspects]. 20.35. *Informbyuro. Nacional'naya tekhnologicheskaya iniciativa*. 2019. [Electronic resource]. URL: <https://ntinews.ru/blog/publications/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-sotsialno-filosofskie-aspekty.html> (date of access: 13.01.2020).
6. Grebenshchikova E.G. Gumanitarnaya ekspertiza i diskurs anticipacii [Humanitarian expertise and discourse of anticipation]. *Idei i idealy*. 2018. Vol. 1, N 2. P. 100–111.
7. Luchsheva L.V. Social'nye problemy ispol'zovaniya AI v vysshem obrazovanii: zadachi i perspektivy [Social problems of using AI in higher education: tasks and prospects]. *Nauchnyj Tatarstan*. 2020. N 4. P. 84–89.
8. Materialy Obrazovatel'nogo intensiva "Arhipelag 20.35" [Materials of the Educational Intensive "Archipelago 20.35"]. Oficial'nyi sait ANO "Universitet 20.35" URL: <https://2035.university/arkhipelag-20-35/> (date of access: 13.01.2020).
9. Onosov A.A., Bryzgalina E.V., Savina N.E., Tumanov S.V. Zarubezhnye obrazovatel'nye platformy v sisteme rossijskogo obrazovaniya: ocenka potentsiala i prognozirovanie riskov [Foreign educational platforms in the Russian system of education: potential assessment and prediction of the risks]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2018. Vol. 27, N 8–9. P. 135–151.
10. Paskova A.A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v personalizacii elektron-nogo obucheniya [Technologies of Artificial intelligence in e-learning personalization]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2019. N 3. P. 113–122.
11. Pymova O.A., Zaripova R.S. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v obrazovanii [Technologies of Artificial intelligence in education]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019. N 3. P. 41–44.
12. Sohranyaeva T. V. Cifrovaya socializaciya kak problema filosofii obrazovaniya [Digital socialization as a problem in the philosophy of education]. *Filosofiya obrazovaniya*. 2018. Vol. 1, N 74. P. 35–43.
13. Tishchenko P.D., Yudin B.G. Zvezdnyj chas filosofii? [The finest hour of philosophy?]. *Voprosy filosofii*. 2015. N 12. P. 198–203.
14. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10.10.2019 N 490 "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii" [The decree of the President of the

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

- 28

com/tech/science-research/article/2115271/china-wants-bring-artificial-intelligence-its-classrooms-boost (date of access: 25.01.2021).

32. Kafle V.P., Fukushima Y., Martinez-Julia P., Miyazawa T. Consideration On Automation of 5G Network Slicing with Machine Learning. 2018 ITU Kaleidoscope: Machine Learning for a 5G Future (ITU K), 2018. P. 1–8.

33. Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L.B. *Intelligence Unleashed: an Argument for AI in Education*. London: Pearson, 2016.

34. Mayer-Schönberger V., Cukier K. *Big Data: A Revolution that will Transform how we Live, Work, and Think*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

35. Montebello M. *AI injected e-learning: the Future of Online Education*. Berlin, Germany: Springer, 2017.

36. Nye B.D. Intelligent Tutoring Systems by and for the Developing World: a Review of Trends and Approaches for Educational Technology in a Global Context. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. 2015. Vol. 25, N 2. P. 177–203.

37. Pedro F., Subosa M., Rivas A., Valverde P. Artificial Intelligence in Education: Challenges and Opportunities for Sustainable Development, *UNESCO*. 2019.

38. Roll I., Wylie R. Evolution and Revolution in Artificial Intelligence in Education. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. 2016. Vol. 26, N 2. P. 582–599.

39. Steering AI and Advanced ICTs for Knowledge Societies: Rights, Openness, Access, and Multi-stakeholder Perspective. *UNESCO*. 2019. URL: <https://www.unesco.de/sites/default/files/2019-11/372132eng.pdf> (date of access: 11.01.2021).

40. WIPO Technology Trends 2019: Artificial Intelligence. *World Intellectual Property Organization*. 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (date of access: 25.01.2021).

41. Zhou Y., Fischer M. AI love you. Developments in Human-Robot Intimate Relationships. *Springer Nature*, Switzerland AG, 2019.

Е.В. Брызгалина
Искусственный
интеллект
в образовании.
Анализ целей
внедрения

©2021 Т.В. СОХРАНЯЕВА

СТРАТЕГИЯ МАССОВОЙ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Сохраняева Татьяна Вилевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии образования философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы, учебно-научный корпус Шуваловский». Электронная почта: sokhran@gmail.com

Аннотация. Рассматривается массовая персонализация как модель организации образовательной деятельности, инновационность которой обусловлена современными технологическими возможностями создания или адаптации образовательного продукта в соответствии с индивидуальными потребностями обучающегося. Демонстрируется обусловленность социального заказа на массовую персонализацию в образовании рядом мегатрендов в экономическом и социальном развитии. Характеризуется концепт массовой персонализации в экономическом аспекте, а также обосновывается возможность экстраполяции идеи массовой персонализации на область современного образования. Автор понимает стратегию массовой персонализации как один из путей развития более открытой архитектуры образования и повышения социальной эффективности образовательных практик. В первой части статьи исследуется потенциал массовой персонализации для развития самого образования и решения широкого круга задач социального развития. Отмечается, что возрастающее разнообразие технологических решений позволяет конструировать нелинейные схемы образования, развивать образовательные экосистемы, формировать образовательный ландшафт для удовлетворения гетерогенного социального заказа

к образованию. Подчеркивается актуальность задач развития цифровой педагогики для формирования мотивированности и субъектности индивидов как главного условия эффективности массовой персонализации и для минимизации ошибок в определении целей обучения. Обсуждается возможность смещения акцентов в аксиологии образования с инструментальной трактовки образовательных результатов на подчеркивание значимости образования как процесса становления личности в ее целостности. Во второй части статьи анализируются возможные риски реализации стратегии массовой персонализации, в частности риски развития образовательного неравенства, отхода от принципов эгалитарности в организации образования, связанные с использованием больших данных риски нарушений приватности и конфиденциальности обучающихся. Как потенциальные угрозы указываются возможности манипулирования сознанием обучающихся, управления их вниманием. В заключение делается вывод о возможных перспективах развития стратегии массовой персонализации.

Ключевые слова: массовая персонализация, образование, субъектность, цифровизация, философия образования, социальные риски.

Ссылка для цитирования: Сохраняева Т.В. Стратегия массовой персонализации в современном образовании // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 30–40. DOI: 10.31857/S023620070014857-9

Т.В. Сохраняева
Стратегия
массовой пер-
сонализации
в современном
образовании

Современный социальный заказ к образованию формируется под влиянием таких объективных тенденций, как экспоненциальный рост технологических новшеств, изменение экономической парадигмы в контексте Четвертой технологической революции, углубление кадрового разрыва, возрастание роли креативного труда в производстве общественных благ, демографический сдвиг, процессы урбанизации. Эти мегатренды актуализируют проблемы улучшения управления человеческими ресурсами, достижения нового уровня в развитии человеческого капитала, что влечет за собой постановку новых задач для образования как важного элемента любых процессов социальной модернизации.

Поиски ресурсов повышения социальной эффективности образования актуализируют задачи разработки и внедрения новых моделей образовательной деятельности. Одной из таких образовательных инноваций выступает сегодня стратегия массовой персонализации (далее в тексте — МП), то есть развитие ориентированных на конкретного обучающегося образовательных траекторий и/или обучающих практик с использованием цифровых адаптивных образовательных технологий. Данные технологии позволяют разрабатывать базовые алгоритмы обучения, осуществлять «настройку» программы в соответствии с индивидуальными

С точки зрения философии образования при рассмотрении любой образовательной инновации необходимо оценивать как значение последней для системы образования, так и социальную перспективу реализации новых идей. В фокусе исследования должны быть не только «внутренние» эффекты внедрения модели, но и социальный контекст реализации инновации. Поэтому при рассмотрении МП в качестве внутреннего ресурса образования важно отразить и то, что меняет парадигма МП в «идеологии» образования, а именно: может ли МП генерировать риски для субъектов образования, открывает ли МП путь к более эгалитарной и недискриминационной системе образования или, напротив, создает основания для углубления социального неравенства. Целью данной статьи является анализ МП как современной стратегии в развитии системы образования. Автор ставит задачи: рассмотреть потенциал МП как модели образовательной деятельности; обозначить возможные социальные риски, связанные с неоднозначностью перспективы ее внедрения в практику образования.

32

Сегодня идея МП активно проецируется и на проблемы образования. Как некий вид «массового производства» система образования не соответствует в полной мере современному гетерогенному (с точки зрения разнообразия субъектов) и быстро меняющемуся социальному заказу к образованию. Актуальный запрос общества на более открытую архитектуру образования, на дифференцированную «настройку» образовательных практик с учетом множества задач социального развития становится все более выраженным, а стратегия МП создает новые возможности для динамичного и многовекторного развития системы образования в условиях возрастания его массовости. Очевидно, что МП в этом случае не предполагает простой перенос экономической логики на сферу образования. Невозможность прямых аналогий с индустриальной моделью оговаривается даже в тех ситуациях, когда разрабатывается образовательный продукт с четким алгоритмом конфигурации обучающихся единиц (например, отдельный учебный курс) [11]. Однако, как и в экономической модели, здесь предполагаются модульная архитектура процесса и центральная роль индивида как заказчика образовательного продукта. Вариативность становится возможной вследствие технологических решений для «настройки» опыта обучения с учетом предварительных знаний обучающегося, оценки его навыков и компетенций, предпочтений в методах обучения, а также желаемых учебных программ и карьерных траекторий.

При оценке эффективности МП целесообразно различать два аспекта — технологическо-институциональный и гуманитарно-педагогический. Первый связан с задачами создания образовательного пространства как персонального ресурса обучающегося и технологической поддержки самого процесса обучения. Уже сегодня цифровые технологии обеспечивают широкие ресурсные возможности для обучающихся: конфигураторы «сборки» траекторий обучения, курсов или программ, разнообразные способы доставки и обработки контента, алгоритмы прохождения образовательного маршрута, и др. Но эффективность МП зависит также от наличия в обществе открытого образовательного пространства, дающего шансы для выбора пути. МП невозможна без развития образовательных экосистем, создания диверсифицированной системы образовательных практик различного статуса, распределения ряда традиционных функций системы образования между различными внесистемными субъектами (интернет, СМИ, корпоративное образование, домашнее обучение). Это более сложные процессы, где возможно столкновение интересов разных провайдеров образования, тем не менее образовательные экосистемы как взаимосвязанная сеть образовательных пространств активно

Т.В. Сохраняева
Стратегия
массовой пер-
сонализации
в современном
образовании

При анализе МП в гуманитарно-педагогическом аспекте встают вопросы о возможностях цифровой педагогики и об аксиологических основаниях парадигмы МП. Главным условием результативности МП является развитие в образовательном процессе активности человека при постановке целей, планировании результатов и готовности их достигать, то есть развивающаяся субъектность обучающегося. Но именно эти задачи — формирование спонтанности и стимулирование личностного роста обучающегося — всегда были одними из самых сложных для системы образования. В какой мере цифровая педагогика может быть успешной в формировании мотивационной сферы обучающегося, развитии его инициативности и способности к саморегуляции? Однозначного ответа на данный вопрос нет. Как отмечает Н. Киясов, основатель EdCrunch — флагманской площадки для обсуждения вопросов цифровизации образования, на сегодняшний день нет достаточной научно-исследовательской базы и разработанных методик «на стыке педагогики и цифры» [5].

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что последовательное осуществление идеи персонализации может привести к смещению акцентов в концептуализации смыслов образования — с инструментальной трактовки образовательных результатов на подчеркивание значимости образования как непрерывающегося процесса развития и роста индивида. Кроме того, ценности,

на которых базируется стратегия открытости образования, взаимодействия акторов/субъектов в образовательных экосистемах, формирования разнообразных коллективных компетенций, созвучны ценности сотрудничества как ключевого элемента экономической модели МП. В аксиологическом аспекте новые практики отвечают не только заказу, идущему от экономики, но и запросам общества на большую социальную чуткость образования в целом. Сегодняшняя социальная ситуация создает предпосылки для большего понимания обществом значения гуманистических смыслов образования, которые в XX веке были концептуализированы в философско-педагогических концепциях Дж. Дьюи, Р. Штайнера, Л.С. Выготского, А.С. Макаренко, П. Фрейре, И. Иллича [4].

Таким образом, оценивая потенциал МП как принципа, модели и практики образования, следует отметить, что она создает возможности для ответа системы образования на вызовы «массовой уникальности» [1]. Возрастающее разнообразие технологических решений открывает перспективы комбинирования различных ресурсов и форм обучения, развития нелинейных образовательных программ, расширяя образовательный ландшафт для удовлетворения образовательных запросов разного уровня, статуса, масштаба. Очевидны преимущества стратегии МП на уровне высшего образования для организации смешанного и распределенного обучения в образовательных экосистемах или введения программ по созданию новых видов образовательных степеней [8]. Модель МП безусловно эффективна в любых стратегиях дополнительного образования для взрослых (и детей при участии родителей), когда за выбор и «сборку» образовательного маршрута будет отвечать психологически зрелый индивид с развитой субъектностью.

Применительно к общему образованию пока не существует окончательного понимания того, в каких формах может быть реализовано цифровое обучение с акцентом на самостоятельности обучающегося. Технология МП предполагает использование большой совокупности цифровых образовательных ресурсов и работу с атомизированным (разбитым на единицы, модули) контентом. Даже взрослые пользователи нуждаются в навигации по пространству учебных материалов, еще большую сложность это представляет для детей. Ситуация 2020 года показала, что в условиях пандемии коронавируса COVID-19 система общего образования не справилась с переходом на онлайн-обучение во многом потому, что работа с интернет-ресурсами даже в рамках «пакетных» решений и на определенной платформе оказалась сложной и травмирующей не только для детей, но и для родителей. Последнее обстоятельство вызывало консолидацию родительского корпуса в отрицательной оценке перспектив цифровой школы.

Т.В. Сохраняева
Стратегия
массовой пер-
сонализации
в современном
образовании

Большой потенциал стратегии МП не подвергается сомнению, однако в процессе ее реализации могут возникать и определенные социальные риски. Прогнозируемым оказывается риск усиления образовательного неравенства. Программы МП достаточно дороги, требуют серьезного ресурсного обеспечения системы образования, высокой квалификации исполнителей, равно как и ситуации социального благополучия в целом — в странах с большим процентом бедного населения реализация программ МП ограничивается их доступностью для населения. Процессы разделения не только пройдут между богатыми и бедными странами, но могут затронуть и государства с развитой системой образования. Без последовательной социальной и финансовой политики по поддержанию стратегии МП ее внедрение несет риски отхода от эгалитарного принципа развития образования, когда современные образовательные практики будут доступны в неравной степени как для индивидов, так и для образовательных учреждений.

Позиции самих учащихся тоже неоднородны с точки зрения готовности и желания обучаться по модели МП, потому что имущественные возможности семьи влияют на установки в отношении образования. Можно ожидать активного участия в проектировании целей обучения и выборе образовательных форматов от детей из семей со значительным культурным капиталом («наследников»

в терминологии П. Бурдье) и/или с высоким уровнем доходов. Но общеизвестно, что 23% российских детей живут в бедности [см.: 2]. Образовательное неравенство высветилось уже при вынужденном экстренном переходе к дистанционному образованию, вряд ли после года пандемии эта проблема окажется менее острой.

Потенциальные риски связаны и с тем, что персонализация с использованием цифровых технологий предполагает разработку для каждого обучающегося целого ряда цифровых продуктов, отражающих его образовательные результаты: индивидуального профиля компетенций; творческого портфолио; индивидуальной репутации, включающей оценки наставников, экспертов, партнеров. Использование персональной информации обучающихся и больших данных во всех процедурах персонализированного обучения усиливает негативные последствия любого нарушения в защите информации в образовательном процессе. У субъектов образования нет безусловных гарантий того, что подобного рода данные никогда не станут широко известны или не будут использованы во вред репутации и жизненной перспективе обучающихся. Также представляется неоднозначным использование технологии цифрового следа в образовании, поскольку даже добровольное рейтингование на его основе может как усилить, так и ослабить шансы образовательной и профессиональной карьеры обучающихся в будущем.

Технологии МП несут в себе общие риски цифровизации обучения (фрагментарность знания, недостаточная адаптация технологий для решения педагогических задач, потери качества при передаче информации), но могут генерировать и более серьезные угрозы (манипулирование вниманием обучающихся, «форматирование» или искажение информации). Скрытые алгоритмы картирования программы обучения и передачи информации находятся вне контроля подавляющего большинства обучающихся. Тем самым могут создаваться угрозы образовательных деприваций или трансформации обучения из направляемого в управляемое посредством реализации «скрытого учебного плана». Кроме того, существуют угрозы социальной инженерии в глобальном масштабе, когда информация подается в определенном ракурсе, с определенными политическими и этическими оценками [4, с. 80]. Технологии МП подобно высоким гуманитарным (*англ. high hume*) технологиям могут выступать средством как развития, так и подавления автономного мышления. Вследствие этого они должны быть предметом активного социологического изучения, гуманитарной экспертизы и комплексной экспертной оценки.

В заключение отметим, что большой потенциал МП связан с перспективами, которые она создает для повышения гибкости

Т.В. Сохраняева
Стратегия
массовой пер-
сонализации
в современном
образовании

Mass Personalization Strategy in Modern Education

Tat'yana V. Sokhranyaeva

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.

1, Building Shuvalovskii, Leninskie Gory, Moscow 119234, Russian Federation.

E-mail: sokhran@gmail.com

Т.В. Сохраняева

Стратегия
массовой пер-
сонализации
в современном
образовании

Abstract. The article analyzes mass personalization as a model for arrangement educational activities, the innovativeness of which is due to the modern technological capabilities of creating or adapting an educational product in accordance with the individual needs of the student. The author shows the dependence of the social demand for mass personalization in education via a number of mega-trends in economic and social development. The concept of mass personalization in the economic aspect is examined; the possibility of extrapolating the idea of mass personalization to the field of modern education is substantiated. The author considers the strategy of mass personalization as one of the ways to develop a more open architecture of education and increase the social effectiveness of educational practices. The first part of the article analyzes the potential of mass personalization for the development of education itself and for solving a wide range of social development problems. It is noted that the increasing variety of technological solutions allows one to design non-linear educational schemes, develop educational ecosystems, and shape the educational landscape to meet the heterogeneous social order for education. The urgency of the tasks of the development of digital pedagogy for the formation of motivation and subjectivity of individuals as the main condition of the effectiveness of mass personalization and for minimizing errors in determining the goals of learning is emphasized. The possibility of shifting the emphasis in the axiology of education from an instrumental interpretation of educational results to emphasizing the importance of education as a process of formation of personality in its integrity is considered. The article then moves on to examine the possible risks of implementing a mass personalization strategy. Risks of the development of educational inequality, a departure from the principles of egalitarianism in the organization of education are considered, the risks of violations of privacy and confidentiality of students associated with the use of big data are analyzed, the possibilities of manipulating the consciousness of students, managing their attention as potential threats are noted. The conclusion is made about the possible prospects for the development of mass personalization strategy.

Keywords: mass personalization, education, agency, digitalization, philosophy of education, social risks.

References

- 40

©2021 О.А. ФРАНЦУЗОВА

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ДЕТСТВА

Французова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы, учебно-научный корпус Шуваловский». Электронная почта: frantsuzovao@mail.ru

Аннотация. Современное детство представляет собой сложное сочетание признаков, контекстов и взаимодействий, связанных с цифровой средой, беспрепятственным преодолением пространственно-временных рамок в сфере оцифрованной информации и виртуальной реальности, опережающим освоением технологических новинок, преодолением культурных и коммуникативных барьеров в виртуальной интернет-среде. Эти факторы влияют на специфику современного детства в контексте образовательных практик. Детство традиционно рассматривалось в философии как этап жизни человека в контексте концепции времени, в контексте концептуализации взрослости и период становления взрослого человека. В связи с обоснованием самооценности детства дети перестали рассматриваться философами как неполноценные взрослые, стремящиеся к сложности и совершенству. В философских и психолого-педагогических трудах детство изучается в ракурсе нормативности и автономии. Взросление определяется как этап значительного увеличения автономии и расширения субъективного пространства ребенка, но вместе с тем взросление связано с уменьшением произвольности и спонтанности, повышением социальной значимости и зависимости от социальных норм. В таких условиях возникает вопрос — возможна ли автономия ребенка (ученика) от взрослого (учителя) в контексте образовательных практик? Этот вопрос является одной из тем исследований международного движения «Философия для детей», стремившегося

Ссылка для цитирования: Французова О.А. Феномен современного детства // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 41–50. DOI: 10.31857/S023620070014858-0

Интерес к трактовке детского возраста, изменение и эволюция представления о детстве, развитие теорий о границах автономии детей, психологии детства в контексте образовательных парадигм,

понимание уникальности детского возраста и формулирование статуса детей, их прав в обществе, проблематики детского образования повлияли на появление учебных курсов в университетах, посвященных философии детства в контексте философии образования.

О.А. Французова
Феномен современного детства

Что такое современное детство

Современное детство представляет собой комплекс сложных признаков, контекстов и взаимодействий в цифровой среде, связанных с такими характеристиками, как беспрепятственное преодоление пространственно-временных рамок в сфере оцифрованной информации и виртуальной реальности [13, с. 36–40], опережающее освоение технологических новинок, преодоление языковых, культурных и психологических коммуникативных барьеров в виртуальной интернет-среде.

Мобильность, доступность, алгоритмичность и скорость — вот характеристики социальной реальности, составляющей ареал нынешнего ребенка [6, с. 130], что важно учитывать в контексте образовательных практик.

Изучение детства затруднено рассмотрением детского возраста в качестве первичного феноменологического опыта, поскольку на ребенка всегда смотрят глазами взрослого человека, и поэтому для взрослого «детство остается закрытой страной» [2, с. 47–59]. Вместе с тем недооценка философским сообществом проблематики философии детства в качестве автономного предмета лишает данную область современных исследований, позволяющих внести существенный вклад как в понимание эволюции современного детства в контексте образования, так и последующих этапов жизни человека, следующих за детским возрастом. А ведь сущностные характеристики юности и взрослого возраста базируются на основаниях и паттернах сенситивного периода [12, с. 491], заложенных в детском возрасте, в том числе под влиянием образования.

Задаваясь мыслью о том, что представляет собой современное детство и каким образом образовательная практика, авторитет учителей или родителей могут противостоять предполагаемым негативным явлениям, идеологической обработке, мы стремимся понять способы реализации нравственного воспитания и обучения, лучше понять особенности современного детства.

Понятие «детство» в контексте образования интересовало западных философов и менялось на протяжении многих веков. Долгое время концепция детства как этапа жизни рассматривалась

Детство наделяется особым статусом в современном европейском неолиберальном институционализме, в который приходит понимание уникальности детского возраста и необходимости защиты детей. В этой парадигме дети рассматриваются как социальное меньшинство, аналогичное гендерным, расовым и социально-экономическим меньшинствам, чувствительным к дискриминации и неравенству [3, с. 324], а, значит, требующим бережного отношения и защиты *прав и свобод детей*. Правам и защите свободы детей посвящено множество психологических и философских

трудов, популярных в современной европейской традиции, но мы не будем останавливаться на них в этой работе.

О.А. Французова
Феномен современ-
ного детства

Понимание детства как гармоничного целого, обладание правами и свободами, в том числе правом на образование, неминуемо рождало ряд вопросов: абсолютна ли свобода ребенка, может ли эта свобода быть ограничена? Опираясь на философско-антропологические концепты моделей человека, сформировавшиеся в культурно-историческом контексте, современные образовательные парадигмы могут быть определены как экзистенциально-персоналистические. В современных философских направлениях — экзистенциализме и персонализме — происходит фокусирование внимания на осознании единичности и независимости человеческого бытия, а следовательно, уникальности и независимости детства. Так, М. Хайдеггер и К. Ясперс обращают внимание на то, что поиск новых путей образования требовал уточнения понимания «антиномического отношения между понятием “свобода” и “образование”, трансформирующихся в более категориальную оппозицию “свобода и необходимость”» [5, с. 31–43], сформулированную еще в кантовской философии.

Развитие этой мысли можно проследить в трудах современных западных философов М. Липмана и Э.М. Шарп, основателей международного движения «Философия для детей», которое обосновывало стремление выстраивать практику образования детей на философских основаниях. Они исходили из принципа, что «никто никого не обучает и никто не обучает самого себя; люди сами обучаются друг у друга посредством включенности в отношения с миром, то есть отрицается, что образование исходит от кого-то извне» [4, с. 55–67]. Образование в таком случае исходит из «чтения мира» и диалога, открывающего возможности демократических и неиерархических отношений. В этом контексте роль преподавателя остается фундаментальной, но учитель выступает не поставщиком знаний, а скорее собеседником, который помогает рождению знаний о мире через диалог с ребенком.

Основываясь на прагматизме Дьюи, М. Липман и Э.М. Шарп предложили учебную программу «реконструкции истории философии», состоящую из философских новелл для детей, и методических руководств для учителей, начиная от дошкольной ступени и до старшей школы. Такие сообщества именовались безопасными образовательными пространствами, где дети должны были получать возможность обмениваться идеями по философским понятиям истины, дружбы, справедливости.

В качестве задач таких сообществ рассматривалось формирование навыков творческого и критического мышления детей, чтобы они стали демократически настроенными гражданами. Концепция

В условиях современной ситуации падение престижа образования [5, с. 31–43], отказ от образования в пользу бизнеса в интернете и получения материальных стимулов и «быстрых денег без существенных трудозатрат», не создают стимулов для приложения усилий ребенком. Если эта проблематика не так актуальна для раннего детства, дошкольников, то для 10–12-летнего ребенка снижается значимость образования [13, с. 36–40], авторитет учителя обесценивается перед авторитетом интернет-блогеров, интернет-тренеров и всевозможных интернет-коучей. Сочетание раннего взросления и при этом сохранение инфантилизма до зрелого возраста [12, с. 493], демонстративная индивидуальность и при этом значительная зависимость от референтной группы — это лишь некоторые характеристики особенностей современного детства.

Какие альтернативные ценности сможет предложить подрастающему поколению система образования? Станет ли образование уделом аутсайдеров и энтузиастов? Ответы на эти вопросы во многом предполагают обращение к экзистенциальным основаниям смысла бытия. Становление личности ребенка, оформление его разумности, реализация свободы творчества не представляются возможными и полностью автономными, поэтому реализация личности человека базируется на «позитивной свободе», на иных основаниях, чем только принуждение к образованию.

Ключевыми точками в образовательной парадигме становятся совместный поиск компромисса между «свободой и необходимостью», «творчеством и ответственностью», выстраивание индивидуальной образовательной траектории, ориентированной не столько на самооценку знаний и умения учиться ради умения учиться, сколько на практический потенциал образования и ориентированность на целостное развитие, в котором ребенок выступает одним из «заказчиков и получателей» результатов. В таком случае автономия ребенка может рассматриваться как способность и возможность контролировать свои действия, соотносить их с целями и ответственностью в отношениях с другими людьми (учителями) и в отношении учебной деятельности.

Перспективным направлением может стать автономия ребенка, поддерживаемая взрослыми, мотивирующим запросы и объясняющим важность получения образования в длительной перспективе, предлагающим выбор и ориентирующим на чувства ребенка, распознавая за импульсивностью и хаотичностью его интересы.

Возможно, применение «мягкой силы» (управление результатами на основе добровольного участия и отказа от принуждения) со стороны родителей и учителей, выступающих активными участниками, а не только фасилитаторами образования, станет необходимостью, базирующейся прежде всего на добровольности участия и диалоге, доверительных отношениях, эмпатичном видении учебной деятельности и поступков ребенка, его успехов и заслуг направлено на еще большую либерализацию образования через отказ от строгого нормирования роли ребенка в качестве ученика, представления большей свободы и ответственности за свой выбор.

Литература

1. Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 31–38.
2. Дуденкова И. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. № 3. С. 47–59.

3. Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследования социальной политики. 2004. № 2. С. 151–174.
4. Кохан У.О. Пауло Фрейре и «Философия для детей»: критический диалог // Социум и власть. 2018. № 6(74). С. 55–67.
5. Романенко И.Б. Противостояние персонализма и универсализма в истории российской образованности: территория духа // Философия человека в историческом контексте. М.: Изд-во РПГУ, 2019. С. 31–43.
6. Рубцов А. В. Миллениалы эпохи postmodern. Сможет ли новое поколение изменить мир // Человек. 2020. Т. 31. № 5. С. 129–145. DOI: 10.31857/S023620070012393-9
7. Селли Дж. Очерки по психологии детства. М.: КомКнига, 2019.
8. Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии: Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015.
9. Frantsuzova O., Trubitsyna L. Upon the educational potential of the informational environment of educational institutions and some problems of its use, SHS Web of Conferences. 2016. Vol. 29. P. 01024. DOI: 10.1051/shsconf/20162901024
10. Gareth M., Mullin A. The Philosophy of Childhood // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition) / Ed. E.N. Zalta . URL: <https://plato.stanford.edu/entries/childhood/> (date of access: 01.02.2021).
11. Gheaus A. The “Intrinsic Goods of Childhood” and the Just Society, A. Bagatini and C. Macleod. *The Nature of Children’s Well-Being: Theory and Practice*. Dordrecht: Springer, 2014. P. 35–52. DOI: 10.1007 / 978-94-017-9252-3_3
12. Rikel A.M. Perception of Social Maturity Criteria, Self-perception and Value Orientations among Russian Millennials // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol. 17, N 3. P. 491–503. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-491-503
13. Robert I.V. Pedagogical Feasibility of Using Systems on the Web-interface for Implementating the Interdisciplinary Nature of Training // Proceedings of the International Conference on the Development of Education in Russia and the CIS Member States (ICEDER 2018), 2018. P. 36–40. DOI: 10.2991/iceder-18.2018.8
14. The Oxford Handbook of the Philosophy of Education / ed. H. Siegel. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Olga A. Frantsuzova

PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Philosophy of
Education, Faculty of Philosophy.
Lomonosov Moscow State University.
1, Building Shuvalovskiy, Leninskie Gory, Moscow 119234, Russian Federation.
E-mail: frantsuzovao@mail.ru

Abstract. Modern childhood is a complex combination of interactions and contexts associated with the digital environment, unrestricted overcoming of the spatiotemporal framework in the field of digitized information and virtual reality, advanced development of technological innovations, overcoming of cultural and communicative barriers in the virtual web environment. These factors affect the specificity of modern childhood in the context of educational practices. In philosophy, childhood has traditionally been considered as a stage of human life in the context of the time concept, in the context of the conceptualization of adulthood

and the period of becoming an adult. Often children are considered not as inferior adults, aspiring for complexity and perfection, but in connection with the justification of the inherent value of childhood. In philosophical and psychology and pedagogical papers, childhood is studied from the perspective of normativity and autonomy. Growing up is defined as a stage of a significant increase in the autonomy and expansion of the subjective space of the child, at the same time, growing up is associated with a decrease in arbitrariness and spontaneity, an increase in social significance and an increase in dependence on social norms. In such conditions, the question arises whether the autonomy of the child (student) from the adult (teacher) is possible in the context of educational practices. This question is one of the research topics of the international movement “Philosophy for Children”, which sought to bring philosophical foundations to the practice of children’s education, based on the well-known attitude that no one teaches anyone, a person teaches himself through involvement in relations with the world. As a source of education, the authors of the movement, seeking to introduce infants to philosophizing, offer dialogical relations established between teachers and students, suggesting the rejection of the hierarchy of relations and the maximum freedom. However, modern educational realities in the conditions of merging of formalization and organized order with internal tendencies to freedom and spontaneity create new collisions that require resolution. Neoliberal education focuses on the child, while often focusing on the regulation of the learning process and maintaining authoritarian and unidirectional methods of control, declaring the transition to a new paradigm, the center of which is the child and his interests, but at the same time preserving the tools and means of quality control of classical education. In such conditions, the key points in the educational paradigm are the cooperative search for a compromise between “freedom and necessity” and “creativity and responsibility”.

Keywords: modern childhood, the phenomenon of modern childhood, philosophy of education, education of children.

For citation: Frantsuzova O.A. The Phenomenon of Modern Childhood // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 2. P. 41–50. DOI: 10.31857/S023620070014858-0

О.А. Французова
Феномен современно-
го детства

References

1. Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Hlomov K.D. Perspektivy sovremennykh podrostkov v kontekste zhiznennoy traektorii [Perspectives of modern adolescents in the context of life trajectory]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*. 2016. Vol. 5, N 2. P. 31–38.
2. Dudenkova I. “Detskij vopros” v sociologii: mezhdru normativnost’yu i avtonomiej [“Children’s question” in sociology: between normativity and autonomy]. *Sociologiya vlasti*. 2014. N 3. P. 47–59.
3. Kon I.S. Detstvo kak social’nyj fenomen [Childhood as a social phenomenon]. *Zhurnal issledovaniya social’noj politiki*. 2004. N 2. P. 151–174.
4. Kohan U.O. Paulo Freire i “Filosofiya dlya detej”: kriticheskij dialog [Paulo Freire and Philosophy for Children: Critical Dialogue]. *Socium i vlast’*. 2018. N 6(74). P. 55–67.

©2021 В.А. ПРОХОДА

ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ СТАТУСНОЙ НЕКОНСИСТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Прохода Владимир Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры философии образования философского факультета.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы, учебно-научный корпус Шуваловский».

Электронная почта: prohoda@bk.ru

Аннотация. Анализируются результаты межстранового проекта «Европейское социальное исследование». В числе базовых статусных измерений рассматриваются экономическая, властная, квалификационная и связанная с ними социально-профессиональная иерархии. Показателями положения индивида в квалификационной иерархии выступают уровень образования и количество лет, потраченных на обучение. Под статусной неконсистентностью понимается несоответствие между высоким положением индивида в одной иерархии и сравнительно низкой позицией в другой. Отмечается определенный дефицит информации, характеризующей место образования в структуре статусной неконсистентности современного российского общества. Особое внимание уделяется вопросу несоответствия профессиональной позиции на рынке труда образовательному статусу россиян. Так, в России по сравнению с Европой выявлена бóльшая наполняемость рассматриваемых социально-профессиональных групп респондентами с высоким уровнем образования. Делается вывод о том, что высокая позиция в образовательной иерархии в существенной мере является условием для попадания в профессиональные слои руководителей и профессионалов, однако наличие высокого уровня образования не гарантирует трудоустройство

Ссылка для цитирования: Прохода В.А. Образование в структуре статусной неконсистентности современного российского общества // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 51–64. DOI: 10.31857/S023620070014860-3

Феномен статусной консистентности традиционно привлекает внимание как отечественных [3; 7], так и зарубежных [10; 11] исследователей. Под консистентностью (статусная кристаллизация, статусная устойчивость, в отечественной традиции — согласованность) обычно понимается свойство существующей социальной структуры, показывающее степень совпадения или несовпадения позиций индивида в социально значимых стратификационных измерениях [5]. Статусы согласованы, когда позиции человека в основных стратификационных иерархиях сбалансированы, иными словами, относительно равны (однородны). Однако статусы не всегда в полной мере соотносятся между собой. Несоответствие между высоким положением индивида в одной иерархии и сравнительно низким статусом в другой именуется

статусной неконсистентностью (статусной рассогласованностью или статусной противоречивостью).

Несоответствие статусов можно рассматривать в разных аспектах: как соотношение объективной и субъективной составляющих статуса [12]; как положение в различных статусных иерархиях, в том числе предписанного и приобретенного статусов. Не претендуя на раскрытие сути многочисленных видов рассогласованности, сосредоточим внимание на образовательном статусе в его объективном аспекте. Цель настоящего исследования — выявить место образовательного статуса в структуре статусной неконсистентности современного российского общества. Статья акцентирована на рассмотрении формального образования, тогда как неформальный и информальный виды образования остаются вне рамок анализа.

Будучи одним из критериев социальной стратификации, образование прямо и косвенно влияет на социально-профессиональное, экономическое и властное положение человека, является одним из каналов вертикальной социальной мобильности, играет важную роль в воспроизводстве социальной структуры общества. На практике образование учитывается в качестве критерия в большинстве распространенных моделей стратификации. Как показывают результаты опросов, образование в представлении россиян выступает важным условием достижения высокого положения в обществе и успеха в жизни, существенно опережая по частоте упоминания такие ответы, как, например, характер, личные качества, способности человека, материальное благосостояние, работа, связи, блат и др. [9]. В то же время отечественные исследователи отмечают недостаточное влияние образовательного статуса на положение индивида в других статусных иерархиях [5]. Они констатируют, что в России образование менее жестко связано с заработной платой, чем в развитых конкурентных экономиках [8].

Статусную устойчивость, как правило, рассматривают как фактор, влияющий на установки и поведение человека [11], и связывают с состоянием психологического стресса. К возможным последствиям статусной неконсистентности относятся снижение уровня институционального доверия и престижности образования, а также ощущение социальной несправедливости [4]. Рассогласованность статусных позиций в обществе подвержена динамичным изменениям. На этом фоне отметим определенный дефицит информации, характеризующей место образования в структуре статусной неконсистентности современного российского общества, что предопределяет актуальность исследования. Обращение к материалам межстранового социологического исследования позволяет с учетом культурной и исторической

В.А. Прохода
Образование
в структуре ста-
тусной некон-
систентности
современного
российского
общества

Материалы и методы

Другим используемым показателем квалификационной иерархии выступает суммарное количество лет, потраченных на получение формального образования. Данный показатель статистически значимо связан с уровнем образования как в России ($r_s = 0,89^{**2}$), так и в других европейских странах. Его достоинством является метрический уровень измерения, позволяющий использовать широкий спектр методов статистического анализа.

² Коэффициент ранговой корреляции Спирмена потенциально может принимать значения от 0 (признаки независимы) до 1 по модулю (последовательности рангов полностью совпадают). Здесь и далее в статье корреляции значимы на уровне $p < 0,01$, что отмечено двумя звездочками (**).

Таблица переменных, используемых в анализе

Статусная иерархия	Переменные и значения
Квалификационная	<i>Наивысший уровень образования, полученный респондентом (вопрос F15)</i> Шкала: 1 — меньше базового среднего (в России: отсутствует основное общее образование); 2 — базовое среднее (в России: основное общее либо начальное профессиональное без среднего общего); 3 — высший уровень среднего общего (в России: среднее общее либо начальное профессиональное со средним общим); 4 — среднее профессиональное (в России: среднее профессиональное); 5 — высшее (в России: бакалавр, специалист, магистр или больше)
	<i>Количество лет, в общей сложности потраченных на обучение, включая годы обучения в школе (вопрос F16)</i>
Социально-профессиональная	<i>Социально-профессиональная группа (на основе ISCO-08, открытых вопросов F33–34a)</i> Шкала: 1 — руководители; 2 — специалисты высшего уровня квалификации (профессионалы); 3 — специалисты среднего уровня квалификации; 4 — служащие; 5 — работники сферы торговли и услуг; 6 — квалифицированные рабочие; 7 — неквалифицированные рабочие
Экономическая	<i>На карточке перечислены группы доходов. К какой группе принадлежит Ваша семья по общему месячному доходу всех ее членов ПОСЛЕ вычета всех налогов? (Вопрос F41)</i> Шкала: от 1 (первый дециль) до 10 (десятый дециль)
	<i>Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время? (Вопрос F42)</i> Шкала ответов: от 1 (живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений) до 4 (жить на такой доход очень трудно)
Властная	<i>На Вашей основной работе входит (входило) ли в Ваши обязанности руководить сотрудниками и отвечать за их работу? (Вопрос F25)</i> Шкала ответов: 1 — да; 2 — нет
	<i>Работой какого количества людей Вы руководите (руководили) или за какое количество людей Вы несете (несли) ответственность? (Открытый вопрос F26)</i>

В.А. Прохода
Образование
в структуре ста-
тусной некон-
систентности
современного
русского общества

Социально-профессиональный статус респондентов в ESS выявлялся с использованием серии открытых вопросов о должности, профессии, отрасли, содержании работы, уровне квалификации и с посткодированием в набор категорий Международной стандартной классификации занятий (International Standard Classification of Occupations, ISCO) 2008 года [см. подробнее: 6]. На основе кодов ISCO-08 нами создана переменная, включающая семь

Для измерения экономического статуса использовался показатель дохода (см. *таблицу*). Поскольку уровень благосостояния населения европейских стран существенно варьируется, а национальные денежные единицы в ряде случаев различаются, в базе данных по каждой стране приведены децили. Одновременно принималась во внимание и субъективная оценка материального положения семьи. Оба показателя значимо связаны как в России (0,47**), так и в других европейских странах. Показателем властного статуса в его административно-управленческом аспекте (с ограничениями, касающимися неформальных отношений) выступало количество подчиненных⁴.

При обработке первичной социологической информации использовались методы корреляционного (ранговая корреляция Спирмена) и однофакторного дисперсионного анализов.

Связь между уровнем образования и родом занятия респондентов прослеживается на *рис. 1*. Между рассматриваемыми показателями имеет место статистически значимая корреляционная зависимость ($-0,55^{**}$). В целом чем выше место в социально-профессиональной иерархии, тем выше образовательный уровень респондентов. В то же время распределение некоторых профессиональных групп по уровню образования весьма неоднородно. Иными словами, позиции определенной части россиян в профессиональной и образовательной иерархиях рассогласованы.

В ESS предусмотрена возможность анализа данных по нескольким государствам, представленным пропорционально численности населения, что позволяет сравнить ситуацию в России не только с ситуацией в каждой стране (к сожалению, подобное сравнение в рамках данной статьи ограничено ее объемом), но и в целом с европейскими странами (без России).

³ Категории «военнослужащие» и «квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства и рыбоводства» были исключены из анализа в силу своей малочисленности.

⁴ Респондентам, в чьи обязанности не входит (входило) руководить сотрудниками и отвечать за их работу, присваивался код «0».

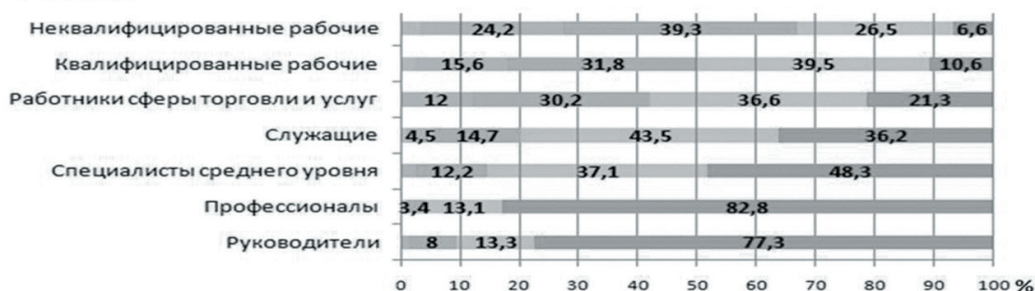
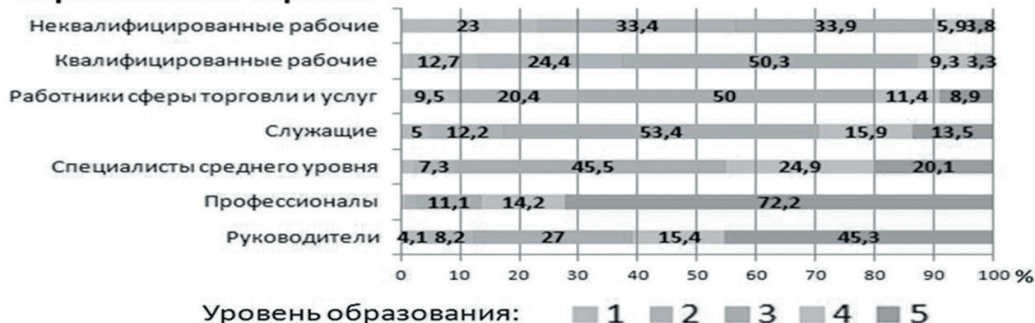
Россия**Европейские страны**

Рис. 1. Уровень образования социально-профессиональных групп в России и Европе, % от числа опрошенных в группе

Как показывает рис. 1, для России характерна большая наполняемость практически всех рассматриваемых социально-профессиональных групп респондентами с высоким уровнем образования. Сравнительно низкая степень реализованности высоких уровней образования проявляется в наличии представительной группы «сверхобразованных» респондентов, вынужденных занимать профессиональные позиции, не требующие высокой квалификации исполнителя. Например, среди работников сферы торговли и услуг, а также среди квалифицированных и неквалифицированных рабочих фиксируется сравнительно большая доля респондентов с образованием 4-го и 5-го уровней по используемой шкале. В частности, среднее профессиональное образование имеют более четверти (26,5%) опрошенных неквалифицированных рабочих, наличие же высшего образования констатируют 6,6% респондентов. Это одни из самых высоких показателей среди стран — участниц ESS. Квалификационные требования к занимаемым респондентами позициям в большинстве случаев не требуют такого уровня образования, что свидетельствует о наличии в экономике дисбаланса между существующими рабочими местами и уровнем образования работников. Отметим, что высокий

Полученные результаты подтверждаются при рассмотрении среднего количества лет, потраченных на обучение представителями разных профессиональных групп. Высокое положение в социально-профессиональной иерархии предполагает существенные временные инвестиции в обучение ($-0,54^{**}$). Максимальный разброс данного показателя характерен для групп квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

Возможное объяснение указанного факта связано с тем, что категория «руководители» включает широкий спектр профессиональных подгрупп, в том числе не предусматривающих специальных требований к формальному образованию (работающие собственники, управляющие относительно небольшими организациями). В такой ситуации наличие сравнительно низких уровней образования опосредовано наличием статуса предпринимателя. При этом в России фиксируется самая низкая (4,8%) включенность населения в предпринимательство. Для сравнения: в Италии о занятии индивидуальной трудовой деятельностью, предпринимательством заявляют 20,4% респондентов, в Польше — 16,7%.

Положение российских социально-профессиональных групп в базовых иерархиях отображено на *рис. 2*. Для обеспечения сопоставимости данных разной размерности (количество лет,

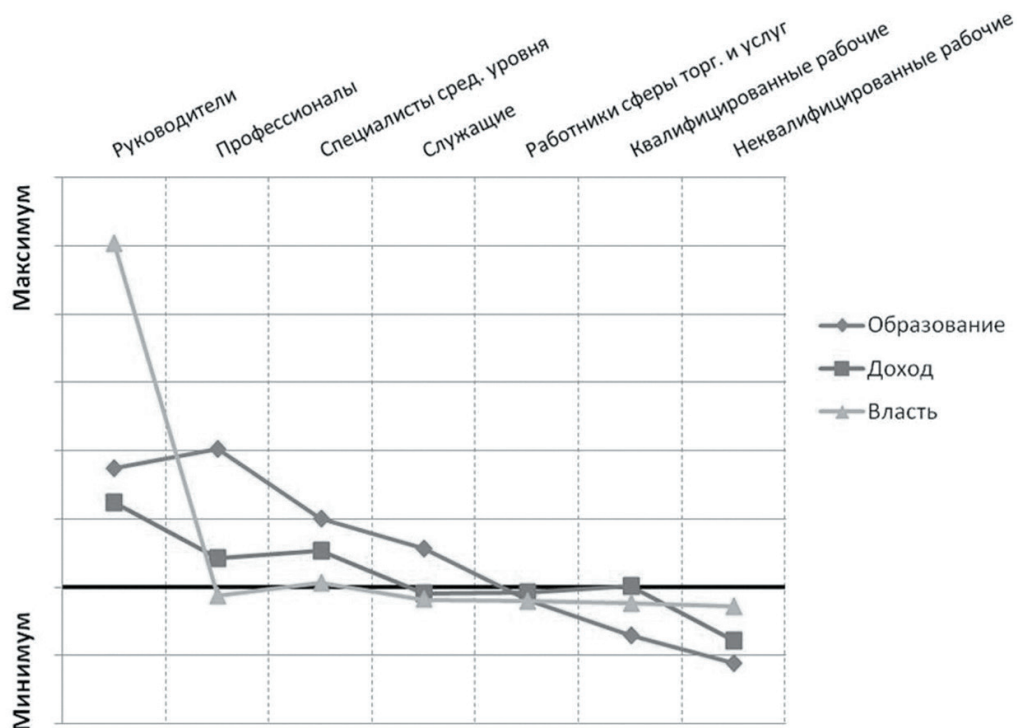

Рис. 2. Положение социально-профессиональных групп в базовых иерархиях, среднее значение (данные стандартизированы)

затраченных на образование, уровень дохода семьи, количество подчиненных) использована процедура стандартизации⁵.

Представленные на рис. 2 данные позволяют констатировать наличие статусной неконсистентности применительно к представителям различных социально-профессиональных групп. Так, профессионалы, демонстрируя самые большие временные затраты на обучение, имеют уровень дохода ниже, чем руководители, и статистически значимо не отличаются от специалистов среднего уровня, служащих и квалифицированных рабочих. Служащие, занимая более высокие позиции в образовательной иерархии, по уровню дохода сопоставимы с работниками сферы услуг и квалифицированными рабочими.

Степень согласованности позиций россиян в базовых иерархиях выявлялась с использованием корреляционного анализа. Примером статусной неконсистентности, проявляющейся

⁵ Стандартизация приводит все исходные значения к набору сравнимых элементов из распределения с нулевым средним и стандартным отклонением, равным 1.

в нарушении баланса инвестиций и вознаграждения, служит фиксируемая в России сравнительно слабая связь (0,23**) уровня образования с доходом семьи респондента (0,39** в Европе). При использовании в качестве показателя экономического статуса субъективной самооценки материального положения корреляция оказалась еще скромнее (-0,18**; -0,29** в Европе). Можно утверждать, что в нашей стране наблюдается едва ли не самый низкий по европейским меркам уровень отдачи от образования.

В России (0,26**), также как и в Европе (0,23**), фиксируется статистически значимая корреляционная зависимость между уровнем образования и наличием у респондентов подчиненных. Чем выше уровень образования респондента, тем больше у него подчиненных и, соответственно, выше властный статус. Однако выявленную взаимосвязь нельзя охарактеризовать как сильную. Сравнительно небольшой коэффициент корреляции позволяет констатировать наличие определенной рассогласованности позиций индивидов в рассматриваемых измерениях. Использование такого показателя, как количество лет, потраченных на обучение, приводит к сопоставимым результатам (0,24** в России и 0,21** в Европе).

Очевидно, что позиции россиян и жителей других европейских стран во властной иерархии обусловлены влиянием комплекса факторов. Образование производит ограниченный эффект, являясь лишь одним из них наряду с социальным капиталом, личными качествами индивида и т.д. Таким образом, в современной России высокий уровень образования выступает в роли необходимого условия, обеспечивающего властный статус. Однако повышение уровня образования не всегда способствует увеличению властных полномочий.

Как позволяют говорить результаты исследования, в российском обществе достаточно широко распространена рассогласованность позиций индивидов в экономической, властной, квалификационной и социально-профессиональной иерархиях. По сравнению с большинством европейских стран в нашей стране ярче проявляется неконсистентность образовательного и экономического статусов.

Масштабы статусной неконсистентности справедливо связывают с социально-экономическими трансформациями общества. Рассогласованность увеличивается в периоды кризисов, когда механизмы, обеспечивающие сбалансированность, перестают эффективно работать. В полной мере это относится и к России, где переход от централизованного планирования к рынку был сопряжен с перераспределением власти и доходов, появлением новых ролей и статусов, не всегда гармонично совмещаемых

с существовавшими ранее. Все это сопровождалось возникновением существенного дисбаланса в институтах социального воспроизводства. Выявленная статусная неконсистентность свидетельствует о «размытости» социальных сегментов современного российского общества и позволяет охарактеризовать его социальную структуру как сравнительно неустойчивую. В значительной степени это связано с перманентными изменениями рынка труда, отсутствием сбалансированности трудовых ресурсов и рабочих мест.

Трансформации затронули и образовательную систему страны. С переходом к рыночной экономике непосредственный приобретатель образовательного продукта в существенной степени превратился в заказчика образовательных услуг. Престижность образования, воспринимаемого как необходимое условие достижения успеха в жизни и высокого социального статуса, детерминирует образовательные планы молодежи, что приводит к массовизации высшего образования, чреватой снижением качества подготовки, в том числе в части формирования профессиональных компетенций. Следствием этого становится не только перепроизводство специалистов с высоким уровнем образования, но и дисбаланс между формальным уровнем образования и квалификацией (грамотностью) работника. В таких условиях, выступая в качестве социальной нормы, высокий уровень образования в существенно меньшей мере отражает позицию индивида в квалификационной, экономической и социально-профессиональной иерархиях.

На фоне процессов коммерциализации профессионального образования происходит массовое открытие набора по популярным направлениям подготовки. Неэффективный подход к профориентационной работе в школе, стихийный характер формирования профессионального самоопределения, а вместе с тем и образовательных запросов россиян приводят к тому, что отклик на социальный заказ отчасти не соответствует реалиям современного рынка труда и уровню технологического развития экономики. В подобном контексте масштабы статусной неконсистентности в стране оставляют открытым вопрос о степени эффективности существующих механизмов формирования социального заказа в образовании, способности образовательной системы гибко реагировать на изменения рынка труда.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. В России и Европе образовательный статус связан с принадлежностью к социально-профессиональной группе сильнее, чем с доходом и властным ресурсом. Иными словами, образование во многом предопределяет профессиональный статус человека. В целом чем выше образовательный статус россиян, тем выше их место

В.А. Прохода
Образование
в структуре ста-
тусной некон-
систентности
современного
российского
общества

В современном российском обществе складывается специфичная для Европы ситуация. С одной стороны, высокая позиция в образовательной иерархии является условием для попадания в профессиональные слои руководителей и профессионалов, с другой — само по себе наличие высокого уровня образования не гарантирует трудоустройство на высококвалифицированную работу.

Рассогласованность образовательного статуса россиян с доходом, властными полномочиями, принадлежностью к социально-профессиональной группе свидетельствует о дисбалансе в институтах социального воспроизводства, отсутствии устойчивой стратификации российского общества. При этом связь образовательного и экономического статусов в России — одна из самых слабых в Европе, что позволяет констатировать наличие сравнительно низкого уровня отдачи от образования. Перспективными для дальнейшего анализа представляются рассмотрение статусной неконсистентности с использованием интегративного показателя квалификационного статуса, а также выявление места образования в структуре статусной неконсистентности современного российского общества в рамках наиболее распространенных схем стратификации.

1. Андрееenkova A.B. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый Хронограф, 2014.

2. *Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3. С. 18–46.

3. Бессокирная Г.П. Статусная рассогласованность сельских жителей в реформирующейся России // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 55–77.

4. Богомолова Т.Ю., Саблина С.Г. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1997. № 10–11. С. 58–67.

5. Коленникова Н.Д. Статусная консистентность занятого населения в современной России // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 52–62.

6. Международная стандартная классификация занятий. 2008 г. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_306603.pdf (дата обращения: 21.01.2021).

7. *Саблина С.Г.* Статусные рассогласования: методология анализа и практика исследований. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002.

8. Тихонова Н.Е. Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. 2020. № 4. С. 34–56.

9. Формула успеха: Аналитический обзор // ВЦИОМ. 19.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/formula-uspekha> (дата обращения: 27.01.2021).

10. Broom L., Jones F.L. Problematics in Stratum Consistency and Stratum Formation: An Australian Example // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82, N 4. P. 808–825.

11. Lenski G. Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. P. 405–413.

12. Nelson E.E. Status Inconsistency: Its Objective and Subjective Components // Sociological Quarterly. 1973. N 14. P. 3–18.

В.А. Прохода
Образование
в структуре ста-
тусной некон-
систентности
современного
русского
общества

Education in the Structure of Status Inconsistency of the Modern Russian Society

Vladimir A. Prokhoda

PhD in Sociological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.

1, Building Shuvalovskii, Leninskie Gory, Moscow 119234, Russian Federation.

E-mail: prohoda@bk.ru

Abstract. The results of an intercountry project “European Social Research” are analyzed. The economic, power, qualification and related to social and professional hierarchies are considered among the basic status dimensions. The indicators of the individual's position in the qualification hierarchy are the level of education and the number of years spent on training. Status inconsistency is understood as a discrepancy between a high position of an individual in one hierarchy and a relatively low position in another. There is a certain lack of information characterizing the place of education in the structure of the status inconsistency of modern Russian society. Particular attention is paid to the consideration of non-compliance between the professional position in the labor market and the educational status of Russians. It was revealed that in Russia, in comparison with Europe, the population of the considered social and professional groups by respondents with a high level of education is higher. It is concluded that a high position in the educational hierarchy is to a significant extent a condition for getting into the professional strata of managers and professionals, however, having a high level of education does not guarantee employment in highly qualified work. It is noted that in Russian society there is a widespread inconsistency in the positions of individuals in the qualification and power, socio-professional hierarchies. It is stated that in comparison with most European countries in Russia, an inconsistency of educational and economic status is more pronounced. The author made a conclusion of the connection of status inconsistency with socio-economic transformations of Russian society,

©2021 А.Р. КУРБАНОВ

ОБРАЗОВАНИЕ КАК БЛАГО: СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ ПОНИМАНИЯ

Курбанов Артемий Рустямович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии образования философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы, учебно-научный корпус Шуваловский». Электронная почта: ark112@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности понимания образования на основе использования концепта блага, который является одним из ключевых для социально-гуманитарного знания. Реконструируется дискуссия относительно того, насколько правомерно считать образование исключительно общественным благом или же в условиях коммерциализации различных сфер общественной жизни можно говорить об образовании и как об индивидуальном благе. Сторонники первой точки зрения считают образование общественным благом на том основании, что оно предполагает отсутствие конкуренции в потреблении данного блага и неисключаемость его потребления, которая обеспечивается неотчуждаемостью знаний. По мнению сторонников второй точки зрения, данные свойства присущи образованию не в полной мере, в частности во многих странах конкуренция присутствует, по крайней мере, на уровне высшего образования. Р.А. Масгрейв предлагает рассматривать высшее образование как пример мериторного блага, поскольку оно не может быть ни частным, ни общественным. Общество

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ссылка для цитирования: Курбанов А.Р. Образование как благо: современные контексты понимания // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 65–75. DOI: 10.31857/S023620070014861-4

Категория блага относится к числу фундаментальных для философского знания, в различные исторические периоды выступая «точкой сборки» концепций различных авторов — от Аристотеля до И. Бенгама и И. Канта [1; 2; 4]. Уже в Античности категория блага оказывается самым тесным образом связана с решением задач, стоящих перед социумом как единым организмом, и выступает ориентиром для решения насущных проблем социального управления. Такое понимание блага задает Аристотель в «Никомаховой этике»: «Надо, видимо, признать, что оно, [высшее благо], относится к ведению важнейшей [науки], которая главным образом управляет. А такой представляется наука о государстве, [или политика]» [1, с. 54]. В XIX–XX веках «молодые» дисциплины, составляющие социально-экономический кластер, осуществляют широкую рецепцию категории блага, трансформируя ее понимание,

однако исходная аксиологическая нагруженность сохраняет базовый смысловой фон функционирования вновь возникающих концептов, к числу которых можно отнести бинарную оппозицию общественных и частных благ.

Классическое понимание общественного блага восходит к А. Смиту [13]*, но впервые четкое разделение благ на частные и общественные дается в работах британского экономиста А.С. Пигу [9]. В современном виде теория общественных благ формируется в середине – второй половине XX века. Считается, что центральная роль в этом процессе принадлежит П. Самуэльсону; его понимание общественного блага, как правило, приводится в качестве эталонного. Самуэльсон в качестве общественного блага понимает такое благо, ключевыми характеристиками которого выступают неконкурентоспособность (увеличение количества потребителей этого блага не влечет за собой снижение полезности, доставляемой каждому из них) и неисключаемость (ограничить доступ к данному благу практически невозможно) [11, с. 371]. Таким образом, общественные блага потребляются коллективно (всеми членами социума), причем потребление блага одним индивидом не приводит к сокращению потребления блага другими участниками. При этом очевидно, что характеристика неисключаемости не всегда выполняется в полной мере. Так, Самуэльсон признает, что возможности потребления некоторых видов общественных благ (таких как образование, суды, национальная оборона, дороги, полиция и противопожарная охрана) в реальности могут варьироваться в зависимости от количества потребителей. Р.А. Масгрейв, в свою очередь, отмечает, что большая часть благ, включая образование, подразумевает как частные выгоды, так и внешние эффекты (экстерналии), что делает картину понимания природы образования в этом контексте более объемной [7, с. 220]. Он же предлагает рассматривать образование как феномен, сочетающий в себе характеристики общественного и частного блага [19].

А.Р. Курбанов
Образование
как благо:
современные
контексты
понимания

* В работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смит приходит к выводу о том, что образование является общественным благом, несмотря на то что доступ к нему в эпоху самого Смита был сильно ограничен. Как подчеркивает экономист и философ, «если бы даже государство не могло получить никакой выгоды от образования низших классов народа, оно все же должно было бы заботиться о том, чтобы они не оставались совсем необразованными», поскольку «образованный и просвещенный народ всегда более воспитан и более склонен к порядку, чем народ невежественный» и его «не так легко увлечь в легкомысленную или ненужную оппозицию мероприятиям правительства». Тем самым вектор, связанный с пониманием образования как общественного блага, или же блага для всех, обнаруживается уже в труде человека, стоявшего у истоков современного экономического знания [13, с. 561].

Как следует из теории общественных благ, образование можно отнести к этой группе благ, если оно удовлетворяет двум основным условиям: отсутствию конкуренции в потреблении данного блага и неисключаемости его потребления. Неисключаемость применительно к образованию детерминирует его статус как объекта общественной собственности и соответствующий характер его использования. Неисключаемость предполагает невозможность отчуждения знаний, получаемых в процессе образования, в отличие от объектов частной собственности. Показательно, что ряд приверженцев концепции интеллектуального капитала признают тезис о неотчуждаемости знаний. Например, Т.А. Стюарт отмечает: «Не зря же экономисты называют знания “общественным благом”. <...> Они практически не убывают: если мне досталась порция знаний, это ни в коем случае не уменьшает ваши шансы на получение такой же порции. Это вам не эскимо или сидячее место в автобусе» [16, с. 243].

Между тем перечисленные свойства общественного блага присущи образованию не в абсолютной степени. В частности, обладание признаком неисключаемости будет зависеть от того, с каким уровнем образования мы имеем дело. Например, в ст. 43 Конституции Российской Федерации гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в организациях, финансируемых за счет государственного и/или муниципального бюджета, в то время как доступ к высшему образованию на аналогичных условиях осуществляется на конкурсной основе [5]. Ряд зарубежных исследователей придерживаются мнения, что применительно к ситуации частичной элиминации признака неисключаемости на уровне высшего образования (или на любом другом уровне образования, доступ к которому так или иначе может быть ограничен в силу неравного распределения различных ресурсов: интеллектуального, экономического, социального, даже физических возможностей — среди претендентов на получение этого доступа) можно говорить об эффекте «перегрузки», который приводит к переходу чистых общественных благ в другую категорию, подразумевающую их

исключение из потребления [20, с. 36]. В связи с этим Дж. Стиглиц относит одни уровни образовательной системы к общественным, а другие — к квазиобщественным благам [15].

Свойство неконкурентоспособности также присуще образованию до определенных пределов, поскольку «спрос» на него может объективно превышать возможности образовательной системы. В частности, кризис образования, начавшийся в странах Европы после Второй мировой войны и потребовавший масштабных реформ, направленных на расширение емкости образовательных систем, был связан прежде всего с утратой последними свойства неконкурентоспособности. Как подчеркивает Ф.Г. Кумбс, к числу причин этого кризиса относились неспособность существовавших в то время школ и университетов удовлетворить значимо возросшую потребность населения в образовании, острая нехватка финансирования и инертность самих систем образования, слишком медленно реагирующих на вызовы времени [6].

В целом можно предположить, что свойства неконкурентоспособности и неисключаемости присущи образованию не в полной мере в силу многоукладности и масштабности данного института в современном мире. Более того, внешний эффект общественного блага в случае образования не имеет четко очерченных границ, что не позволяет дать ему количественную оценку и делает практически невозможным применение принципа сопоставления затрат с результатами, невзирая на попытки квантификации понятия качества образования и разработку сложных моделей индикаторов для оценки его эффективности [12, с. 21].

Р.А. Масгрейв в ходе попыток классификации тех или иных общественных явлений по шкале «общественное благо — частное благо» приходит к выводу о необходимости включения в нее новой позиции, которая получила название «мериторное благо» (англ. «merit good»). В таком качестве Масгрейв предлагает рассматривать те блага, спрос на которые со стороны частных лиц отстает от необходимого для всего социума и стимулируется государством. Следовательно, само понятие мериторики непосредственно связано с общественными интересами, которые не проявляются в индивидуальных предпочтениях [10, с. 98]. В указанном контексте высшее образование можно рассматривать как пример мериторного блага [7, с. 78], поскольку включенность государства в функционирование образования осуществляется в интересах общества и приносит пользу последнему. В данном случае выгода социума от индивидуального потребления в сфере образования оказывается выше, чем частная выгода, получаемая конкретным потребителем. При этом по характеру потребления образование, скорее, можно отнести к частным благам, но вследствие самого

А.Р. Курбанов
Образование
как благо:
современные
контексты
понимания

В то же время с точки зрения социальных инвестиций экстер-нальные эффекты высшего образования весьма значимы — они включают формирование и повышение качества человеческого капитала, развитие исследовательской деятельности и технологических инноваций, снижение уровня социальной напряженности, повышение престижа государства на международной арене и в целом ускорение социально-экономического развития в контексте перехода к экономике, основанной на знаниях.

Превращение мира в конце XX – начале XXI века в целостность вследствие глобализации создает еще один ракурс в понимании образования как блага. В классической концепции ключевым агентом обеспечения общественных и мериторных благ выступает государство, действующее на национальном уровне политических отношений и обладающее суверенными характеристиками. Усложнение структуры современного миропорядка приводит к тому, что над национальным уровнем надстраивается еще один — глобальный, представленный международными организациями, объединениями и коалициями. Осуществляется проекция на глобальный уровень основных социальных институтов, в том числе образования, в отношении которого обычно используются соответствующие термины: «международный образовательный рынок», «глобальное образовательное пространство» и др. В связи с этим ряд исследователей ставят вопрос об интерпретации образования как глобального блага (одним из первых подобное понимание предложил Дж. Стиглиц [21]). Отечественные исследователи в качестве глобальных благ предлагают рассматривать такие общественные блага, «выгоды (издержки) от создания которых распространяются поверх государственных, общественных

и поколенческих границ. По меньшей мере, эти выгоды (издержки) должны распространяться на более чем одну группу стран и не должны оказывать дискриминационное воздействие на какие-либо группы населения» [8, с. 22]. В рамках такого подхода глобальные общественные блага обладают теми же ключевыми свойствами, что и «национальные» общественные блага, — неисключаемостью и неконкурентностью — однако последние рассматриваются с точки зрения участников мировой политико-экономической системы.

В контексте описанного выше подхода становятся очевидными наличие существенных диспропорций в развитии образования на глобальном уровне, неоднородность образования с качественной точки зрения и отсутствие полноценного доступа к нему у значительной части населения Земли, что ставит под сомнение основные характеристики, которыми должно обладать общественное благо, — неконкурентность и неисключаемость. Открытым остается вопрос и об агентах, чьи действия должны обеспечивать реализацию подобных благ, хотя де-факто в этом качестве выступают либо национальные правительства, либо образовательные организации, ориентированные на трансграничную деятельность, например, в виде филиальных сетей [3]. Но данный подход находит отражение в концептуальных документах и проектах ООН и ЮНЕСКО — например, во Всемирной декларации об образовании для всех (Джомтхен, Таиланд, 1990) и в формулировке Цели № 4 в области устойчивого развития: «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех».

Понимание образования как глобального общественного блага обретает новое звучание в современном контексте, в ситуации глобальной пандемии, сказавшейся на всех сферах экономики и социальной жизни, в том числе на образовании. В рабочих документах 59-й сессии Комиссии социального развития ООН, которая состоялась в феврале 2021 года, отмечается, что образование представляет собой ключевой фактор, создающий и уравнивающий возможности. Равный доступ к образованию, включающий возможности цифрового обучения и охватывающий все периоды обучения, должен стать предметом приоритетного внимания национальных правительств — только такой подход позволит избежать сценария, при котором кризис образования окажется катастрофическим усугублением неравенства для целого поколения [14, с. 17]. Таким образом, глобальный контекст в понимании образования как блага сегодня, как никогда, становится актуален.

В целом, понимание образования как блага в настоящее время характеризуется амбивалентностью, что соответствует

А.Р. Курбанов
Образование
как благо:
современные
контексты
понимания

Литература

до 2030 года в контексте десятилетия действий и свершений во имя устойчивого развития. Записка Секретариата. ООН. E/CN.5/2021/4 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/E/CN.5/2021/4> (дата обращения: 07.02.2021).

15. *Стиглиц Дж.Ю.* Экономика государственного сектора / пер. с англ. Е.Э. Куманиной, Г.М. Куманина. М.: Изд-во МГУ: Инфра-М, 1997.

16. *Стюарт Т.А.* Интеллектуальный капитал: Новый источник богатства организаций. М.: Поколение, 2007.

17. *Тугушева Р.Р.* Образование как интеллектуальное благо // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. № 2. С. 157–163.

18. *Черных С.И.* Образование как общественное и индивидуальное благо // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 1(16). С. 17–26.

19. *Case K.E.* Musgrave's Vision of the Public Sector: The Complex Relationship Between Individual, Society and State in Public Good Theory // Journal of Economics and Finance. 2008. Vol. 32(4). P. 348–355. DOI: 10.1007/s12197-008-9055-1

20. *Moşteanu T., Creţan G.C.* Education and the Characteristics of Public Goods. Overlaps and Differences // Theoretical and Applied Economics. 2011. Vol. 18, N 9(562). P. 33–40.

21. *Stiglitz J.* Knowledge as a Global Public Good // Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century, eds. I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.

А.Р. Курбанов
Образование
как благо:
современные
контексты
понимания

Education as a Good: The Modern Cognitive Contexts

Artemii R. Kurbanov

PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy.
Lomonosov Moscow State University.

1, Building Shuvalovskii, Leninskie Gory, Faculty of Philosophy, Moscow 119234, Russian Federation.

E-mail: ark112@yandex.ru

Abstract. Article examines characteristics of understanding education based on use of concept of the good, which is one of the main for social and humanitarian sciences. We try to reconstruct discussion is it possible to consider education as an exclusively public good, or in terms of the commercialization of various spheres of public life, we can talk about education as an individual good. Proponents of the first point of view believe that education should be considered a public good because it presupposes the absence of competition in the consumption of this good and non-exclusion from its consumption, which is ensured by the inalienability of knowledge. Proponents of the second point of view point to the fact that these properties are not fully inherent in education, in particular, in many countries competition is present at least at the level of higher education. R.A. Musgrave proposes to consider higher education as an example of a merit good, since it cannot be either private or public. Society benefits from a large number of educated people for whom education can serve their personal interests. Thus, the article demonstrates the controversial nature

of the understanding of education as a good. In addition, the focus is on a modern approach related to considering education as a global good.

Keywords: public good, merit good, education economics, value of education, global good.

For citation: Kurbanov A.R. Education as a Good: The Modern Cognitive Contexts // Chelovek. 2021. Vol. 32, N 2. P. 65–75. DOI: 10.31857/S023620070014861-4

References

1. Aristotle. Nikomahova etika [Etica Nicomachica], transl. from Ancient Greek by I.V. Braginskaya. Aristotle. *Sochineniya*: v 4 t. [Collected Works: in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983. P. 53–293.
2. Bentham J. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva: per. s angl.* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation: transl. from Engl.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998.
3. Galichin V.A. *Mezhdunarodnyi rynek obrazovatel'nyh uslug: Osnovnye karakteristiki i tendentsii razvitiya* [International Market of Educational Services: Main Characteristics and Development Trends]. Moscow: Delo Publ., 2015. (Scientific Reports: Education / The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 15/4).
4. Kant I. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. Kant I. *Sochineniya*: v 6 t. [Collected Works: in 6 vol.]. Vol. 4, Pt 1. Moscow: Mysl' Publ., 1965.
5. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda c izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossiiskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda* [The Constitution of the Russian Federation. Was Adopted by National Voting on December 12, 1993 with Amendments Approved During a National Voting on July 1, 2020]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (date of access: 07.02.2020).
6. Coombs Ph.H. *Krizis obrazovaniya v sovremennoy mire* [The World Educational Crisis: A Systems Analysis], transl. from Engl. by S.L. Volodina et al.; ed. by G.E. Skorov. Moscow: Progress Publ., 1970.
7. Musgrave R.A., Musgrave P.B. *Gosudarstvennyye finansy: teoriya i praktika: per. s angl.* [Public Finance in Theory and Practice: transl. from Engl.]. Moscow: Byudzheth Publ., 2009.
8. Medvedev S.A., Tomashov I.A. *Koncepciya global'nykh obshchestvennykh blag* [Concept of Global Public Goods]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: Obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [International Organisations Research Journal]. 2009. Vol. 4, N 2. P. 21–28.
9. Pigou A.C. *Ekonomicheskaya teoriya blagosostoyaniya: per. s angl.* [The Economics of Welfare: transl. from Engl.]. Moscow: Progress Publ., 1985.
10. Rubinstein A. *Meritorika i ekonomicheskaya sotsiodinamika: diskussiya s R. Masgreivom* [Meritorics and Economic Sociodynamics: Debates with R. Musgrave]. *Voprosy ekonomiki*. 2009. N 11. P. 98–109.
11. Samuelson P. *Chistaya teoriya obshchestvennykh raskhodov* [The Pure Theory of Public Expenditure], transl. from Engl. by I.A. Rozmainkii. *Vekhi ekonomicheskoi mysli. Tom 4. Ekonomika blagosostoyaniya i obshchestvennyi vybor* [Milestones in Economic Thought. Vol. 4. Welfare Economics and Public Choice]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ., 2004. P. 371–376.

12. Smirnova E.Yu. Obrazovanie kak ekonomicheskoe blago. Vvedenie v ekonomiku obrazovaniya [Education as an Economic Good. Introduction to Economics of Education]. *Vesnik adukacyi*. Minsk, 2015. N 11. P. 19–22.

13. Smith A. *Issledovanie o prirode i o printsipakh bogatstva narodov: per. s angl.* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations: transl. from Engl.]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1962.

14. *Social'naya politika, napravlenneya na sodeistvie bolee vseohvatnomu, stabil'nomu i ustoichivomu vosstanovleniyu: vosstanovlenie posle COVID-19 po principu "luchshe, chem bylo" dlya dostizheniya celei Povestki dnya na period do 2030 goda v kontekste desyatiletiya deistvii i svershenii vo imya ustoichivogo razvitiya. Zapiska Sekretariata. OON* [Social Policy to Promote a More Inclusive, Resilient and Sustainable Recovery: Building Back Better Post-COVID-19 for the Achievement of the 2030 Agenda in the Context of the Decade of Action and Delivery for Sustainable Development. Note by the Secretariat. UN]. E/CN.5/2021/4 [Electronic resource]. URL: <https://undocs.org/ru/E/CN.5/2021/4> (date of access: 07.02.2021).

15. Stiglitz J.E. *Ekonomika gosudarstvennogo sektora* [Economics of the Public Sector], transl. from Engl. by E.E. Kumanina, G.M. Kumanin. Moscow: Moscow State Univ.: Infra-M Publ. 1997.

16. Styuart T.A. *Intellektual'nyi kapital: Novyi istochnik bogatstva organizacii* [Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations]. Moscow: Pokolenie Publ, 2007. P. 388–392.

17. Tugusheva R.R. Obrazovanie kak intellektual'noe blago [Educational Benefit as an Intelligent Good]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law]. 2017. Vol. 2. P. 157–163.

18. Chernyh S.I. Obrazovanie kak obshchestvennoe i individual'noe blago [Education as Social and Individual Benefit]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* [Professional Education in the Modern World]. 2015. Vol. 1(16). P. 17–26.

19. Case K.E. Musgrave's Vision of the Public Sector: The Complex Relationship Between Individual, Society and State in Public Good Theory. *Journal of Economics and Finance*. 2008. Vol. 32(4). P. 348–355. DOI: 10.1007/s12197-008-9055-1.8

20. Moşteanu T., Creţan G.C. Education and the Characteristics of Public Goods. Overlaps and Differences. *Theoretical and Applied Economics*. 2011. Vol. 18, N 9(562). P. 33–40.

21. Stiglitz J. Knowledge as a Global Public Good. *Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century*, eds. I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.

А.Р. Курбанов
Образование
как благо:
современные
контексты
понимания

©2021 Е.А. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ДИСКУРС ЭТИКИ ЗАБОТЫ В ОБРАЗОВАНИИ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Рождественская Елизавета Александровна — преподаватель кафедры философии образования философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы, учебно-научный корпус «Шуваловский». Электронная почта: lawnaturalscience@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются основные подходы этики заботы (Платон, М. Хайдеггер, М. Фуко), а также особенности феминистской этики заботы (Н. Ноддингс, К. Гиллиган и др.), состоящие в отказе от классической традиции, в интерпретации заботы о другом через нацеленность на его нужды. Раскрывается значение этики заботы в современной философии образования, связанное с влиянием на такие ключевые проблемы, как трудности в этических отношениях субъектов образования между собой, опредмечивание реальности, невозможность обсуждения серьезных экзистенциальных вопросов в рамках образовательного процесса. Ставится вопрос о введении в русскоязычный научный оборот ряда терминов, применяемых современными англоязычными авторами (Дж. Нгуен, М. Маккензи, Ш. Бленкинсон, У. Бергмарк, Е. Элерби) в работах, где этика заботы рассматривается с точки зрения отношений учителя и ученика, моральных дилемм и вовлечения учеников в образование для приобретения опыта заботы о себе и других, об окружающей среде. В статье выделены направления развития системы образования

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

будущего, важным основанием которых может стать этика заботы (образование в условиях «пересборки» образовательных институтов будущего, неопределенности, поиска аксиологических обоснований, технологических инноваций; образование как воспитание свободного человека будущего).

Ключевые слова: этика образования, этика заботы, философия образования, будущее образования, прогнозирование образования.

Ссылка для цитирования: Рождественская Е.А. Дискурс этики заботы в образовании для будущего // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 76–88. DOI: 10.31857/S023620070014862-5

Е.А. Рождественская
Дискурс этики
заботы
в образовании
для будущего

Врожденная слепота по отношению
к чувствам людей и других живых существ,
отличных от людей, является величайшим
препятствием для этической жизни.

Ш.Х. Зигфрид [25, р. 80]

Этика заботы: основные философские традиции

Дискурс этики заботы в современной философии имеет несколько измерений, каждое из которых не совпадает с другими в концептуальных характеристиках заботы. Этика заботы рассматривается в онтологии, гносеологии, политической философии, философии медицины, философии образования. В данной статье этика заботы исследуется в современной философии образования в контексте прогнозирования развития системы образования будущего.

Дискурс этики заботы исторически связывается с именами Платона, М. Хайдеггера, М. Фуко [3; 6; 13], в их работах понятие заботы исследуется в отношении человека как к самому себе, так и к другому, что важно для дальнейшего прояснения значения этики заботы в образовании. Еще в диалоге Платона «Алкивиад I» Сократ в беседе с Алкивиадом говорит о возможности познать самого себя через заботу, для чего полагает необходимым понять саму сущность заботы: о чем именно по отношению к себе может заботиться человек [11, с. 209, 211]. Мыслитель задается вопросом о природе заботы для того, чтобы сделать возможной попытку понять себя:

«С о к р а т. Скажи же, что это означает — прилежно заботиться о себе? Разве не бывает часто, что мы о себе не заботимся, хоть и думаем, что делаем это? В каких случаях человек это делает? И когда он проявляет заботу о своих вещах, заботится ли он тем самым и о себе?

А л к и в и а д. Мне кажется, да» [там же, с. 209].

«С о к р а т. Легко ли познать самого себя (ведь не первый же встречный начертал это на Пифийском храме!? Или, наоборот, это трудно и доступно не всякому?

С о к р а т. Но, Алкивиад, легко ли это или нет, с нами происходит следующее: познав самих себя, мы одновременно познаем заботу, в которой нуждаемся, а без такого познания мы никогда этого не поймем.

Этика заботы у М. Хайдеггера проявляется в тезисе о возвращении человека к истинно человеческому, гуманистическому идеалу через заботу [2; 17, с. 195–196]. Именно забота становится основой человеческого, конституирует человека как сущность и таким образом приобретает не только этическое, но и онтологическое измерение. «Тогда не хлопотами ли о человеке, — пишет Хайдеггер, — движима эта наша требовательность к человеческому существу, эта попытка подготовить человека к требованиям бытия? На что же еще направлена “забота”, как не на возвращение человека его существу? Какой тут еще другой смысл, кроме возвращения человеку (homo) человечности (humanitas)? Выходит, вся подобного рода мысль волнуется все-таки насчет человечности, Humanitas; значит, это “гуманизм”: раздумье и забота о том, как бы человек стал человеческим, а не бес-человечным, “негуманным”, т.е. отпавшим от своей сущности» [17, с. 195–196].

Этика заботы в традиции феминизма: кейс образования

В русле феминистической философской традиции одним из ключевых направлений современных исследований этики

в философии образования является этика заботы, возрождение интереса к которой часто связывают с третьей волной феминизма. Ключевыми в русле этики заботы являются работы К. Гиллиган («Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин»), Н. Ноддингс («Забота: феминный подход к этике и моральному воспитанию»), С. Радек («Матерналистское мышление: к политике мира») и Дж. Тронто («Границы морали. Политическая аргументация в защиту этики») [см. об этом: 1, с. 195]. Этика заботы в феминистском контексте формируется как критика устоявшейся этической традиции, которая берет начало в Античности и базируется на различении половых ролей и специфики этических практик, закрепленных за этими ролями. В отличие от классической этики, которая обращается к универсальным правилам и категориям, «этика заботы обеспечивает теоретическое основание для критики любых социальных практик, поддерживающих подчиненное положение женщин, и для сопротивления осуществлению этих практик» [там же, с. 196]. В феминистской традиции этика заботы проявляется в нацеленности на другого, что делает возможным функционирование самости человека для удовлетворения потребности этого другого.

Корпус академических текстов по феминистской этике заботы обширен, однако с точки зрения возможностей прогнозирования развития образования будущего наибольший интерес для философии образования представляют философско-образовательные идеи уже упомянутой Н. Ноддингс, нашедшие отражение прежде всего в ее работах «Забота: феминный подход к этике и воспитанию» («Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education», 1984) и «Воспитывая морального человека. Альтернативная забота для воспитания личности» («Educating Moral People. A Caring Alternative to Character Education», 2002) [23; 24].

Н. Ноддингс предлагает альтернативную классическому историческому видению заботы в образовательном процессе позицию, в основе которой лежит естественная забота, подобная заботе матери о ребенке. Естественная забота, утверждает американская исследовательница, является нравственной позицией, стремлением к добродетели, возникающим из жизненного опыта или воспоминаний о переживании данного состояния. Исходя из таких базовых аргументов, Ноддингс «строит» понятие этической заботы как состояние глубокой взаимосвязи с другим человеком — заботящийся оказывается в состоянии восприимчивости, неразрывности и сосредоточенности с тем, о ком он заботится. Позиция этики заботы — смотреть на мир глазами другого человека, понимать его не эмпатически, а скорее через призму его жизненных обстоятельств, переживая реальность так же, как он. Ввиду этого неудивительно,

Е.А. Рождественская
Дискурс этики
заботы
в образовании
для будущего

Этика заботы, согласно Ноддингс, является составной частью образования, построенного на опыте. Этика заботы должна включать прежде всего экзистенциальную работу учителя, которая предполагает помощь ученику в рассмотрении вопросов о смысле жизни, об основах бытия, вопросах смерти. Эти вопросы неизбежно возникают у учеников в определенном возрасте, однако принято считать, что обсуждать их в рамках школьной программы не всегда возможно. Ноддингс же, напротив, полагает возможным обсуждать экзистенциальные вопросы в любое время — не только в рамках гуманитарных предметов, но и, например, на уроках математики, где ученики могут воспроизвести доказательства бытия бога в русле учений Декарта и Паскаля и таким образом найти для себя ответы на интересующие вопросы [24, р. 33]. Иными словами, с позиций феминизма, забота о себе проявляется в образовательном процессе в неявном виде, через определенное предметное содержание.

Дискурс этики заботы в современном образовании

Е.А. Рождественская
Дискурс этики
заботы
в образовании
для будущего

Концептуально оформленные М. Фуко и М. Хайдеггером дискурсы этики заботы вызывают немалый интерес современных исследователей философии образования; можно даже говорить о сложившемся исследовательском универсуме в вопросах анализа этики заботы в образовательном пространстве [см., напр.: 3; 4; 7, с. 247]. Новые перспективы для актуализации этики заботы в размышлениях об образовании настоящего и будущего открываются и со стороны современных исследователей феминистической традиции образования. Правда, основные идеи этики заботы, нашедшие отражение в их работах, еще нуждаются в уточнении [19]. Например, Дж. Нгуен в своей статье «О причинах, по которым нам нужны заботливые учителя» обращается к положениям этики заботы в изложении Н. Ноддингс и ее коллег [22]. По мнению Нгуен, забота — это неотъемлемое качество преподавателя и учителя, которое должно присутствовать в отношениях между субъектами образования. Исследовательница разделяет два важных понятия — «care for» и «care about», которые на русский язык можно перевести тождественно — «заботиться о». Нгуен рассуждает о возможности рассматривать «заботу (caring-about) как внутренний порыв, эмоцию “отношение и мотив”, вовлеченную в заботу. Когда один заботится и беспокоится о другом, он вкладывается в благополучие другого и видит в этом благополучии мотив для действий. Это беспокойство представляет собой проявление чуткости по отношению к другому и настроенность на потребности другого таким образом, чтобы заботящийся не ставил себя на место другого; скорее, мы рассматриваем позицию другого так, как он выражает ее» (пер. наш. — Е.Р.) [ibid., p. 288]. Иными словами, для Нгуен «caring about» — это умозрительная сторона отношения заботы, которая включает в себя осмысление мотивов заботы, цели заботы и этической позиции заботящегося.

Следует обратить внимание на то, что Дж. Нгуен «разводит» умозрительную заботу («caring about») и заботу как действие: «Забота также включает в себя реальную заботу, или заботу о другом, также известную как “забота о” (“caring for”). Такая забота заключается в труде, в заботе, которую необходимо осуществить по отношению к другому» (пер. наш. — Е.Р.) [ibid.]. При этом исследовательница подчеркивает, что «caring about» как мотив вовсе не влечет за собой «caring for» как реальное действие. Именно здесь обнаруживается этический компонент, связанный с компетенцией учителя и его ответственностью за свои действия, с конкретными

Между тем забота субъектов образовательного процесса друг о друге (в отрыве от радикально феминистской интерпретации этики заботы) не является несомненным и беспроblemным способом коммуникации в пространстве образования и этика заботы позволяет поставить вопрос о пределах заботы и личных границах. Возможно, прояснение вопроса о том, что такое забота, могло бы способствовать решению некоторых этических проблем в рамках образовательного процесса, но понятие заботы не дается строго, поэтому вопросы соотношения границ заботы и пределов свободы остаются открытыми. Дж. Нгуен в упомянутой выше статье проблематизирует эти вопросы, но не дает конкретных рекомендаций, полагаясь на тезис о том, что личностное призвание учителя (через *phronesis* как практическую мудрость), с одной стороны, может сработать в качестве внутреннего механизма для определения границ заботливого отношения, а с другой — позволит сохранить автономность другого субъекта образования и его права на свободу.

Мотивы заботы как реальной образовательной практики прослеживаются в работах М. Маккензи, Ш. Бленкинсон, М. Слота, Б. Макферлена, Б. Уайта [20; 21; 26; 28]. Так, Маккензи и Бленкинсон в статье «Этика заботы и образовательная практика» подчеркивают, что этические практики заботы о себе в процессе образования позволяют человеку сначала воспринять в качестве объекта заботы себя, потом — своих близких, далее — всех остальных, а затем переключиться на заботу об окружающей среде [21, р. 100]. Практики заботы о себе необходимы в ходе так называемого приключенческого образования (*adventure education*) — комплекса действий, которые связаны с разнообразной активностью учеников и получением новых видов опыта. Этика заботы важна в этом случае, поскольку человек, заботясь о себе в процессе обучения, может познать себя, развить свои навыки и в конце концов улучшить качество своей жизни [*ibid.*, р. 101].

Представляется важным вопрос моральных дилемм в реализации идей этики заботы в образовательной практике. Данный вопрос обсуждается в статье У. Бергмарк и Е. Элерби «Этика заботы — дилемма или вызов образованию?»: учителя и преподаватели

часто находятся в спорной ситуации, когда на одной чаше весов — необходимость заботы об ученике, а на другой — необходимость соблюдения принципов справедливости в отношении учеников [18]. На это же обращает внимание Н. Ноддингс, занимая однозначную позицию: учитель не должен воспринимать подобные спорные ситуации как моральные дилеммы, поскольку нацеленность на другого всегда предполагает благоую заботу, и даже если учитель по отношению к ученику строг и справедлив, он уже заботится о нем, понимая, что это и есть забота.

Как дискурсы этики заботы могут быть полезны для образования будущего?

Современные англоязычные и отечественные авторы в качестве тенденции развития образования выделяют персонификацию обучения (в современной литературе также обозначается как индивидуальная образовательная траектория). Зачастую подобная персонификация может носить довольно радикальный характер — например, через отрицание образовательных институций вообще. Аналогичная идея уже разрабатывалась в теории образования [см., напр.: 5; 12], но в настоящее время с учетом внимания к субъекту образования, его индивидуальным чертам, телесности этика заботы может стать одним из важнейших оснований антропологического «смещения» [10; 27]. Сегодня многие авторы, анализируя дорожные карты как инструменты прогнозирования, отмечают необходимость включения концепции развития будущего образования в некоторые аспекты этики [14]. Поэтому потенциал этики заботы может быть фактором и одновременно проявлением тенденции гуманизации.

Об образовании будущего часто говорят не просто как о системе, но как об экосистеме, которая должна обладать свойством реципрокности [8; 9]. Этика заботы как основание, конструирующее отношения особого рода, и как основание для определенного типа социального взаимодействия также может стать инструментом для создания подобного рода экосистемы. Кроме того, этика заботы приобретает все большее значение в аксиологическом аспекте [26]. Образование трактуется и как ценность, поэтому этика заботы может поставить своей задачей формирование нового пространства ценностей через особое отношение к другому (в том числе к другому как высшей ценности).

Этика заботы может раскрыть свой методологический потенциал не только в реализации гуманистического начала обучения, но и в аспектах использования новых технологий в образовании

Е.А. Рождественская
Дискурс этики
заботы
в образовании
для будущего

Образ будущего общества уже традиционно характеризует-ся такими терминами, как «сложность», «неопределенность» и «стохастичность» («случайность») [9]. Человек будущего должен быть готов к максимально неопределенному будущему, и мы ви-дим, как с каждым годом существенно повышается степень этой неопределенности в образовании. Этика заботы как модель фун-даментального отношения, примененного к образованию, может служить фактором формирования индивидуальности, свободной и образованной личности вне зависимости от компетенций, вос-требованных на рынке труда будущего. По мысли Н. Ноддингс, «этика заботы всегда направлена на установление, восстановление или укрепление тех отношений, в которых мы даем свободный ответ, потому что хотим этого» [24, р. 14].

Литература

1. *Артемяева О.В.* Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // *Этическая мысль*. 2000. № 12. С. 195–215.
2. *Волкова С.В.* Dasein, скука, забота в сфере образования // *Человек. Культура. Образование*. 2017. № 3(25). С. 33–49.
3. *Володин В.В.* Эволюция понятия «забота»: культурные смыслы и исторические параллели // *Концепт: философия, религия, культура*. 2020. Т. 4, № 2(14). С. 17–24.
4. «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: Сборник статей и материалов международной научной конференции (24–25 ноября 2017 г.) / отв. ред. Г.И. Петрова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018.
5. *Иллич И.* Освобождение от школ: Пропорциональность и современный мир / под ред. Т. Шанина; пер. с нем. М. Чередниченко; пер. с англ. Ю. Турчаниновой, Э. Гусинского. М.: Просвещение, 2006.
6. *Куницын А.Г.* Этическое измерение «заботы» // *Манускрипт*. 2019. № 6. С. 144–148.
7. Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры: Материалы Международной конференции памяти философа,

социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015) / под ред. М.А. Козловой, В.Г. Безрогова. Ч. 2. Что-то ведет нас в глубь самих себя. М.: Канон+, 2015.

8. Образование 20.35. Человек. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. Т. 7. (Сер. 03. Чем делать?).

9. Образование для сложного общества «Образовательные экосистемы для общественной трансформации». Доклад Global Education Futures. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf> (дата обращения: 28.01.2021).

10. Переслегин С.Б. Лекция «Будущее образования» // Видеонаука: сетевой журн. 2018. № 1(9). URL: <https://videonauka.ru/stati/32-vystavki-konferentsii-seminary/180-lektsiya-sergeya-pereslegina-budushchee-obrazovaniya> (дата обращения 28.01.2021).

11. Платон. Диалоги / сост., авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. С.Я. Шейнман-Топштейн. М.: Мысль, 1986.

12. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. Корбута. М.: ГУ — ВШЭ, 2010. (Теория и практика образования).

13. Розин В.М. Концепция «заботы о себе»: философская, научная, художественная и авторская версии // Культура и искусство. 2017. № 7. С. 50–56.

14. Розин В.М. Осмысление концепции «Форсайт», или Новый тип социального действия в современной культуре // Культура культуры. 2015. № 4(8) [Электронный ресурс]. URL: <http://cult-cult.ru/conceptualization-of-foresight-or-a-new-type-of-social-action-in-modern-culture/> (дата обращения: 27.01.2021).

15. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности-III / пер. с фр. Т.Н. Титовой, О.И. Хомы. Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.

16. Фуко М. Интеллектуал и власти // Интеллектуалы и власть: Часть 3: Статьи и интервью 1970–1984 гг. / пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006.

17. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост., пер. с нем., вступ. ст., коммент. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993.

18. Bergmark U., Alerby E. Ethics of Care — a Dilemma or a Challenge in Education? // Australian Association for Research in Education National Conference (AARE), Adelaide, Australia, 27–30 November 2006. Adelaide, 2006.

19. Ethics of Care: Critical Advances in International Perspective / Barnes M., Brannnelly T., Ward L., Ward N. (eds.). Bristol: Bristol Univ. Press, 2015.

20. Macfarlane B. Teaching with Integrity: The Ethics of Higher Education Practice. N.Y.: Routledge Falmer, 2004.

21. McKenzie M., Blenkinsop S. An Ethic of Care and Educational Practice // Journal of Adventure Education and Outdoor Learning. 2006. Vol. 6, N 2. P. 91–105. DOI: 10.1080/14729670685200781

22. Nguyen J. On Reasons We Want Teachers to Care // Ethics and Education. 2016. Vol. 11, N 3. P. 286–298. DOI: 10.1080/17449642.2016.1241939

23. Noddings N. Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education. California: Univ. of California Press, 1984.

24. Noddings N. Educating Moral People: A Caring Alternative to Character Education. N.Y.: Teachers College, Columbia University, 2002.

25. Siegfried C.H. Pragmatism, Feminism and Sensitivity to Context // Who cares? Theory, Research and Educational Implications of the Ethic of Care / ed. by M.M. Brabeck. N.Y.: Praeger, 1989. P. 63–83.

26. Slote M. Education and Human Values: Reconciling Talent with an Ethics of Care. 1st ed. N.Y.: Routledge, 2012.

Е.А. Рождественская
Дискурс этики
заботы
в образовании
для будущего

- ## The Ethics of Care Discourse for Future Education

For citation: Rozhdestvenskaia E.A. The Ethics of Care Discourse for Future Education // Chelovek. 2021. Vol. 32, N 2. P. 76–88. DOI: 10.31857/S023620070014862-5

1. Artem'eva O.V. Etika zaboty: feministskaya al'ternativa klassicheskoi filosofii [Ethics of Care: Feministic Alternative to Classical Philosophy]. *Eticheskaya mysl'*. 2000. N 12. P. 195–215.

2. Volkova S.V. Dasein, skuka, zabota v sfere obrazovaniya [Dasein, Boredom and Care in Education]. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie*. 2017. N 3(25). P. 33–49.

3. Volodin V.V. Evolyutsiya ponyatiya “zabota”: kulturnye smysly i istoricheskie paralleli [Evolution of the Concept of “Care”: Cultural Meanings and Historical Parallels]. *Koncept: filosofiya, religiya, kultura*. 2020. Vol. 4, N 2(14). P. 17–24.

4. “Zabota o sebe” kak obrazovatel’naya praktika sovremennogo klassicheskogo universiteta: Sbornik statei i materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (24–25 noyabrya 2017 g.) [“Taking Care of Yourself” as an Educational Practice of a Modern Classical University: Collection of Articles and Materials of the International Scientific Conference (November 24–25, 2017)], execut. ed. G.I. Petrova. Tomsk: Tomsk Univ. Press, 2018.

5. Illich I. *Osvobozhdenie ot shkol: Proporcionalnost’ i sovremennyy mir* [Deschooling Society: Proportionality and the Contemporary World], ed. by T. Shanin; transl. from Germ. by M. Cherednichenko; transl. from Engl. by Yu. Turchaninova, E. Gusinskii. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2006.

6. Kunicyn A.G. Eticheskoe izmerenie “zaboty” [Ethical Dimension of “Care”]. *Manuskript*. 2019. N 6. P. 144–148.

7. *My vse v zabote postoyannoi... Konceptsiya zaboty o sebe v istorii pedagogiki i kultury: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii pamyati filosafo, sociologa, psihologa G.V. Ivanchenko (1965–2009) (NIU VShE, Moskva, 9–11 sentyabrya 2015)* [We are All in Constant Care... The Concept of Taking Care of Ourselves in the History of Pedagogy and Culture. Materials of the International Conference in Memory of the Philosopher, Sociologist, Psychologist G.V. Ivanchenko (1965–2009) (National Research University Higher School of Economics, Moscow, September 9–11, 2015)], ed. by M.A. Kozlova, V.G. Bezrogov. Pt 2. Chto-to vedet nas v glub’ samih sebya [Something Leads Us Deep into Ourselves]. Moscow: Kanon+ Publ., 2015.

8. *Obrazovanie 20.35. Chelovek* [Education 20.35. Human Being]. Ekaterinburg: Izdatel’skie resheniya Publ., 2017. Vol. 7. (Ser. 03. Chem delat’? [What to Do?]).

9. *Obrazovanie dlya slozhnogo obshchestva “Obrazovatel’nye ekosistemy dlya obshchestvennoi transformatsii”. Doklad Global Education Futures* [Education for a Complex Society “Educational Ecosystems for Social Transformation”. Global Education Futures Report]. 2018 [Electronic resource]. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshchestva.pdf> (date of access: 28.01.2021).

10. Pereslegin S.B. Lektsiya “Budushchee obrazovaniya” [Lecture “The Future of Education”]. *Videonauka: setevoi zhurnal*. 2018. N 1(9). URL: <https://videonauka.ru/stati/32-vystavki-konferentsii-seminary/180-lektsiya-sergeya-pereslegina-budushchee-obrazovaniya> (date of access 28.01.2021).

11. Platon. *Dialogi* [Dialogues], compil., introd. art. by A.F. Losev; notes by A.A. Takho-Godi; transl. from Ancient Greek by S.Ya. Sheinman-Topshtein. Moscow: Mysl’ Publ., 1986.

12. Ridings B. *Universitet v ruinah* [The University in Ruins], transl. from Engl. by A. Korbut. Moscow: GU — VShE Publ., 2010. (Teoriya i praktika obrazovaniya [Theory and Practice of Education]).

13. Rozin V.M. Konceptsiya “zaboty o sebe”: filosofskaya, nauchnaya, hudozhestvennaya i avtorskaya versii [Conception of Self-care: Philosophical, Scientific, Artistic and Authors Versions]. *Kultura i iskusstvo*. 2017. N 7. P. 50–56.

14. Rozin V.M. Osmyslenie koncepcii “Forsait”, ili Novyy tip socialnogo deistviya v sovremennoi kulture [Conceptualization of “Foresight”, or a New Type of Social Action in Modern Culture]. *Kultura kultury*. 2015. N 4(8) [Electronic resource]. URL:

Е.А. Рождественская
Дискурс этики
заботы
в образовании
для будущего

©2021 С.М. МАЛКОВ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ: методологический аспект

Малков Сергей Максимович — младший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека. Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Электронная почта: sm.malkov@gmail.com

Аннотация. Автор статьи исследует методологические проблемы, связанные с происходящим в мировом масштабе процессом перехода на новый, цифровой носитель информации и внедрения новых, цифровых технологий в повседневную жизнь общества и человека. В связи с этим приобретает определенную остроту проблема выявления как положительных моментов (возможностей, достоинств), так и отрицательных (рисков, угроз), которые несут с собой данные технологические новации. При реализации инновационной политики для решения этого вопроса используется методологический принцип «вызов—ответ», который носит междисциплинарный комплексный характер. В статье предлагается формулировка этого принципа. Прослеживается история его возникновения, формирования и развития на протяжении XIX–XX веков на примере естественных и гуманитарных наук, таких как биология, антропология, история, психология. Со второй половины XX века этот принцип начинает применяться к анализу будущего, которое в связи с целым рядом исторических событий начинает рассматриваться как глобальный вызов, несущий угрозу обществу и человеку. Большую роль здесь сыграла деятельность Римского клуба. В XXI веке для поддержки роста мировой экономики, которая не демонстрирует высоких показателей, начинают активно трансформировать нашу действительность

новоиспеченные цифровые проекты и программы — цифровая экономика, медицина (здравоохранение), образование, коммуникации, сфера досуга и т.д. Они основываются на идеях, высказанных, в частности, Клаусом Швабом на Давосском форуме в январе 2017 года. Эти идеи взяты за основу и у нас в стране. Здесь особенно выделяется экспертно-аналитический доклад «Технологическая революция: вызовы и возможности для России» (2017). Это приводит к формированию нового «цифрового общества» и «цифрового человека». В связи с этим приобретает особую остроту необходимость использования метода «вызов—ответ» при анализе различных сфер жизни общества, затронутых процессом цифровизации. Такие исследования проводятся, однако рассмотрению этой темы следует посвятить отдельную статью.

Ключевые слова: цифровизация, междисциплинарная методология, принцип «вызов—ответ», социальная угроза, гуманитарная угроза, цифровое общество, цифровой человек.

Ссылка для цитирования: Малков С.М. Цифровизация как антропологический вызов: Методологический аспект // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 89–105. DOI: 10.31857/S023620070014863-6

Мы живем в исключительную по важности переходную эпоху, когда на глазах у нынешнего поколения людей повсеместно происходит смена основного носителя информации с бумажного, господствовавшего в Европе на протяжении последних пятидесяти лет, на новый электронно-цифровой¹.

Этот процесс приобретает поистине глобальный характер: постепенно он приводит к формированию на земле единого цифрового пространства и дальнейшему постепенному размыванию естественно складывавшихся на протяжении веков этнокультурных и социально-исторических границ. При этом, как ответная реакция, в мире усиливаются и антиглобалистские настроения, которые, в частности, находят выражение в призывах финансировать проекты по созданию собственного национального интернет-пространства и совершенствованию средств защиты его пользователей и государства в целом от возможных угроз, исходящих из глобальной сети.

Однако в любом случае сейчас мы являемся свидетелями масштабного внедрения цифровых технологий в экономику и

¹ «Переходность» эпохи заключается в том, что бумажный носитель, наряду с цифровым, до сих пор активно используется как в мире в целом, так и у нас в стране, в том числе и на государственном уровне. Например, в настоящее время отечественные судебные инстанции принимают к рассмотрению лишь исковые заявления, написанные на бумаге.

финансы, научную и образовательную деятельность, искусство и СМИ, социальную сферу и повседневную жизнь людей. Причем это происходит не только в традиционных промышленных и менеджерских центрах мира — они уверенно проникают даже в самые отдаленные его уголки, включая районы Центральной Африки и крайнего Севера.

Однако для своевременного выявления и предотвращения угроз, исходящих от новых информационных технологий, необходимы не только забота государства, но и функционирование развитой многоуровневой системы институтов гражданского общества. Эта система является результатом деятельности различного рода самозарождающихся и самоисчезающих общественных движений, цель которых — защита интересов простых граждан, их прав и свобод от воздействия таких угроз. Не секрет, что в подавляющем большинстве случаев именно обычные люди являются конечными звеньями тех порой достаточно длинных потребительских цепочек, которые образуют систему современных коммуникативных технологий в потребительском обществе. Так, при разработке новой модели беспилотного автомобиля, смартфона или системы дистанционного образования их создатели учитывают интересы колоссального количества социальных игроков (стейкхолдеров), и в первую очередь собственных. При этом пользуется услугой или покупает товар, в конечном счете, конкретный человек для удовлетворения своих потребностей. Для выражения и отстаивания его интересов перед другими стейкхолдерами, — в том числе такими мощными, как разработчики технологии, государство и крупные бизнес-корпорации, включающие представителей банковской системы, производственных структур, маркетинговых фирм, а также системы постпродажного обслуживания товара, — и формируются гражданские общества (объединения и движения).

История показывает, что внедрение новых информационных технологий нередко порождает целый кластер социогуманитарных проблем, которые, если их своевременно не выявлять и не решать, могут привести к росту социального напряжения в обществе. Так было, к примеру, при зарождении Интернета и онлайн-коммерции. По мнению Криса Скиннера, «интерактивность пришла в интернет только после того, как его потенциал оценили игроки порноиндустрии. Секс и порнография стали катализаторами развития Сети. Валовая прибыль электронной доски объявлений Event Horizons к 1993 году превысила \$3,2 млрд в год. Владелец этого сайта Джим Макси просто нанял десять сотрудников, чтобы те сканировали фотографии, форматировали их и выкладывали в сеть для скачивания. Они не занимались никаким маркетингом, об их работе узнавали по сарафанному радио. Вскоре появилось

С.М. Малков
Цифровизация
как антрополо-
гический вызов:
методологи-
ческий аспект

множество подобных сайтов, и началась (с порнографии!) история онлайн-коммерции» [3, с. 44]. За обычной порнографией в скором времени вошла в оборот и порнография детская, породив соответствующую инфраструктуру по ее обслуживанию.

Однако такое развитие событий не является исключением. Введение в социальную практику новых информационных технологий редко обходится без нежелательных последствий, которые необходимо выявлять, а по возможности и предвидеть. Так, на рубеже XIX–XX веков с изобретением нового носителя информации — сначала фото-, а затем и киноплёнки — человечество столкнулось с аналогичной проблемой. Одной из форм коммерциализации зарождающегося кинематографа, производившего короткие видеоролики на нитратной плёнке (которая была довольно дорогостоящей, а по своему химическому составу ещё и самовоспламеняющейся, чрезвычайно горючей и взрывоопасной), стало создание большого количества порнофильмов. Их основными потребителями оказались публичные дома. Они демонстрировали такие ролики своим клиентам непосредственно перед оказанием услуг, чтобы их «разогреть».

Если мы углубимся в историю, то обнаружим, что изобретение печатного станка в середине XV века и последовавший переход на бумажный носитель информации как основной, сделал доступными многие труды, которые раньше хранились в монастырских библиотеках в виде пергаменных фолиантов. В результате, начиная с первой половины XVI века, в Европе возникают и множатся индексы запрещённых книг. Самый известный из них — Index Librorum Prohibitorum (1564) папы Пия VI, утверждённый Инквизицией. Соответственно, как реакция на новую угрозу, в Европе зарождается и институт папской цензуры. Напомним, что в 1616 году, то есть через 73 года после первой публикации, в этот Индекс был внесён труд Н. Коперника «Об обращениях небесных сфер», а в 1665 году — сочинение Г. Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира».

Однако вернёмся в наше время. Новые цифровые коммерческие отношения породили и соответствующие типы денежной коммуникации. По свидетельству К. Скиннера, тогда же в начале 1990-х торговые организации «стали принимать кредитные карты для оплаты в интернете. Для отправки подобного платежа требовалось заполнить специальную форму. Первым коммерческим сайтом, который начал принимать к оплате карты, стал books.com. Им владела американская книжная сеть Book Stacks Ltd., чья электронная доска объявлений появилась в Сети в 1992 году — за три года до Amazon» [там же].

В дальнейшем это привело к формированию разветвленной системы онлайн-оплаты товаров и услуг виртуальными деньгами, для чего потребовалось легализовать на законодательном уровне использование электронно-цифровой подписи. Данные нововведения не замедлили породить такое социальное явление, как киберпреступность.

Примечательно следующее явно неслучайное временное совпадение. В 1995 году фирма Microsoft выпускает в свет новую операционную систему Windows-95, которая позволила простым пользователям массово подключаться к Интернету и осуществлять онлайн-операции. Тогда же возникают новые торговые интернет-площадки, такие как Amazon и e-Bay. И в тот же год выходит в свет фильм британского кинорежиссера Иэна Софтли «Хакеры» с Анджелиной Джоли в главной роли. Все это свидетельствует о системном характере становления цифрового общества, которое само вырабатывает механизмы, позволяющие обнаруживать, демонстрировать и обсуждать возникающие гуманитарные проблемы.

Таким образом, история показывает, что смена господствующего носителя информации — вовсе не безобидный процесс. Он нередко сопровождается возникновением целых кластеров гуманитарных проблем, встающих перед обычными людьми. В дальнейшем это может приводить к усилению напряженности в обществе и порождению проблем более высокого социального порядка, если вовремя не заняться разработкой механизмов их решения. Все вышесказанное имеет прямое отношение и к сегодняшнему дню.

* * *

В процессе изучения того, как проблемы возникают и разрешаются, многие исследователи используют междисциплинарный методологический принцип, который условно можно обозначить как «вызов—ответ». В силу своей междисциплинарности он достаточно вариателен, то есть проявляется в различных науках по-разному. Кроме того, за последние двести лет он еще и исторически менялся. Однако в целом этот принцип представляет собой попытку ученых объяснить ряд происходящих в мире изменений (в том числе эволюционных) как поведенческий ответ живого организма или сообщества живых существ на потенциальную или актуальную угрозу с целью ее снижения вплоть до полной нейтрализации. Или, наоборот, как ответ на благоприятное стечение обстоятельств с целью извлечь из них максимальную выгоду. Причем в сложившейся ситуации живые существа пытаются

С.М. Малков
Цифровизация
как антрополо-
гический вызов:
методологи-
ческий аспект

достичь значимой цели, действуя на свой страх и риск, то есть методом проб и ошибок. Такой подход рассматривает исторические изменения как непрерывную череду попыток найти достойное решение возникающих проблем. Его использование, основанное на анализе целесообразного поведения, возвращает в науку понятие *телеология*, которая, как казалось, была окончательно изгнана оттуда благодаря формированию механистической картины мира и редукционистскому подходу, прочно утвердившимся в европейской мысли XVIII века.

В указанном выше методологическом принципе проблема рассматривается как вызов, если она носит экзистенциальный характер и для ее решения субъекту требуется существенно изменить сложившуюся поведенческую стратегию, то есть поступить нешаблонно, сделать экзистенциальный выбор². Следует отметить, что понятие *вызов* не является здесь аксиологически нагруженным, то есть используется в ценностно нейтральном смысле. Это в целом соответствует употреблению данного слова в обыденном языке. Например, когда человек только готовится принять телефонный вызов, то еще не знает, как на него среагирует. Подняв трубку, он может услышать и благоприятную весть, и сообщение, несущее угрозу. Соответственно, поведение человека в этих случаях окажется различным, поскольку разными будут цели, которые в зависимости от полученной информации он постарается достичь, а также задачи, которые он перед собой поставит. В этом плане благоприятное стечение обстоятельств тоже может стать вызовом, на который человек волей-неволей каким-то образомотреагирует. Например, он может попытаться «не упустить свой шанс», радикально изменив свою жизнь. В отличие от *вызова*, слово *угроза* в обыденном языке является ценностно нагруженным и всегда содержит негативный оттенок.

Остановимся вкратце на истории данного принципа. В неявной форме он стал применяться в науке создателями первых эволюционистских концепций для объяснения феномена биологической эволюции Ж.-Б. Ламарком и позднее Ч. Дарвином. Однако

² В настоящее время остается дискуссионным вопрос о том, можно ли использовать понятия «экзистенциальная проблема» и «экзистенциальный выбор» применительно к животным, точнее, к популяции животных, как субъектам. Мы будем опираться на натуралистическую традицию, полагая, что это в определенной степени допустимо. Хотя здесь есть свои особенности, которые в первую очередь относятся к способам решения таких проблем в животном мире. На передний план здесь выходит ценность жизни популяции как целостной системы. В процессе достижения этой цели происходит отбор наиболее перспективных стратегий поведения.

они в явном виде его не формулировали и не использовали методологических понятий «вызов» и «ответ». Оба ученых рассматривали изменчивость биологических видов как установленный наукой факт. Однако их концепции различались как по выявлению факторов, активизирующих эту изменчивость (их можно условно назвать вызовами), так и по способам ответа на них. Так, согласно Дарвину, происходящие в природе процессы перепроизводства потомков (идея, взятая у Мальтуса), а также изменения окружающей среды активизируют *борьбу за существование*, в результате чего в ней выживают лишь те организмы, которые унаследовали от своих предков благоприятные биологические признаки. В дарвинизме это называется естественным отбором. В конце концов происходит *дивергенция*, «расщепление» старого вида, отделение от него наиболее жизнестойких организмов, которые образуют новый вид. Соответственно, его представители оказываются лучше приспособленными к жизни, а все остальные — погибают.

Учение Ламарка (и особенно неоламаркистов, создававших свои теории как критическую реакцию на дарвинизм) основывается на идее неразрывного единства организма и окружающей среды. В качестве ответа на изменение среды обитания в природе начинает действовать фактор восстановления утраченного единства, прямого или косвенного приспособления к внешней среде. «Многие известные нам факты, — утверждал он, — доказывают, что неослабое употребление органа содействует его развитию, укрепляет и даже увеличивает его; неупотребление же органа, переходя в привычку, наносит ущерб его развитию, ухудшает его, постепенно уменьшает и наконец приводит к его исчезновению, если это неупотребление органа в течение долгого времени держится во всем потомстве. Отсюда ясно, что с изменением обстоятельств, вынуждающих животное менять свои привычки, менее употребляемые органы постепенно истощаются, тогда как более употребляемые успешно развиваются и приобретают силу и размеры, соответствующие степени обычного их применения» [1, с. 6]. Это происходит благодаря тому, что в организме активизируется некая «жизненная сила, или энергия», которая «растет по мере того, как строится организация» [там же, с. 79]. В результате этого он подстраивается под новые условия обитания и в дальнейшем передает приобретенные признаки своим потомкам.

Некоторые представители современного ламаркизма признают, что на самом деле на земле существует лишь один объект биологической эволюции — это биосфера в целом как единый иерархически организованный живой организм, к саморазвитию которого приспособляются его внутренние обитатели — представители различных видов. Тогда вызовом для них оказывается сам процесс

С.М. Малков
Цифровизация
как антрополо-
гический вызов:
методологи-
ческий аспект

развития биосферы, к которому стремятся адаптироваться растения и животные. Родоначальником такого подхода, по-видимому, является П. Тейяр де Шарден. Он полагал, что биосфера «представляет собой не более или менее непрочную группировку, а единое целое, саму ткань генетических отношений, которая, будучи развернутой и поднятой, вырисовывает древо жизни». В процессе роста этого древа жизни «изменение биологического состояния, приведшее к пробуждению мысли, не просто соответствует критической точке, пройденной индивидом или даже видом. Будучи более обширным, это изменение затрагивает саму жизнь в ее органической целостности, и, следовательно, оно знаменует собой трансформацию, затрагивающую состояние всей планеты» [4, с. 148]. Ключевым фактором здесь становится не дивергенция вида, а его *конвергенция*.

Таким образом, мы вплотную подошли к *антропологии*, а именно к проблеме антропогенеза. Следует отметить, что во второй половине XIX века для ее решения также использовался в неявном виде принцип «вызов—ответ». В качестве одного из многочисленных примеров можно привести наверное самый известный — так называемую трудовую теорию происхождения человека, которую, в частности, поддерживал Ф. Энгельс. Последний занимал в этом вопросе двойственную позицию: он признавал величие учения Дарвина и даже приписывал ему одно из трех великих открытий в естествознании XIX века, на самом деле ему не принадлежащее, — это «теория развития, которая в систематическом виде впервые была разработана и обоснована Дарвином» [8, с. 512]. Однако сам автор этих строк, строго говоря, дарвинистом не был. Более того, он резко критиковал как английского натуралиста, так и его последователей за мальтузианство, которое, по его мнению, ставило под большое сомнение саму возможность построения коммунистического общества на земле. Он полагал, что биологические виды действительно изменяются, однако «это может происходить — и фактически происходит — без всякого *мальтузианства*». То же самое имеет место и «при половом отборе, где мальтузианство также не играет совершенно никакой роли» [там же, с. 621]. На основе этой критики он разрабатывал альтернативное учение о происхождении человека как нового биологического вида — не путем обострения внутривидовой борьбы за существование, а путем приобщения стада высокоразвитых обезьян к трудовой деятельности. Согласно Энгельсу, совместный труд общины является основным фактором, благодаря которому в изменившихся условиях обитания вида *Homo sapiens* появляются такие исторически значимые новации, как производство орудий труда и членораздельная речь. Именно они послужили достойным

коллективным *ответом* на стихийно возникшие перед первобытным стадом *вызовы* природы.

Что касается борьбы за существование, то в отличие от Дарвина классик марксизма ограничил действие этого биологического фактора областью растительного царства и низшими ступенями животного царства. Он даже писал об ошибке Дарвина, полагая, что у высших животных борьба за существование под воздействием фактора перенаселения практически отсутствует или просто «ничего не изменяет»: «Ошибка Дарвина заключается именно в том, что он в своем “естественном отборе, или выживании наиболее приспособленных” смешивает две совершенно различные вещи: 1) Отбор под давлением перенаселения, где наисильнейшие, быть может, и выживают в первую очередь, но могут оказаться вместе с тем и наислабейшими в некоторых отношениях. 2) Отбор благодаря большей способности приспособления к изменившимся обстоятельствам, где выживающие индивиды более приспособлены к этим *обстоятельствам*...» [там же]. При этом Энгельс полагал, что его идеи являются подлинным развитием учения английского естествоиспытателя³.

Одним из первых в явной форме принцип «вызов—ответ» был применен А. Тойнби в *исторической науке* для объяснения образования локальных цивилизаций, в частности древнеегипетской, месопотамской и ряда других. Он называл его «социальным законом вызова-и-ответа» и говорил о вызовах природной среды и ответах социума как подлинных источниках общественных трансформаций. В процессе исследований, пишет Тойнби, «мы пришли к отказу от общераспространенного предположения, будто бы цивилизации возникают в тех случаях, когда окружающая среда предоставляет необыкновенно легкие условия жизни, и выдвинули аргумент в пользу прямо противоположной точки зрения» [6, с. 183]. Далее он следующим образом конкретизирует свою мысль: «Цивилизации зарождаются не в необыкновенно легкой, а в необыкновенно трудной для проживания окружающей среде. Это, в свою очередь, побудило нас задаться вопросом, не имеем ли мы здесь дело с примером некоего социального закона, который можно выразить в формуле: “чем сильнее вызов, тем сильнее стимул”. Мы сделали обзор ответов, вызванных пятью типами

С.М. Малков
Цифровизация
как антрополо-
гический вызов:
методологи-
ческий аспект

³ На наш взгляд, учение Энгельса об антропогенезе следует условно признать скорее одной из разновидностей неоламаркизма, где роль некой «жизненной силы, или энергии», которая «растет по мере того, как строится организация» выполняет человеческий труд. Более подробный анализ взглядов Энгельса на эту проблему представлен нами в [2, с. 544–546].

стимулов — стимулом суровых стран, новой земли, ударов, давлений и ущемления, и во всех пяти областях результат нашего исследования подтверждает обоснованность этого закона» [там же, с. 264].

По мнению Тойнби, применительно к Древнему Египту борьба человека с природой за выживание выразилась в интенсивном освоении плодородной аллювиальной почвы вдоль берегов Нила и контроле разлива реки благодаря организации ирригационной системы. Все это привело к небывалому росту урожайности, объединению страны в единое государство и формированию общей духовной культуры.

В дальнейшем методологический принцип «вызов—ответ» стал успешно применяться в науках о человеке. Так, он получил развитие в *экспериментальной психологии*, а именно в бихевиористской теории «стимул—реакция». Сделав предметом исследования психологии человеческое поведение (*behaviour*), бихевиористы пришли к выводу, что оно носит реактивный характер, то есть направлено на решение возникающих проблем, стимулируется ими. Здесь следует в первую очередь упомянуть монографии К.Л. Халла [10] и Б.Ф. Скиннера [11]. Представители этого подхода полагают, что образцы удачного решения проблем не исчезают бесследно: они закрепляются в индивидуальной и социальной практике в виде паттернов. Учитывая данное обстоятельство, бихевиористы подняли вопрос о закономерном, целесообразном характере человеческого поведения, а следовательно, и о возможности его предсказания в будущем.

Параллельно с этими исследованиями происходило становление новой науки кибернетики как учения об обратных связях, описываемых с помощью математических методов. В результате методологические принципы «стимул—реакция» и «вызов—ответ» получили солидное математическое обоснование и разработку в рамках теории динамических систем.

Во второй половине XX века в качестве угрозы все чаще стала предстать не только некая конкретная проблема, требующая незамедлительной выработки ответа, но и будущее само по себе как целый комплекс взаимозависимых проблем. Причем попытки решить одни из них, могут приводить к существенному усугублению других. Так, рост промышленного производства, без которого невозможно поднять уровень благосостояния людей, нередко сопровождается усилением экологической нестабильности в регионе и повышением затрат на медицинское обслуживание населения. Таким образом, проблема будущего носит не только междисциплинарный, но и комплексный характер.

Осознанию будущего как вызова способствовало множество факторов, особенно проявившихся в 1970–1980-е годы. В первую очередь это усиление мировых экономических, финансовых и гуманитарных кризисов, привлечение внимания общественности к глобальным проблемам современности, связанным с разработкой ядерного оружия и последующей гонкой вооружений, а также к экологическим, генно-инженерным проблемам, вызовам, стоящим перед сферой здравоохранения, занятости населения и ряду других. В этом плане переход на цифровой носитель информации и использование цифровых технологий во всех сферах индивидуальной и социальной жизни (особенно в экономике и военной сфере) также можно рассматривать как вызов современному миру, несущий не только благо, но и антропологическую угрозу, которая способна негативно сказаться на самых разных областях жизнедеятельности. Поэтому человек здесь должен проявить своеобразную заботу о будущем. При этом само будущее выступает, как правило, в образе «черного ящика», содержимое которого в настоящий момент нам неизвестно, но оно будет зависеть от выбора той или иной глобальной стратегии поведения человечества. Эти стратегии оформляются в виде так называемых программ «устойчивого развития», которые опираются на выбор одного или нескольких «драйверов роста» из целого спектра возможных, а также на ожидания и ценностные предпочтения их разработчиков. В таких условиях особое значение приобретает процедура прогнозирования последствий реализации этих программ, причем как позитивных, так и негативных. Именно поэтому в качестве методологии выступает в первую очередь бихевиористски ориентированный принцип «вызов—ответ», в котором место глобального вызова занимает неизвестное будущее. Его целью становится выработка ответных мер для нейтрализации возможных угроз, которые кристаллизуются в виде образцов поведения людей при обнаружении соответствующей угрозы. Все это применимо к современным условиям развития общества, а именно к происходящей на наших глазах цифровой революции, формированию информационного (цифрового) общества и цифрового человека, которому необходимо адекватно реагировать на угрозы, исходящие от новых информационных технологий.

* * *

Забота о будущем с течением времени принимала различные, порой весьма своеобразные формы. Ее можно условно разделить на заботу:

С.М. Малков
Цифровизация
как антрополо-
гический вызов:
методологи-
ческий аспект

- о своем собственном будущем или, пользуясь выражением М. Фуко, «заботу о себе» (*Le souci de soi*);
- о будущем своей семьи и близких родственников, в первую очередь потомства;
- о будущем средних и больших социальных общностей, с которыми связан человек;
- о будущем человеческого рода в целом.

В связи с этим мы будем разделять два кластера проблем, связанных с восприятием будущего как антропологической угрозы. Некоторая проблема начинает рассматриваться как *социальная угроза*, если она затрагивает интересы таких субъектов деятельности, как государство, страна, этнос и т.д., а также человечество в целом. Речь идет об угрозах в адрес средних и больших общностей людей, безопасность которых призваны защищать в первую очередь *государственные институты*. Они разрабатывают и обеспечивают финансированием международные, национальные и региональные программы по формированию проектов, направленных на выявление и нейтрализацию подобного типа угроз. В основном они касаются так называемых «Больших угроз», под которыми понимается «совокупность проблем и возможностей, реакция на которые признается обществом и государством на данный период времени главной задачей своего развития» [5, с. 15]. Применительно к нашей стране большими угрозами признаются следующие: «исчерпание и снижение эффективности использования традиционных ресурсов, демографическое сжатие и старение населения, отставание в росте продолжительности жизни от других индустриально развитых стран, изменение климата, трудности адаптации общества и государства к распространению новых “прорывных” технологий» [там же].

В настоящее время в России запущено значительное число таких проектов, так или иначе связанных с использованием цифровых технологий. В первую очередь они касаются обеспечения национальной безопасности, а также экономического, политического и социокультурного развития страны и отдельных ее регионов.

Некоторая проблема начинает рассматриваться как *гуманитарная угроза*, если она затрагивает интересы конкретных людей и их семейного окружения, побуждая в качестве ответной реакции встать на защиту «прав человека» и так называемых «семейных ценностей». Речь идет в первую очередь о таких ценностях, как здоровье, материальное и духовное благополучие, а также культурное развитие, в том числе образование и воспитание.

Напомним, что современный термин «гуманитарный» восходит к латинскому слову «*humanitas*», которое в античных текстах использовалось как перевод древнегреческого «*παιδεία*». Именно

к *humanitas* восходит ренессансный идеал нового человека как гармонически (или как говорили в советские времена — все-сторонне) развитой личности, на который уповали гуманисты XIV–XVI веков и который частично был реализован аристократическими кругами Европы в так называемый «галантный век». Разумеется, стремление к такому идеалу нередко приобретало в жизни карикатурные оттенки, что отразилось, в частности, в многочисленных «критических» пьесах того времени, например у Мольера в «Мещанине во дворянстве» или у Рамо в опере «Галантные Индии». Примечательно, что сам термин «наука о человеке», как и слово «цивилизация», зародились именно в «галантном веке».

Противостоять гуманитарным угрозам и защищать свои права люди могут и в одиночку, но более эффективный способ заключается в объединении их усилий и создании *институтов гражданского общества*. Он характерен для так называемых цивилизованных обществ.

Однако в жизни описанное выше разделение антропологических угроз на социальные и гуманитарные не носит абсолютного характера. Они взаимообусловлены, и порой то, что используется как спасение от социального вызова, может нести в себе угрозу для человека и его семьи, и наоборот. В этом плане созидание будущего предстает как достаточно тонкий и сложный творческий процесс, в котором должны принимать участие все заинтересованные стороны.

Именно в таком двойственном положении оказались сегодня цифровые технологии, поскольку в настоящее время мы являемся свидетелями масштабного их внедрения в экономику и финансы, научную и образовательную деятельность, искусство и СМИ, социальную сферу и повседневную жизнь людей.

В настоящее время регулярно проводятся широкие дискуссии и запускаются инновационные проекты в таких областях, как цифровая культура, цифровое образование, цифровое здравоохранение. Высказываются мысли о необходимости создания у нас в стране особой «Цифровой конституции» для законодательного регулирования процессов, происходящих в цифровом коммуникативном пространстве. Эти усилия принесли свои плоды. Так, в июле 2020 года Президент РФ заявил, что в настоящий момент наша страна готова войти в число мировых лидеров по цифровизации общества: «Это абсолютно возможно для нас. Мы в целом к этому готовы»⁴.

С.М. Малков
Цифровизация
как антрополо-
гический вызов:
методологи-
ческий аспект

⁴ Российская газета. 2020. 13 июля. С. 1.

Однако цифровые технологии трансформируют не только общество, но и человека, его психику, повседневные потребности и поведение. Параллельно претерпевают изменения и базовые права человека. Так, в 2011 году ООН признала таковым право каждого на доступ к Интернету. Можно утверждать, что в настоящее время мы являемся свидетелями глобального процесса формирования нового — цифрового — человека, и это есть не что иное, как ответная гуманитарная реакция на вызов будущего. Примечательно, что в последнее время стали все чаще использоваться в научном лексиконе такие понятия, как «цифровой человек» и «цифровая личность»⁵. Междисциплинарное проблемное поле, которое они охватывают, в ближайшем будущем наверняка привлечет пристальное внимание наук о человеке в целом и философской антропологии в частности. Назревает необходимость разработки целого пакета проектов по принятию комплексных мер для защиты человека от грядущих гуманитарных угроз.

Понятие «цифровой человек» не имеет отношения к трансгуманизму. Он не робот, не киборг, не индивид, тело которого напичкано цифровыми девайсами. По своему генетическому строению он ничем не отличается от обычных людей и тем более не является бессмертным существом. Более того, он может относиться к трансгуманизму как социальному движению более чем критически. Однако он активно использует цифровые технологии в публичной и приватной сферах жизни, «встроен» в цифровое общество, и именно это обстоятельство делает его человеком XXI века. Кроме того, можно рассматривать «цифрового человека» не только как фактическую данность, позволяющую делать его предметом исследования, но и как гуманитарный проект по целенаправленному формированию человека будущего.

* * *

Таким образом, в процессе создания новых гуманитарных проектов для их реализации в цифровом обществе следует опираться на методологический принцип «вызов—ответ» с целью выявления антропологических угроз. Этот принцип далеко не нов, но имеет свою двухвековую историю. Однако в настоящее время

⁵ Выражение «цифровой человек» появилось в 1995 году в кинематографе. Тогда американский режиссер Филипп Дж. Рот (Phillip J. Roth) выпустил в прокат фантастический боевик под названием «Digital Man». В 2018 году американский экономист и финансист Крис Скиннер выпустил книгу «Digital Human» [3]. В 2016 году вышел в свет последний труд известного английского социолога Джона Урри «Как выглядит будущее?» [7], где он вводит понятие «цифровая личность» (digital person).

человечество пытается применить его к анализу такого специфического объекта исследования, как будущее. В первую очередь это относится к «цифровому обществу» и «цифровому человеку», на формирование которых направлен целый ряд стратегий и программ. Именно здесь встает во весь рост ключевая проблема своевременного выявления и блокирования возможных рисков и угроз. Особенно это касается таких социо-гуманитарных сфер, как здравоохранение, образование и воспитание, сфера безопасности, включая защиту персональных данных, а также прав и свобод личности и ряда других. Разумеется, в каждой из них методологический анализ будет осуществляться со своей спецификой. Однако рассмотрению этой темы следует посвятить отдельную статью.

Литература

1. Ламарк Ж.Б. Философия зоологии: в 2 т. Т. 1. М.—Л.: Биомедгиз, 1935. CLX.
2. Малков С.М. Идеиные основания проектов по созданию нового человека в СССР (1920–1930-е годы) // Революция, эволюция и диалог культур / отв. ред. А.В. Черняев. М.: Гнозис, 2018.
3. Скиннер К. Цифровой человек. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.
5. Технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад / под рук. В.Н. Княгинина. М.: ЦСР, 2017.
6. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ, 2009.
7. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Изд. дом Дело, 2018.
8. Энгельс Ф. Дialeктика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 343–626.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2016.
10. Hull C.L. Principles of Behavior: An Introduction to Behavior Theory. New York: Appleton-Century-Crofts, 1943.
11. Skinner B.F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953.

Digitalization as an Anthropological Challenge: Methodological Aspect

Sergey M. Malkov

Research Fellow.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

E-mail: sm.malkov@gmail.com

Abstract. The author of the article examines the methodological problems associated with the process of transition to a new, digital medium of information and the introduction of new, digital technologies into the daily life of society and a person taking place on a global scale. In this regard, the

С.М. Малков

Цифровизация
как антрополо-
гический вызов:
методологи-
ческий аспект

problem of identifying both positive aspects (opportunities, advantages) and negative aspects (risks, threats) that these technological innovations bring with them acquire a certain urgency. In the implementation of innovation policy to address this issue, the methodological principle of “challenge—response” is used, which is of an interdisciplinary complex nature. The article proposes a formulation of this principle. The history of its origin, formation and development during the 19th–20th centuries is traced on the example of natural and humanitarian sciences, such as biology, anthropology, history, psychology. Starting from the second half of the 20th century, this principle begins to be applied to the analysis of the future, which, in connection with a number of historical events, is beginning to be viewed as a global challenge that threatens society and people. The activities of the Club of Rome played an important role here. In the 21st century, in order to support the growth of the world economy, which does not demonstrate high performance, new digital projects and programs are beginning to actively transform our reality — the digital economy, medicine (healthcare), education, communications, leisure, etc. They build on ideas expressed, inter alia, by Klaus Schwab at the Davos Forum in January 2017. These ideas are taken as a basis in our country as well. The expert and analytical report “Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia” (2017) stands out here. This leads to the formation of a new “digital society” and “digital human”. In this regard, the need to use the “challenge—response” method in the analysis of various spheres of social life affected by the digitalization process becomes especially acute. Such studies are being carried out, but a separate article should be devoted to the consideration of this topic.

Keywords: digitalization, interdisciplinary methodology, “challenge—response” principle, social threat, humanitarian threat, digital society, digital human.

For citation: Malkov S.M. Digitalization as an Anthropological Challenge: Methodological Aspect // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 1. P. 89–105. DOI: 10.31857/S023620070014863-6

References

1. Lamarck J.B. *Filosofiya zoologii* [Philosophy of Zoology]. 2 vols. Vol. 1. Moscow–Leningrad: Biomedgiz Publ., 1935.
2. Malkov S.M. Ideinye osnovaniya proektov po sozdaniyu novogo cheloveka v SSSR (1920–1930-e gody) [The ideological foundations of the projects for creation of new man in the USSR (1920–1930-s)]. *Revolutsiya, evolyutsiya i dialog kul'tur* [Revolution, evolution and dialogue of cultures], edited by A.V. Chernyaev. Moscow: Gnozis Publ., 2018.
3. Skinner K. *Tsifrovoy chelovek* [Digital Human]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2019.
4. Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka* [The human phenomenon]. Moscow: Nauka Publ., 1987.
5. *Tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii. Ekspertno-analiticheskiy doklad* [Technological Revolution: Challenges and Opportunities

for Russia. Expert and analytical report], under the leadership of V.N. Knyaginina. Moscow: TsSR Publ., 2017.

6. Toynbee A.J. *Issledovanie istorii: Vozniknovenie, rost i raspad tsivilizatsii* [A Study of History: The Geneses, Grows and Fall of Civilizations], translated from English by K.Ya. Kozhurin. Moscow: AST Publ., 2009.

7. Urry J. *Kak vyglyadit budushchee?* [What is the Future?] Moscow: Izdatel'skii dom Delo Publ., 2018.

8. Engels F. *Dialektika prirody* [The Dialectics of Nature]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works], 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Politizdat Publ., 1961.

9. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: E Publ., 2016.

10. Hull C.L. *Principles of Behavior: An Introduction to Behavior Theory*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1943.

11. Skinner B.F. *Science and Human Behavior*. New York: Macmillan, 1953.

С.М. Малков
Цифровизация
как антрополо-
гический вызов:
методологи-
ческий аспект

©2021 С.А. НИКОЛЬСКИЙ

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК КАК ПОЗНАВАЕМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Часть первая

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, 12/1.

Профессор кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Российская Федерация, 173003 Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41.

Электронная почта: s-nickolsky@yandex.ru

Аннотация. В первой части статьи анализируются воззрения трех исследователей советской реальности — Г.Л. Смирнова, А.А. Зиновьева и В.И. Толстых. Объединение этих по-разному мыслящих ученых в качестве предмета анализа в одном тексте объясняется несколькими причинами. Первая — общая и главная у них тема советского человека — одна из центральных для приближающейся даты 100-летия образования СССР. Вторая — общий фон, на котором рассматривается предмет — феномен советского коммунизма. И, наконец, жизнеутверждающий моральный и ценностный посыл их книг. Тем не менее полученные ими результаты различны. Советский человек у Г.Л. Смирнова — это *пропагандистский идеологический конструкт*, в качестве образца предназначенный для культивирования идейной консолидации и однородности общества. Советский человек А.А. Зиновьева — облаченный

Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда НФ № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

в научные одежды *результат личного исследовательского размышления* о свободном самоопределении человека как тяжелой ноши в реалиях СССР, сопряженный с фаталистической уверенностью в неизменности однажды сделанного страной общественного выбора. Советский человек у В.И. Толстых — рефлексивный *личный опыт жизнепроживания* с доминирующей установкой — критикуя «плохое», не забывать о «хорошем» реально бывшем в советском строе. Итог исследований всех авторов совпадает — ни у одного нет философско-социологического анализа феномена советского человека. Тому, что таковой возможен, посвящается вторая часть статьи, в которой будет раскрыт опыт исследований советского человека в трудах Н.Н. Козловой, Т.И. Заславской и Ю.А. Левады и его коллектива.

Ключевые слова: человек, общество, коммунизм, коммунальность, общественные законы, покорность, свобода, необходимость, философия, социология, история.

Ссылка для цитирования: Никольский С.А. Советский человек как познаваемая реальность // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 106–124. DOI: 10.31857/S023620070014864-7

В олей исторического случая мировоззренческие позиции авторов первых двух исследований были представлены обществу в одно и то же время: книга Г.Л. Смирнова «Советский человек. Формирование коммунистического типа личности» в третьем, наиболее полном издании и книга А.А. Зиновьева «Коммунизм как реальность» увидели свет незадолго до перестройки — первого симптома краха «реального социализма» и его порождения «советского человека» в одном и том же 1980 году¹.

Жизнь Г.Л. Смирнова — от комсомольского работника и до финальных должностей в качестве помощника по идеологии Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — была жизнью профессионального коммунистического пропагандиста. Несмотря на то что по крайней мере в молодые годы будущий ученый не мог не видеть жизнь, какой она была на самом деле, он всегда оставался человеком, который трактовал действительность

С.А. Никольский
Советский человек как познаваемая реальность

¹ Обе работы получили признание. Книга Зиновьева, в 1977 году изгнанного из СССР диссидента, изданная в Италии и во Франции, в 1982 году была удостоена Международной премии Алексиса Токвиля за исследования в области социологии, а Смирнов в 1981 году был избран в советскую Академию наук как «философ, специалист в области исторического материализма и теории научного коммунизма» и в 1983 году назначен директором Института философии АН СССР.

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 ПРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

с позиций не реально сущего, а марксистско-ленинско-сталинского должного.

Напротив, жизнь А.А. Зиновьева — пример независимого, враждующего с властями неустанного искателя истины в теории и в реальности, будь то учеба в Москве, участие в Великой Отечественной войне, исследовательская работа или научно-публицистическая критика советского, западного и российского строя. При этом, насколько можно судить, при всей непримиримости к реалиям марксизма в условиях СССР и России Зиновьев в известной степени был и навсегда остался марксистом в собственном понимании теории Маркса. Вообще в пандан его известного личностного императива — «сам себе государство» — можно добавить — «сам себе наука».

Жизнь В.И. Толстых счастливым образом совпадала с волнами хрущевской оттепели, которые в конце пятидесятых годов XX века накрыли специализировавшегося на эстетике молодого одесского преподавателя философии и открыли ему возможность обширных знакомств с тогдашними деятелями театра и кино, периодически ритуально посещавшими «жемчужину у моря». Вскоре он оказывается в Москве и благодаря собственным способностям и ранее установленным связям принимает активное участие в интеллектуальной и художественной жизни столицы. С 1970 года и до смерти в 2019 году Толстых работал в Институте философии Академии наук СССР, а впоследствии — РАН. За написанный в соавторстве в 1979 году для профессионально-технических училищ учебник «Эстетическое воспитание» в 1986 году он был удостоен Государственной премии СССР. Постоянный интерес к происходящему, демократические воззрения и социал-демократические ориентации всегда отличали его труды, в том числе и рассматриваемую в статье одну из его последних книг — «Мы были. Советский человек как он есть».

Как очевидно из сказанного, три автора кардинально отличались друг от друга условиями жизни, мировоззрением, ценностями, устремлениями. Но было нечто, что их объединяло, — намерение дать социологическое описание советского человека и столь же общая для них в этом намерении неудача. В итоге каждый представил свою собственную идеологическую конструкцию «советского человека».

* * *

Простое изложение основных идей марксизма-ленинизма о человеке, представленных в монографии Г.Л. Смирнова, сегодня вряд ли бы вызвало интерес. Начиная с чиновничье-пропагандистского

языка изложения и заканчивая далекими от реальности оценками и смыслами. Тем не менее еще сорок лет назад этот труд не смотрелся как нечто из ряда вон выходящее и ненаучное. Напротив, ему можно было ставить (и ставили) в заслугу глубину понимания, всесторонность аналитического охвата исследуемого предмета, гармонию составных частей концепции советского человека. Было ли это только достоинством книги? Вряд ли. Было нечто в общественном сознании, что позволяло видеть этот текст как органичный. Но органичный чему? Думаю, текст был органичен общему для всего общества и практически никем не рефлекслируемому *состоянию покорности*, безличной включенности всех и каждого в реальный всеохватный *феномен советского*. Идеологический текст был ритуальным способом, в рамках которого шла *формовка индивидуального и общественного сознания* с ясной целью быть покорным КПСС и ее устрашающему орудию — КГБ.

Конечно, феномен покорности как одно из условий и элементов общественного управления присущ каждому обществу. Однако в разных обществах он занимает разное место в социальном механизме, его реализация по-разному идеологически обосновывается и обеспечивается. Поэтому в настоящем тексте я буду говорить о покорности как управленческой установке и общественном свойстве лишь применимо к отечественным реалиям. Кратко обращусь к истории, позволяющей понять естественность текста Г.Л. Смирнова для ситуации в СССР.

Покорность как качество, в той или иной мере присущее природе советского, русского, российского человека, имеет глубокие корни. В далеком IX веке, возможно, впервые покорность явила себя в неумении наших предков согласовать свое общее бытие и, как результат, в призвании ильменскими словенами и кривичами варягов править сообществом, к согласию не способным, но готовым и берущим на себя обязательство неукоснительной покорности. Корни покорности — далее — в неумении понять и с возможно меньшими потерями воспринять агрессивно проявляющуюся, но не исключаящую сосуществования чужую культуру и, как следствие, в вынужденном более чем двухсотлетнем опыте жизни под татаро-монгольским ярмом [22]. Также, хотя и с противоположным знаком, покорность дала о себе знать в стремлении Руси связать себя с православной Византией, объявив себя ее правопреемницей. И хотя бежавшие от турок из Константинополя священники, ученые, правоведы, поэты и художники осели не в России, а в Италии, а Русь из византийского наследия прочно усвоила лишь идею императорской власти и подчинения церкви самодержцу, ловкие московские цари попытались обратить покорность

С.А. Никольский
Советский человек как познаваемая реальность

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 ПРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

в покорение, сосредоточив эту цель на европейской политике посредством провозглашения Москвы Третьим Римом.

Среди философов существует несколько толкований идеи «Третьего Рима». Наиболее обоснованной мне представляется интерпретация В.С. Соловьева. Согласно автору «Оправдания добра», Россия должна рассматриваться как «ответственная преемница Византии», которая, однако, унаследовала прежде всего *отрицательные черты византийской культуры* (курсив мой. — С.Н.), в конце концов обусловившие ее гибель, «языческую идею абсолютного государства» и принципы цезаропапизма [19, с. 244, 261]. *Логически продолжающей соловьевскую абсолютистскую идею была империалистическая (тоталитаристская) трактовка идеи «Третьего Рима» Н.А. Бердяева, использованная для объяснения тоталитаризма Советской России и ее империалистических коммунистических притязаний.* В его интерпретации «Третий Рим» — символический и исторический прообраз большевистского Третьего Интернационала и уже Московское царство Ивана Грозного *«собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи»* [2, с. 9] (курсив мой. — С.Н.), в которой изначально был заложен «империалистический соблазн». К сторонникам империалистической трактовки идеи «Москвы — Третьего Рима» относился и в известном смысле рассуждения о ней венчал академик Д.С. Лихачев, полагавший, что именно она открывала перед московскими князьями «блестящее марево всемирной власти» и содержала *«историческое обоснование прав Москвы на первенствующее положение в мире»* (курсив мой. — С.Н.) [14, с. 15].

Говоря о византийском наследстве, надо признать, что русские не взяли от Византии главное — то, что было более всего необходимо для их собственного цивилизованного развития, а именно ее культуру, идею частной собственности и основанной на правах человека концепцию верховенства права.

Насколько сделанный нашими предками свободный или вынужденный исторический выбор (призванием варягов, татаро-монгольским игом, византийским соблазном) фундаментален для природы русского (российского) человека, или он все же подвержен изменениям? Приведу точку зрения А.А. Зиновьева, чья концепция человека будет рассматриваться далее: «Время, в течение которого складывается и определяется тип общества в данном человеческом объединении, сравнительно с историческим временем настолько мало, что его можно принять за историческое “мгновение”». Если складывается данный тип общества, то происходит это “сразу”. В противном случае опыт не удастся. Люди не успевают толком сообразить, что же именно сложилось, как формирование типа общества в основных чертах оказывается завершенным.

Потом начинается его жизнь с некоторыми доделками и переделками, не меняющими его сущности» [7, с. 34]. Итак, выбор с особым положением в системе общественных отношений свойства покоряться и покорять, хоть, возможно, и растянутый во времени, был сделан. И, если следовать в этом Зиновьеву, с тех пор остался неизменен. В согласии с этим выводом состоит и марксистско-ленинско-сталинская идея советского общества. Ведь идея потенциального покорения мира всесильным учением марксизма-ленинизма, равно как и покорности ему советского человека вплоть до времени краха советской власти, была доминирующей идеей социалистического общественного строя. В полной мере она раскрывается в книге Г.Л. Смирнова.

Текст его книги предваряет, что тогда было обязательным, выдержка из отчета (доклада) Центрального Комитета КПСС XXV съезду, зачитанного Л.И. Брежневым: «...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек» [18, с. 2]. То есть, «новый человек» — главное из реальных воплощений теории. Что же в представлениях об этом человеке в первую очередь выделяет автор монографии?

Прежде всего Г.Л. Смирнов говорит о революционно-практическом характере коммунистического гуманизма. Отметив, что идеи Маркса и Энгельса об освобождении и гуманизации личности, лишенной свободы в условиях антагонистического общества, обретают практическое звучание уже в «Манифесте Коммунистической партии» и тем более в «Капитале». И состоит гуманизм в том, что «на место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием развития всех» [16, с. 447], а «развитие человеческих сил» становится «самоцелью» коммунистического общества [15, с. 387].

Эти привлекательные, как всякая красивая утопия, но далекие от реальности идеи, по мнению автора книги, были поставлены на практическую почву В.И. Лениным. Во-первых, потому, что цель революции он видел «во всестороннем развитии человека труда». Во-вторых, занимаясь подготовкой революции, Ленин первейшее внимание уделял вопросу о том, «какие качества должны характеризовать личность революционера». И, наконец, в-третьих, «Ленин с первых шагов советской власти упорно и систематически... занимался проблемами воспитания нового человека, и не только практически, но и теоретически» [18, с. 18–19].

Не только содержание ленинских работ дооктябрьского и послеоктябрьского периода обнаруживает в лучшем случае спорадический и весьма поверхностный интерес вождя Октября к названным вопросам. Всю жизнь работавший с ленинскими

С.А. Никольский
Советский человек как познаваемая реальность

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

текстами Смирнов не мог этого не знать. Как и того, что, напротив, доминирующим и даже всепоглощающим интересом Ленина было изобретение способов для того, чтобы совершить скачок в «свободное общество» в русле политики военного коммунизма (1918–1921), в котором ему и его сподвижникам удалось только одно — развернуть во всероссийском масштабе экспроприацию (уничтожение) частных собственников, поскольку они со своей собственностью добровольно расставаться не желали. Тому, как это процесс организовывался и осуществлялся, в текстах самого Ленина, его сотоварищей, а позднее и у историков, материала имеется в избытке. Однако эта реальность, естественно, оказывается за пределами внимания автора книги «Советский человек».

Венчает рассуждения Смирнова о «практическом гуманизме» перечень «основных гуманистических аспектов теории социалистической революции». Они таковы: меняя частную собственность на общественную, революция ведет к установлению власти трудящихся; капитализм заменяется социализмом и коммунизмом в силу объективного экономического закона; социалистическая революция осуществляется народными массами во главе с пролетариатом под руководством партии коммунистов; революция — единственно реальный путь превращения миллионов рабочих и крестьян, задавленных тяжелым трудом и нуждой, в сознательных тружеников, целеустремленно создающих наиболее благоприятные условия собственного бытия; социалистическая революция совершается насильственным путем потому, что только так можно преодолеть насилие эксплуататоров [18, с. 28–29].

Почему эти меры революционного насилия именуются «гуманистическими аспектами» насильственной смены власти, остается лишь догадываться, в том числе, оставляя без ответа и вопрос: а каковы же тогда в революционном насилии «аспекты негуманистические»? Что до самого советского человека, контуры которого уже начинают просматриваться, то о нем с уверенностью и обобщенно можно сказать только одно: он либо сам предмет покорения, либо инструмент для покорения других.

Центральная часть книги Смирнова отводится разделу «Исторические предпосылки и основные этапы формирования социалистической личности», поскольку сегодняшнее состояние человека в значительной мере — результат вчерашнего бытия. Отмечается, что вступление России на капиталистический путь развития расширило экономическую многоукладность, увеличило сферу, как пишет автор, «раздраженного сознания». В частности, как выдавал желаемое за действительное Ленин и что повторяет Смирнов, «в русской деревне появился новый тип — сознательный молодой крестьянин. Он общался с “забастовщиками”, он

читал газеты, он рассказывал крестьянам о событиях в городах, он разъяснял деревенским товарищам значение политических требований, он призывал их к борьбе против крупных землевладельцев-дворян, против попов и чиновников» [13, с. 316].

Этот тезис, как и другие, Смирнов не соотносит с анализом реальности. Он игнорирует даже признанные советской властью, отражающие реальность художественные тексты, — например, признанный и благословленный лично Сталиным роман «Тихий Дон», в котором, в частности, представлены упомянутые типы «сознательных молодых крестьян»². В нем Михаил Шолохов, в отличие от вождя Октября, живший в деревне — казачьем хуторе, показывает единственно возможный способ проникновения туда коммунистических идей в образе присланного партией питерского рабочего-большевика агитатора Осипа Давыдовича Штокмана. Авторские характеристики этого персонажа сомнительно комплиментарны: «Штокман был сердцевинной, упрямо двигался он к одному ему известной цели. Точил, как червь древесину, нехитрые понятия и навыки, внушал к существующему строю отвращение и ненависть. Вначале натякался на холодную сталь недоверия, но не отходил, а прогрызал» [23, с. 156]. Относиться к таким определениям — «точил, как червь древесину»; «прогрызал... сталь», «внушал отвращение» — как к хвалебным? Или к замечанию: ему одному была известна цель, до времени не открываемая другим? Похожи ли такие характеристики, да и само действие на свидетельство достоинств персонажа как человека, заслуживающего уважения? Передавая в «Тихом Доне» разговор с казаками Штокмана, Шолохов сознательно прибегает к языку пропагандистских штампов, в полной мере развернутому в будущей политически заказной «Поднятой целине» с ее наполненными митинговым пафосом речами партийных вожаков Макара Нагульнова и Семена Давыдова. Не лучше и портреты хуторских последователей Штокмана — по Смирнову, «сознательных молодых крестьян», прельстившихся его речами. Этого всего-то ленивые батраки, редкие среди жадного до работы казачества, — «слюнявый» Валет с «ежиной мордочкой», на которой в минуты опасности возникает «дымчатая, шевелящаяся шерсть» и трусливый, охотно подличающий «скалозуб» Давыдка. Хороши же строители социализма, коих провидел из Кремля вождь Октября.

С.А. Никольский
Советский человек как познаваемая реальность

² Необходимо отметить, что в данном случае Михаил Шолохов — автор «Тихого Дона», на мой взгляд, никак не соотносим с Шолоховым — автором «Поднятой целины».

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

Смирнов, конечно, не обходится без обращения к задаче Ленина обосновать историю большевизма в контексте истории страны посредством усмотрения в ней «трех типов революционеров» — дворян, помещиков, декабристов и Герцена; революционеров-разночинцев — от Чернышевского до «героев «Народной воли»; и, наконец, «пролетариата, поднявшего к революционной борьбе миллионы крестьян» [11, с. 261]. И далее автор «Советского человека» переходит к анализу черт личности революционера большевистского типа, для которой характерны: преданность делу рабочего класса в сочетании с научными (марксистскими) представлениями о путях преобразования общества на коммунистических началах; представление о революционных действиях исключительно как действий самих революционных масс; непримиримость к врагам. На этой основе в дальнейшем после победы пролетарской революции в условиях социалистических общественных отношений с неизбежностью происходит формирование коммунистической личности.

Чего больше в этих рассуждениях — чуждой реальной жизни, схоластики, выдуманности «новой» истории или самовлюбленности на почве иллюзий об обладании окончательной истиной? Все это, конечно, присутствует. Но главное в другом. По замыслу писателя-пропагандиста, мы, наконец, должны осознать, что природа исторической суперличности в теории осознана и, главное, ее укоренение с последующим преобразованием мира неостановимо, ведь личность познала открытые марксизмом законы его развития и действие этих законов — объективный, никому не подвластный процесс. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», — казалось, на века заявил Ленин [12, с. 43]. И остается только одно — следовать этим законам, и горе тем, кто встанет у них на пути. Таким образом, объявленный впервые в истории свободным человек на самом деле оказывается еще более, нежели ранее, покоренным. Начинается эпоха нового рабства, названного историей СССР.

В сравнении с текстом Г.Л. Смирнова несравненно более содержательна концепция советского человека А.А. Зиновьева, рассеянная по многим его книгам³. В наиболее полном и систематизированном виде она представлена в монографиях «Коммунизм как реальность» и «Гомо советикус».

В иерархии конструкторов, которые, по мнению Зиновьева, ведут к пониманию феномена советского человека, наличествуют

³ Обзор творчества А.А. Зиновьева см., например: [20].

следующие: человеческое общество вообще; западное и восточное (коммунистическое) общество; деловой и коммунальный аспекты общества; советский человек. Сразу обратимся к конструктам наиболее содержательным. Таковых два: деловой и коммунальный. В первом люди представлены как удовлетворяющие свои жизненные материальные и духовные потребности. Во втором — коммунальном — взаимные отношения определяются вынужденностью совместного бытия. «Я утверждаю, — пишет Зиновьев, — что именно различие этих аспектов, устойчивые взаимоотношения между ними и доминирование того или иного из них над всеми прочими аспектами жизни людей образует самую глубокую основу различия между западным типом общества и тем его типом, который развился в Советском Союзе после революции 1917 года и в ряде других стран (Китай, Вьетнам, страны Восточной Европы до восьмидесятых годов) и который я называю коммунистическим» [5, с. 18].

То, как коммунальные отношения возникают и укореняются в обществе, — часть намного более обширного содержания проблемы так называемой социабельности, берущей начало в древнегреческой философской мысли и получившей развитие позднее, в частности, в моральной философии Нового времени [1]. Их источник и развивающееся содержание были предметом теоретических исследований и споров философов, и предлагаемая Зиновьевым их трактовка с позиций так называемого личного здравого смысла может иметь место лишь при условии игнорирования наработанного в истории этики содержания. В истории философии таковое вряд ли допустимо, однако, тем не менее, именно такое игнорирование Зиновьев делает принципом своей исследовательской позиции, о чем заявляет неоднократно. Что же до постулата о том, что именно и исключительно из коммунальных отношений и вырастает коммунизм, то это утверждение поверхностно, если не легкомысленно. Впрочем, для полноты представления позиции автора труда «Коммунизм как реальность» стоит рассмотреть его идеи подробно.

Выросший из коммунального аспекта общества коммунизм и его продукт — советский человек обнаружил, полагает Зиновьев, что наличествующая до него эксплуатация одних людей другими и различные формы социального и экономического неравенства при нем не только не уничтожаются, но, изменив формы, даже еще более усиливаются, а это ставит под сомнение саму коммунистическую идею. Понять же коммунизм можно, только выделив его из его антагониста — делового аспекта, являющегося источником цивилизации. Цивилизацию, утверждает автор, порождают «право, мораль, гласность, религия, гуманизм и прочие средства,

С.А. Никольский
Советский человек как познаваемая реальность

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
НРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ**
■■■■■■■■■■

в какой-то мере защищающие человека от прочих людей и от власти их объединений. ...Если коммунальность можно представить себе как движение по течению потока истории, то цивилизацию можно представить как движение против течения. ...Цивилизация есть усилие, коммунальность есть движение по линии наименьшего сопротивления. Коммунизм есть буйство стихийных сил природы, цивилизация — разумное их ограничение» [7, с. 20–21].

Коммунальность, согласно Зиновьеву, довольно точно выражается формулой «человек человеку волк», которую впоследствии стали приписывать лишь буржуазному обществу. Но ее суть состоит в борьбе людей за существование и за улучшение своих позиций в социальной среде, которая воспринимается ими как нечто данное от природы, во многом чуждое и враждебное им и как нечто такое, что не отдает свои блага человеку без усилий и борьбы. Борьба всех против всех образует основу жизни людей в этом аспекте истории. Стремясь укрепить и возвысить свое положение в обществе, человек во все времена руководствуется правилами коммунальности, а именно: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других и больше зависимости других от тебя.

Это, однако, не значит, что люди не противятся этим законам. В русле цивилизационного тренда они изобретают институты, противостоящие коммунальности, ограничивающие ее. Если же этого не происходит, то складывается особый тип — советское общество, в котором будут процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий. Членами этого общества превозносятся ничтожества и унижаются значительные личности, нравственные граждане подвергаются гонениям, а талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Такой результат, однако, не обязательно является результатом действий властей. В этом с удовольствием участвуют коллеги, друзья, сослуживцы и соседи. Общество начинает превращаться в казарму и обрекается на застой и гниение. И состояние это может длиться века.

К этому стоит добавить и приведенный ранее тезис автора «Коммунизма как реальности» о том, что каждое общество создается изначально раз и навсегда, и таким образом, выдвинутая марксизмом-ленинизмом идея о конце человеческой истории в случае наступления коммунизма получает еще одно подтверждение, хотя и со стороны человека, объявляющего себя критиком коммунизма.

В коммунальном поведении советского человека Зиновьев обнаруживает ряд законов. Среди них — «всякий индивид, желающий получить побольше и повкуснее кусок пирога на пиршестве жизни, должен убедить окружающих в том, что он есть среднеподлое и среднебездарное существо» [7, с. 38]. И работает этот закон потому, что в этом обществе подлость маскируется под добродетель, донос — под честность, бездарность — под талант, а клевета — под правду. Это лучшее положение для того, чтобы максимально эффективно сражаться за свой кусок общественного пирога. Но делать это нужно так, чтобы окружающие были уверены, что его претензии не угрожают их положению. Для этого индивид должен руководствоваться законом постепенности, то есть начать с претензий на малый кусок, а уж потом — на большой.

Анализ рассуждений Зиновьева о закономерностях советского (коммунистического) общества и характеристиках советского человека можно было бы продолжить. Однако, поскольку их характер и методология исследователя на основе представленного уже достаточно ясны, думаю, нужды в этом нет. Отгораживаясь от какого бы то ни было предшествующего философского и научного опыта, Зиновьев постулирует свое ни с чем не связанное и ни на чем, кроме его собственных воззрений, не основанное. «Наука — это я» — его лозунг и принцип.

Что же до идеи автора о невозможности для советского человека выбраться из клетки фатальной необходимости в царство личной свободы, то к ней, полагаю, нужно отнести как к спорной. Ведь сам Зиновьев своей непростой жизнью борца с действительностью дает пример того, что победа человека над общественными обстоятельствами возможна и, значит, не все пути зарыты и не все возможности исчерпаны.

В аннотации одной из своих последних монографий «Мы были. Советский человек как он есть» В.И. Толстых посчитал нужным обозначить ее главную задачу — автор «посредством философско-антропологического анализа предлагает свое видение и понимание природы советского человека и образа жизни» [21, с. 2]. Как задача выполняется?

К сожалению, философско-антропологический анализ в книге присутствует еще в меньшей степени, чем в исследованиях Зиновьева. Представления Толстых о советском человеке сводятся к еще более узкому ракурсу — его личному жизненному видению, знанию и пониманию. А они, к сожалению, подчас довольно ограничены. «Советский человек как он есть» — это сам автор. С учетом этого обратимся к тексту, не углубляясь в конкретику личного опыта.

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

Вот, например, как Толстых толкует свое понимание «феномена советского человека». Это «сплав неких индивидуальных и типологических человеческих качеств, в ряду которых я бы выделил *коллективизм, интернационализм и сознательность*». И далее: «дух коллективизма как важная составная часть *советского духа* явно превалировал и торжествовал, особенно в массовых гражданских акциях и в *трудовых свершениях*. Я не раз участвовал в *демонстрациях, митингах, трудовых соревновательных проектах*, и потому говорю об этом со знанием дела» (курсив мой. — С.Н.) [21, с. 45, 47]. Но действительно ли можно с претензией на научность говорить о «знании дела» на основании личного участия в демонстрациях, митингах, проектах? Не столь коллективистский дух обнаруживается в известных описаниях тех, кто ощущал его в рабочих или крестьянских коллективах, что будет показано на примере исследований во второй части статьи. Да и Зиновьев, прошедший значительно более суровый жизненный путь, чем Толстых, в чем у меня нет оснований ему не доверять, о природе советских коллективов пишет совершенно иное.

Что же до «сознательности», то до обсуждения ее реального бытия автор текста «Мы были» не доходит, а ограничивается, в духе книги Смирнова, отсылкой к ее пропагандистской трактовке: «В условиях социализма формируется свой, совершенно иной тип взаимосвязи между сознанием и поведением людей, их образом мышления и образом жизни, чем при капитализме. В идеале предполагалось, что сознание и самосознание человека избавится от разлада между нормами общественности и личными склонностями, желаниями и потребностями индивида, обладающего развитой способностью самоконтроля и берущего на себя полную ответственность за свои поступки и действия» [21, с. 62]. Интенция, положим, ясна. Но какова реальность?

Пропагандистским заявлениям Толстых о проникновении советского человека духом коллективизма вполне соответствует и его «знание» о «стахановском движении», коим следует гордиться, а также высокая оценка вклада, который внесли в сбережение и развитие страны большевики, «посредством мощного индустриального скачка превратившие Россию в сверхдержаву» [21, с. 40]. Вновь — пример незнания реальности или нежелания ее знать, поскольку она разрушает интеллектуальную верность автора провозглашенным партией идеалам социализма? Обратимся к истории.

Так называемое «стахановское движение», цель которого состояла не столько в большей рационализации труда, сколько в задаче посредством пропагандистской кампании многократно повысить нормы выработки и снизить расценки, кроме прочего,

было шулерским в своей технологической основе. Вокруг «передовика-забойщика» в шахте создавали искусственные благоприятные рабочие условия — специально выделяли крепильщиков, откатчиков вагонеток, подсобных рабочих, чтобы он не отвлекался от своего прямого дела⁴. Но чтобы все отнеслись к затее серьезно, заведующего донбасской шахтой «Центральная-Ирмино» Заплавского, который, естественно, не мог создать такие условия остальным и потому усомнился в пользе затеи, как «вредителя» расстреляли, а 17 ноября 1935 года Сталин выступил на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев. «Именно тогда, на пике репрессий, им была сказана фраза, начало которой стало крылатым: “Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится... Если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас”» [4, web].

Что до содержания, эффективности и цены большевистского «индустриального скачка», так вдохновляющего автора текста «Мы были», то провалами первого пятилетнего плана, экономической ямой, на десятилетие образованной насильственной коллективизацией и обращением к рабскому труду заключенных как средству решения производственных задач, исследователю вряд ли следовало бы гордиться. Удивительно, что на него не производит впечатление и никак не акцентируется цена «скачка», по сути классового геноцида — по минимальным оценкам, 4 млн погибших от голода 1932–1933 годов, неизвестное число погибших из 5–6 млн выселенных «кулаков» и членов их семей и сотни тысяч убитых–умерших в период индустриализации в ГУЛАГе, хотя в отдельных местах текста все эти сталинские свершения автор ритуально осуждает. Однако как при этом можно восхищаться большевистским «скачком» и продолжать отказываться «признавать коммунизм только утопией» [21, с. 353], — понять вряд ли возможно.

Большой загадкой для Толстых стало «безропотное согласие» (на мой взгляд, равнодушно-стыдливое приятие) 18-миллионной партией факта устранения из Конституции пункта, в котором была закреплена ее роль в качестве «руководящей и направляющей силы советского общества». «Отмена 6-й статьи Конституции, — писал Толстых, — ...означала также — и, пожалуй, это самое главное — снятие шлагбаума, последней правовой

С.А. Никольский
Советский человек
как познаваемая
реальность

⁴ Такое движение на примере судьбы каменщика нашло отражение в фильме Анджее Вайды «Человек из мрамора» (1977), в СССР к показу запрещенного и появившегося в нашем прокате только в 1991 году.

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

(конституционной!) преграды на пути возможного, хотя и не обязательного, распада страны. В угаре перестроечных страстей и событий вероятность подобного исхода мало кем учитывалась, и даже впоследствии, когда всего лишь вероятное стало очевидным, с формальным отлучением КПСС от власти никто не связывал уход в небытие великой сверхдержавы. <...> Такой “странно-тихий” уход партии с исторической арены создал ситуацию вседозволенности и безответственности, которая растянулась на годы, вызвав многочисленные государственные и общественные метаморфозы» [21, с. 362–363].

И, завершая свой анализ финала перестройки и последовавшего за ней распада СССР, Толстых итожит: «Нисколько не преуменьшая и не обеляя промахов, ошибок и даже преступлений перед обществом и народом, совершенных под эгидой КПСС и советского государства, не следует все-таки сводить к ним все общеизвестные (гигантские!) результаты модернизации и революционного прорыва, осуществленных под руководством все той же КПСС в экономике, социальном и культурном развитии страны» [21, с. 373].

Вывод, на мой взгляд, производит странное впечатление: разве «модернизация» и «прорыв» оправдывают, уравнивают или даже снимают ответственность за «промахи, ошибки и преступления»? Что за странный призыв «не сводить» одно к другому? В этой ставшей известной реальной истории, конечно, были не только преступления, но успехи и прорывы, однако какая-либо калькуляция в данном случае в принципе невозможна. И призывать к ней людей, в том числе и рядовых членов партии, не стоило — они как раз эту ситуацию, в отличие от автора, поняли. Члены партии, по моим наблюдениям, осознали, что далее, после ставшего известным, в том числе и им самим, формального права «руководить и направлять» у них больше нет.

Думаю, что похожая ситуация имела место и при распаде СССР, о чем, прежде всего как о гибели сверхдержавы, которую боятся и потому уважают, сокрушается Толстых. Конечно, в решении о выходе из Союза, без сомнения, большую роль сыграл субъективный фактор — амбиции не только Б.Н. Ельцина, но и некоторых местных республиканских руководителей, возомнивших себя маленькими самодержцами или, подобно прибалтам, наконец-то получивших возможность освободиться от удушающих объятий «старшего брата». Но, возможно, главным, чего не заметил и не понял Толстых, был реальный процесс обретения народами своей истории и собственной памяти, возможность каждому на своем историческом пути стать самим собой, выбравшись из железной оболочки нормативов КПСС и ее продукта — «советского человека».

Распад СССР стал выходом на свободу народов, однажды через насилие и кровь покоренных власти Российской империи, а потом еще более кровавой власти коммунистического СССР.

* * *

Завершая, отмечу следующее. Три автора, поставив задачу раскрыть феномен советского человека, в результате каждый по-своему всего лишь создали его идеологемы. Г.Л. Смирнов — коммунистический идеологический тип — советского человека, каким он должен быть. А.А. Зиновьев — коммунальный идеологический конструкт самопальной природы. В.И. Толстых и вовсе в качестве ключа к пониманию природы советского человека предложил самого себя.

Литература

1. Апресян Р.Г. Проблема социальности в моральной философии раннего Нового времени // Филос. науки. 2019. Т. 62, № 10. С. 7–24.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
3. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990.
4. Гелаев В. От забоя до запоя. История взлета и падения передовика производства Алексея Стаханова // Газета.ру. 30.08.2015. https://www.gazeta.ru/science/2015/08/30_a_7719569.shtml (дата обращения: 01.03.2021).
5. Зиновьев А.А. Запад. М.: Родина, 2020.
6. Зиновьев А.А. Гомо советикус. М.: Центрполиграф, 2000.
7. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.
8. Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1(2). С. 356–374.
9. Ключевский В.О. Иван Грозный. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/176667/60106594/&art=176667&user=790798996&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 20.02.2021).
10. Козлов В.А. Российская история: обзор идей и концепций, 1992–1994 гг. // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 99–113; № 4. С. 104–120.
11. Ленин В.И. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 21. М.: Изд-во полит. литературы, 1968. С. 255–262.
12. Ленин В.И. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 23. М.: Изд-во полит. литературы, 1973. С. 40–48.
13. Ленин В.И. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 30. М.: Изд-во полит. литературы, 1973. С. 306–328.
14. Лихачев Д.С. Эпоха решительного подъема общественного значения литературы // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 2. М.: Государственное изд-во полит. литературы, 1962.

С.А. Никольский
Советский человек как познаваемая реальность

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

16. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 4. М.: Государственное изд-во полит. литературы, 1955. С. 419–459.

17. Никольский С.А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М.: ИФ РАН, 2017.

18. Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование коммунистического типа личности. М.: Политиздат, 1980.

19. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.

20. Солодун Ю.Н. Александр Зиновьев: востребованное наследие. (К 95-летию со дня рождения выдающегося русского мыслителя, ученого, художника) // Вopr. философии. 2018. № 2. С. 162–170.

21. Толстых В.И. Мы были. Советский человек как он есть. М.: Культурная революция, 2008.

22. Узерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира. М.: Колибри, 2017.

23. Шолохов М.А. Тихий Дон // Шолохов М.А. Собр. соч. В 8 т. Т. 1. М.: Правда, 1975.

Soviet Man as a Cognizable Reality

Sergei A. Nickolsky

DSc in Philosophy, Associate Professor, Chief Research Fellow —

Head of the Philosophy of Culture Sector.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

41, Bol'shaya St. Peterburgskaya Str., Velikiy Novgorod 173003, Russian Federation.

E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Abstract. The first part of the article analyzes the views of three researchers of the Soviet reality: G.L. Smirnova, A.A. Zinoviev and V.I. Tolstoy. There are several reasons to analyze these differently thinking scientists in one text. The first one: their common main theme of the Soviet man is one of the central ones for the approaching date of the 100th anniversary of the USSR formation. The second reason: the common background of their consideration of the subject is the phenomenon of the Soviet communism. And finally the third reason: life-affirming moral message important for values formation can be found their books. Nevertheless, their results are different. For G.L. Smirnov the Soviet man is a propaganda ideological construct, a model designed to cultivate ideological consolidation and homogeneity of the society. The Soviet man of A.A. Zinoviev is the result of the researcher's personal reflection on the free self-determination of a person as a heavy burden in the realities of the USSR. This personal reflection is dressed in scientific clothes and coupled with the fatalistic sureness in the invariability of the social choice once made by the country. For V.I. Tolstoy the Soviet man is a personal experience of living with a dominant attitude to criticize the "bad", but not to forget about the "good" in the real Soviet system past.

The result of the research of all the authors is the same: none of them has made a philosophical and sociological analysis of the phenomenon of the Soviet man. The second part of the article is devoted to the fact that such analysis is possible and presented in the Soviet man researching experience and in works of N.N. Kozlova, T.I. Zaslavskaya, Yu.A. Levada and his team.

Keywords: man, society, communism, communality, social laws, obedience, freedom, necessity, philosophy, sociology, history.

For citation: Nickolsky S.A. Soviet Man as a Cognizable Reality // *Chelovek*. Vol. 32, N 2. P. 106–124. DOI: 10.31857/S023620070014864-7

References

1. Apressyan R.G. Problema sociabel'nosti v moral'noj filosofii rannego Novogo vremeni [The problem of sociability in the moral philosophy of early Modern times]. *Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62, N 10. P. 7–24.
2. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin of Russian communism]. Moscow: Nauka Publ., 1990.
3. Berdyayev N.A. Russkaya ideya [Russian idea], in: *O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture* [About Russia and Russian Philosophical Culture]. Moscow: Nauka Publ., 1990.
4. Gelaev V. Ot zaboya do zapoya. Istoriya vzleta i padeniya peredovika proizvodstva Aleksey Stahanova [From slaughtering to binge drinking. The story of the rise and fall of the advanced production of Alexey Stakhanov]. *Gazeta.ru*. [Electronic resource]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/08/30_a_7719569.shtml (date of access: 01.03.2021).
5. Zinoviev A.A. *Zapad* [The West]. Moscow: Rodina Publ., 2020.
6. Zinoviev A.A. *Gomo sovetikus* [Homo sovieticus]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2000.
7. Zinoviev A.A. *Kommunizm kak real'nost'* [Communism as a Reality]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 1994.
8. Kelle V.Zh. Civilizacionnyj podhod i problemy formirovaniya teorii istoricheskogo processa [Civilizational approach and problems of the formation of the theory of the historical process]. *Voprosy social'noj teorii*. 2008. Vol. II, Iss. 1(2). P. 356–374.
9. Klyuchevsky V.O. *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/176667/60106594/&art=176667&user=790798996&uilang=ru&catalit2&track_reading (date of access: 20.02.2021).
10. Kozlov V.A. Rossijskaya istoriya: obzor idej i koncepcij, 1992–1994 gg. [Russian history: a review of ideas and concepts 1992–1994]. *Svobodnaya mysl'*. 1996. N 3. P. 99–113; N 4. P. 104–120.
11. Lenin V.I. Pamyati Gertsena [In Memory of Herzen]. In: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.*: v 55 t. [Collected works: in 55 vols.]. Vol. 21. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1968. P. 255–262.
12. Lenin V.I. Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma [The Three Sources and Three Component Parts of Marxism]. In: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.*: v 55 t. [Collected works: in 55 vols.]. Vol. 23. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1973. P. 40–48.
13. Lenin V.I. Doklad o revolyutsii 1905 goda [Lecture on the 1905 Revolution]. In: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.*: v 55 t. [Collected works: in 55 vols.]. Vol. 30. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1973. P. 306–328.

С.А. Никольский
Советский человек как познаваемая реальность

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 ПРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

14. Likhachev D.S. Epoha reshitel'nogo pod"ema obshchestvennogo znacheniya literatury [The epoch of the decisive rise of the public significance of literature], in: *Biblioteka literatury Drevnej Rusi v 20 t.* [Library of literature of Ancient Russia in 20 volumes]. Vol. 9: Konec XV – pervaya polovina XVI veka [The end of the XV – the first half of the XVI century]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000.

15. Marx K., Engels F. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 3. Kniga III: Protseess kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyaty v tselom [Capital. A Critique of Political Economy. Vol. 3. Book Three: The Process of Capitalist Production as a Whole]. In: Marx K. & Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols]. Vol. 25. Part 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1962

16. Marx K., Engels F. Manifest kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx K. & Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols]. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1955. P. 306–328.

17. Nickolsky S.A. *Imperiya i kul'tura. Filosofsko-literaturnoe osmyslenie Oktyabrya* [Empire and culture. Philosophical and Literary Understanding of October]. Moscow: IPh RAS Publ., 2017.

18. Smirnov G.L. *Sovetskij chelovek. Formirovanie kommunisticheskogo tipa lichnosti* [The Soviet man. Formation of the communist type of personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1980.

19. Soloviev V.S. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990.

20. Solodukhin Yu.N. Aleksandr Zinov'ev: vstrebovannoe nasledie. (K 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya russkogo myslitelya, uchenogo, hudozhnika) [Alexander Zinoviev: popular heritage. (To the 95th anniversary of the birth of an outstanding Russian thinker, scientist, artist)]. *Voprosy filosofii*. 2018. N 2. P. 162–170.

21. Tolstykh V.I. *My byli. Sovetskij chelovek kak on est'* [We were. The Soviet man as he is]. Moscow: Cultural Revolution Publ., 2008.

22. Weatherford J. *Chingiskhan i rozhdenie sovremennogo mira* [Genghis khan and the making of the modern world]. Moscow: KoLibri Publ., 2017.

23. Sholokhov M.A. *Tikhii Don* [And Quiet Flows the Don]. In: Sholokhov M.A. *Sobranie sochinenij: v 8 t.* [Works in 8 vols.]. Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1975.

©2021 Н.С. РОЗОВ

СТРАННОСТИ И ИСТОКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Розов Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии и права Сибирского отделения РАН.

Заведующий кафедрой социальной философии и политологии.

Новосибирский государственный университет.

Профессор кафедры международных отношений и регионоведения.

Новосибирский государственный технический университет.

Российская Федерация, 630090 Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Электронная почта: nrozov@gmail.com

Аннотация. Обсуждаются ключевые проблемы природы и генезиса человеческой сексуальности. Кратко изложена классическая концепция различных сексуальных стратегий мужчин и женщин, исконности и естественности моногамии, незаинтересованности женщин в сексе, эволюционной «побочности» женского оргазма (Д. Саймонс, Х.Фишер, Д. Басс и др.). Приводятся и обсуждаются основные контраргументы, связанные с неискоренимостью супружеских измен, причем не только с мужской, но и с женской стороны, с разнообразием сексуальных отношений в догосударственных обществах, с широким распространением среди них идей «частичного отцовства», выявленными механизмами состязательности и избирательности в анатомии и физиологии мужских и женских органов репродукции. Особое внимание уделено современным версиям приспособительного значения, функций женского оргазма. Показано, что ни «эгоистические» объяснения (удержание партнера и «охота» за хорошими генами), ни эстетическое (самоценность удовольствия) не могут считаться достаточными. Развернута эволюционная гипотеза, объясняющая генезис эмоционально-сексуальной синкретичности

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

у женщин и «расщепленности» (дуализма) мужской сексуальности. Женские чувства к мужчинам происходят от любви и приверженности девочек к отцам и старшим мужчинам как защитникам и сохраняются в целостности, близкие отношения и хотя бы частичная идентификация с матерями остаются у большинства. У мальчиков изначальная любовь к матери неизбежно терпит кризис как в филогенезе через половой отбор, так и в онтогенезе через отрицательные подкрепления, в результате чего прямой перенос этого чувства на потенциальных партнерш становится невозможным, зато может сублимироваться как платоническая любовь к идеальным или недоступным женщинам. При этом «низкая» сексуальная потребность развивается отдельно и далеко не всегда может быть соединена с «высокими чувствами». Сформулирована гипотеза о компенсации (хотя бы частичной) этой мужской расщепленности благодаря особо близким отношениям с женщинами, награждающими себя и партнера бурными излияниями сексуального наслаждения.

Ключевые слова: сексуальность, сексуальные стратегии, эволюция сексуальности, палеопсихология, женский оргазм, «война сперм», сексуальность приматов, половые различия, репродуктивная система человека, психология любви.

Ссылка для цитирования: Розов Н.С. Странности и истоки человеческой сексуальности // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 125–146. DOI: 10.31857/S023620070014865-8

Вряд ли нужно доказывать огромную значимость отношения полов, сексуальности и неразрывно связанных с ней сфер родства и наследования. Несмотря на огромный объем исследований в данной сфере, особенно за последние 40–50 лет, некоторые вопросы, кажущиеся простыми, даже нелепыми, так и не получили общепризнанного ответа, по ним не достигнут консенсус. Вот только некоторые из них.

Почему, несмотря на многовековые усилия морали, религии, систем обычного и государственного права, несмотря на большие риски, супружеские измены не прекращаются, причем не только со стороны мужчин, но и со стороны женщин?

Если женский оргазм не является побочным продуктом эволюции мужского (с чем уже все согласились), то для какой функции служит приспособлением, почему случается далеко не всегда и далеко не у всех женщин?

Как объяснить столь большое различие между обычной целостностью, синкретичностью женских чувств и их нередкой расщепленностью, разорванностью у мужчин?

Сексуальные стратегии и исконная моногамия: сомнительность классической модели

«Сексуальные стратегии — это адаптивные решения задач поиска партнера» [1, с. 15]. В своей классической книге Д. Саймонс описал и объяснил различие этих стратегий следующим образом. Женщина гораздо больше жизненных сил, времени и внимания вкладывает в вынашивание и воспитание каждого ребенка, поэтому заинтересована в долгосрочных отношениях с мужчиной, который будет заботиться о ней и о детях, защищать и снабжать ресурсами. Вклад мужчины гораздо скромнее, поэтому он заинтересован в максимально широком распространении своих генов и склонен к множеству кратковременных связей с разными женщинами. В той же концепции предполагается низкий уровень либидо у женщин, их твердый настрой на моногамный брак [26, р. 6]. В этой парадигме мужчина предлагает еду, полезные вещи, защиту и статус в обмен на исключительный и постоянный сексуальный доступ (*сексуальный контракт* по Х. Фишер [1; 2; 14; 15]). Исследователи собрали обширный и впечатляющий перечень аргументов, противоречащих главным положениям классической концепции.

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

Разнообразие сексуальных порядков и странные идеи частичного отцовства

Привычные нам моногамный брак и строгое порицание супружеских измен отнюдь не являются такими уж распространенными, если учитывать общества за пределами наиболее многочисленных наций. Во многих обществах внебрачный секс допускался для отдельных категорий, например, между братьями и невестками (сироно в восточной Боливии). «Эти люди были “моногамны”, но мужчинам было разрешено вступать в половые отношения с сестрами их жен и с женами их братьев. Женщины, в свою очередь, могли заниматься сексом с братьями своего мужа и с мужьями своих сестер. В племени хайда женатым мужчинам и замужним женщинам, как правило, разрешались сношения с любым членом клана супруга; супруг или супруга разве что могли “мягко возразить”, но обычно они и этого не делали» [9, р. 147]. Среди самых разных культур уровня дикости (охотники-собиратели, не перешедшие к земледелию, как правило, эгалитарные) характерно убеждение в том, что беременная женщина должна продолжать сношения для полноценного развития плода, причем желательно с разными мужчинами [7; 10, р. 10].

Обратим внимание на следующие моменты, обычно ускользающие от внимания при анализе столь «простого» предмета, как женская эротическая привлекательность. Во-первых, призывные телесные «украшения» женщин появились гораздо раньше, чем какая-либо одежда, вероятно, вместе с лишением волосаго покрова. Это значит, что они были видны всем окружающим, в том числе мужчинам, на которых эти сигналы, собственно, и направлены. Во-вторых, столь любимые женщинами танцы, пение, мимика, наряды, головные уборы, бижутерия также направлены на публику. Если женщин не закутывают в глухие мешки и не держат взаперти, то склонность ко всему этому поведенческому и материальному украшательству себя не исчезает и после брака, когда соперничать за наиболее привлекательных женихов уже не нужно. Если бы женщины издревле были запрограммированы на улаживание только одного мужчины, их главной страстью была бы какая-то телесная практика типа поглаживания или массаирования партнера. Бывает и такое, но по широте распространения и интенсивности не идет ни в какое сравнение со страстью женщин к украшательству, танцам и кокетству на публике.

При экстраполяции всех этих моментов на группы наших самых далеких предков получаем представление о вполне эгалитарном сообществе с отсутствием или крайне слабым контролем над поведением женщин, которые соблазняют окружающих мужчин своей телесной красотой, украшательством и грацией.

Увы, женщины также совершают супружеские измены. Если у мужчин легкость и выгодность широкого распространения генов достаточны для объяснения их более флиртующего поведения (или желаний, как минимум), то почему на секс с новыми партнерами идут женщины? Считается, что они могут получить пользу косвенно, через превосходное потомство, родившееся вследствие внебрачной связи, или извлекать пользу напрямую, получая от любовника материальную выгоду и для себя, и своих детей [9, р. 59]. Добавим сюда потребность женщин в любви, в эмоциональной приверженности мужчине [1, с. 64]. Кого же они выбирают? Что составляет эротическую привлекательность мужчин? Сильное красивое мужское тело, риторические способности мужчин («женщины любят ушами»), а также их уверенное доминантное поведение, видимый престиж власти, богатства, славы или интеллекта (в зависимости от типа окружающей социальной и культурной среды) «считываются» женщинами на подсознательном уровне как черты сексуальной привлекательности [5].

Федерико Андреотти. Кокетка. (Записка). 1890

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

У мужчин есть свои способы соперничать за внимание: это всевозможные состязания в силе, ловкости, высоте прыжков, удачливости в охоте, в играх, имитирующих погоню, охоту или бой с врагами. Заметим, что все эти черты также имеют публичный характер, причем мужчины не теряют интерес к таким занятиям и соперничеству после выбора невесты и заключения брака.

Странности мужской «оснастки»

Привычное и кажущееся естественным нередко оказывается сгустом странностей. Многие исследователи трактуют необычные черты в строении человеческих репродуктивных органов вполне однозначно — как анатомические следы прежней ожесточенной конкуренции кавалеров за оплодотворение, причем главным полем битвы были не драки индивидов до копуляции, а масштабные «сражения» между миллионами сперматозоидов двух и более кавалеров после множественных половых актов с одной женщиной [7; 8; 9; 11; 12; 13]. Приведем перечень основных доводов.

■ Величина мужских яичек, с одной стороны, указывает на предрасположенность наших далеких предков (200–800 тыс. лет назад) к частым коитусам с разными дамами (как это делают самцы шимпанзе и бонобо), но не дотягивает до размера их тестикул, поскольку человеческие уменьшились за период перехода к полигамии и моногамии (5–10 тыс. лет назад).

■ Человеческий пенис с особой толщиной и дополнительным утолщением головки у человека устроен так, чтобы удалять предшествующую сперму¹.

■ Мужские «турбогениталии» с «впечатляющей огневой мощью спермы», с обильными эякуляциями, менее частыми, чем у шимпанзе и бонобо, но более объемными, являются полезными только если предназначены для победы в таком соперничестве, иначе (для простого оплодотворения) они совершенно излишни.

■ Крайне рискованное расположение яичек в уязвимой внешней мошонке может иметь только одно эволюционное объяснение: охлажденная порция семени должна быть постоянно наготове, что предполагает режим частых незапланированных совокуплений, по всей вероятности, с разными дамами.

Репродуктивные механизмы как военные технологии: почему так сложно?

Уже несколько десятилетий «война сперм»² является одной из горячих тем в изучении человеческой сексуальности [7; 8; 11; 12]. Эякуляция обычно осуществляется в несколько толчков. Ученым удалось выделить их содержимое и проанализировать. Оказалось,

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

¹ Головка пениса, окруженная крайней плотью, посредством частых и сильных фрикций (для чего со всей очевидностью включается инстинктивный механизм) образует «вакуум», который вытягивает семя предыдущего соперника подальше от яйцеклетки, тем самым помогая своей сперме [25, р. 67].

² Концепция «войны сперм» неоднократно подвергалась критике [9, р. 171–172; 16].

что вначале вместе с порцией сперматозоидов впрыскиваются вещества, предохраняющие от химических атак. Дело в том, что для организма женщины сперматозоиды являются чуждыми телами — антигенами, на их уничтожение направлены особые лейкоциты, численность которых превосходит число сперматозоидов в 100 раз или более [11; 18].

Кроме того, вещества первого выброса защищают от субстанций из прошлых выбросов других мужчин. У них же есть свое противоядие — спермациды, которые замедляют движение новых чужих сперматозоидов. Кроме «нормальных» сперматозоидов, которые ищут яйцеклетки для оплодотворения, есть еще те, которые ищут и пытаются уничтожить чужие сперматозоиды, если они есть в половых путях женщины. Таким образом, химическая

и микробиологическая амуниция спермы предназначена и для защиты себя, и для нападения на противника [8].

При всем этом организм женщины отнюдь не остается пассивным «полем битвы». При сокращении влагалища может быть исторгнуто семя одного мужчины, тогда как семя другого будет втянуто. Своей химической средой, лейкоцитами, анатомическими и физиологическими барьерами во влагалище, шейке матки и на поверхности самой яйцеклетки женский организм создает препятствия для большинства сперматозоидов, но при этом помогает избранным [9, р. 82].

Сложное устройство шейки матки свидетельствует о том, что она эволюционировала для фильтрации, временного хранения спермы, причем от разных кавалеров. Яйцо захватывает не любых, а по каким-то признакам «подходящих» сперматозоидов [12; 13]. Самки могут выигрывать от сравнения многих мужчин, но не от сокоупления с одним и тем же «высококачественным» партнером [23].

Женский оргазм: атавизм или ценное эволюционное обретение?

Одна из важных составляющих классической концепции «естественности» моногамии и «низкой заинтересованности» женщин в сексе состояла в трактовке женского оргазма как необязательного и не особо нужного побочного продукта мужского оргазма, как соски у мужчин — бесполезны, но и не мешают [19; 26]. Эта версия убедительно дискредитирована, поскольку она столкнулась с вескими доводами против «побочности» [9, р. 55–56]:

- женский оргазм очень силен и ярок, причем во всех аспектах (мышечные сокращения, гормональные и нервные, психофизиологические процессы), субъективно впечатляющ и значим для женщины;

- сложное устройство этого явления явно предполагает долгую и изощренную эволюционную настройку;

- головка клитора снабжена огромным числом нервных окончаний (более 8 тыс.), более, чем где-либо еще на теле человека, в два раза больше, чем в весьма чувствительной головке пениса; причем единственной функцией клитора являются сексуальные ощущения и оргазм;

- оргазм происходит не у всех женщин, но даже испытывающие его не всегда его достигают; здесь явно имеются избирательность, влияние обстоятельств, что опять же никак не сочетается с «побочностью».

Не будем обсуждать вполне примитивные и явно ошибочные версии функциональности женского оргазма (приманивание

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

Кузьма Петров-Водкин. Весна. 1935

женщин к сексу, облегчение оплодотворения благодаря мышечным сокращениям или горизонтальной позе и т.д.).

Наиболее правдоподобны версии, в основе которых лежит идея о столь важной женской заботе, как избрание лучшего партнера для брака и отцовства. Такова ставшая уже классической теория эмоционального «привязывания» партнера, а затем и отца своих детей, чтобы в ситуации «папа дома» они более сытно, безопасно и успешно росли [7].

Следующие моменты в данную концепцию никак не вписываются:

- крайне странный диссонанс между тем, как долго «разогревается» женщина, становясь готовой к новым соитиям, и как быстро остывают мужчины, добившиеся своего;

- громкие, часто бесконтрольные женские крики при оргазме. Такие звуки (стоны, громкое дыхание, рычание) возбуждают мужчин не меньше, а нередко и больше, чем вид голого женского тела, это свидетельствует о слаженной паре «сигнал/реакция», которая имеет все признаки врожденности, универсальности, а значит, является следом весьма древнего эволюционного приспособления;

- звуки, издаваемые самками приматов при совокуплении, служат для возбуждения и привлечения других самцов [24]. Самки приматов, практикующих промискуитет, издают более сложные, замысловатые звуки во время сношений, чем самки видов с моногамией или гаремами [13; 21];

■ мужчин особенно возбуждают сцены, имеющие явное отношение к конкуренции сперматозоидов. Фотографии и видео с одной женщиной и несколькими мужчинами гораздо более популярны в интернете и в коммерческой порнографии, чем контакты одного мужчины с множеством женщин [20];

■ сложные механизмы женской посткопуляционной избирательности семени от разных мужчин в половых путях. Оказывается, при оргазме происходит изменение кислотности в вагинальной среде, что, вероятно, помогает выжить и достичь цели сперматозоидам того мужчины, который довел женщину до оргазма.

В этом плане женская вокализация при коитусе получает функцию (разумеется, неосознаваемую) потенциального приглашения: «Идите сюда, поучаствуйте в состязании за репродуктивный приз!».

Такое, прямо скажем, скандальное поведение в современных обществах и в известной истории случается разве что в ситуации оргий — редких, закрытых и, как правило, морально порицаемых, запрещенных групповых практик. Подавляющее число половых актов и оргазмов происходят все же в ситуациях уединения. Непроизвольные звуки на вершине оргазма утратили функцию призыва. Но не исчезли, как и сам оргазм. Отсюда следует вполне резонное предположение: данная структура стала обеспечивать иную заботу — выбор и удержание лучшего партнера. Пользуясь метафорой Д. Бараша, можно сказать, само тело женщины посредством высших степеней наслаждения и эмоционального переживания посылает в мозг сигнал: «Вот кто мне нужен!» [9, р. 60].

Кстати, неслучайным образом произвольность и необязательность женского оргазма имеет свою аналогию в произвольности и необязательности мужского возбуждения и эрекции. Таким же образом пенис посылает в мозг мужчины сигнал: «Хочу сейчас!». Здесь действует тот же принцип избирательности, хоть и в другом регистре. Оргазм, несомненно, является могучим положительным подкреплением любовной и сексуальной связи именно с данным мужчиной (далее пойдет речь о синкретичности женской сексуальности). Весь этот комплекс чувств и желаний активизируется и концентрируется на партнере, доставившем такое экстраординарное наслаждение.

Согласно благонамеренной модели «естественности» моногамии, можно было бы сказать: речь здесь всегда идет только о жене, законном супруге и отце будущих детей. Но и здесь не все так просто, если учесть, что женщины почти в два раза чаще испытывают оргазм с любовниками, чем с мужьями. При этом оргазм сопровождается высоким удержанием спермы (в течение двух минут после мужского оргазма) [1, с. 87; 6; 7].

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

Женский оргазм служит и для выбора партнера с лучшими (наиболее подходящими) генами, и для укрепления супружеской пары. Оргазм способствует зачатию в период максимальной фертильности с генно-оптимальным партнером, но также укрепляет отношения с постоянным партнером (супругом) через повышение уровня окситоцина за пределами этого периода фертильного окна, когда требуется особая внимательность и опыт мужчины, для того чтобы вызвать у женщины оргазм. Соответственно, значимость и вес этих функций разделяются для разных типов женщин. Для «неверных», практикующих стратегию краткосрочного спаривания, оргазм способствует оплодотворению и восприятию лучших генов избранника. Для «верных», лишенных шансов извлечь репродуктивную пользу из внебрачного секса, оргазм служит укреплению связи с постоянным партнером (супругом) [28].

Есть еще одна оригинальная концепция, отвергающая сугубо биологический («хорошие гены») и меркантильный («ресурсы от партнера для себя и детей») приспособительные смыслы

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

Михай Зичи. Любовь. 1896

женского оргазма. Р. Прам считает, что оргазм у женщин воспроизводится в поколениях как самоценное удовольствие и коэволюционирует со способностями мужчин его доставлять. «В механизме “Удовольствие случается” мы должны сосредоточиться на коэволюции субъективного опыта наслаждения с признаками, которые вызывают это удовольствие. Это означает признание того, что сам по себе приятный опыт выбора партнера до сих пор редко признается в научной литературе» [22, р. 180].

Женский оргазм не является абсолютно прочно скрепленным с чувствами любви и приверженности: не каждый раз женщина его испытывает в соитии с любимым партнером, а иногда может получать такое наслаждение с привлекательным мужчиной даже в разовой встрече. Однако связь между чувством и оргазмом у женщин однозначно бывает сильнее и чаще, чем у мужчин. Р. Прам использует в своей концепции понятие «удовольствие», но в отношении женщин правильнее говорить о всепоглощающем наслаждении, радости, умиротворении и счастье. Чувство любви и приверженности женщины к партнеру повышает вероятность оргазма, а каждый оргазм с ним укрепляет это чувство. Здесь усиливаются обратные связи и сигналы «от тела к мозгу» и «от мозга к телу».

Достаточно ли такое, вполне стандартное для эволюционной биологии объяснение? Почему бы женщинам просто не обрести способность имитировать оргазм с тем же полезным эффектом, но без столь больших энергетических затрат? Кстати, многие так и делают, но способность женщин к оргазму почему-то не угасает, даже наоборот. Что-то есть в этом таинственное и бескорыстное, требующее самостоятельного объяснения и осмысления.

Огюст Ренуар. Танец в Буживале. 1883

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

Женская синкретичность и мужская дуальность

У женщин обычно эротическое, сексуальное влечение неразрывно связано с эмоциональной приверженностью, охватывающей личность, а также воображение, ум, внимание, память. У мужчин эротическое и сексуальное возбуждение тесно связано со зрительным восприятием и воображением, но при этом нередко слабо сопряжено с другими познавательными функциями, в том числе интеллектуальными и ценностными.

Назовем эти черты сексуальности женской синкретичностью и мужской дуальностью. Проблема заключается в том, что с их помощью многое объясняют, тогда как сами они толком не объяснены в эволюционном плане.

Заметим, что у ближайших к человеку приматов нет столь выраженного различия. Устойчивость пар у гиббонов позволяет предположить, что у них и самец, и самка «душой и телом» привержены друг другу, то есть оба подобны самой верной и любящей женщине. Сомнительно, что наши далекие предки были в этом отношении сходны с гиббонами, но даже в таком маловероятном

Среди наиболее близких к нам по сексуальному поведению шимпанзе и бонобо, для самцов и самок характерен наш мужской тип, вернее, «нижняя» его половинка с изрядным легкомыслием относительно скорейшего удовлетворения своих потребностей. Все это наводит на мысль о том, что ключом к объяснению является сложный феномен женской синкретичности, тогда как отсутствие или отказ от него у мужчин объяснить будет проще.

Ключ к женскому счастью

Вероятно, сильнейшими были, с одной стороны, страх и тревога, боязнь остаться в одиночестве, а с другой — радость и довольство, сильные переживания счастья оказаться вновь под защитой родных и близких. Этот маятник страха остаться в одиночестве и счастья быть под защитой служит основой формирования эмоциональных комплексов, направленных на маму, папу и других близких — защитников.

Известно также, что чем больше девочка любит отца, тем более похожего на него мужчину она будет искать в качестве своего спутника жизни. Отсутствие отца, плохие отношения с отцом

обычно ведут к трудностям в личной жизни женщины. И это вновь свидетельствует о первостепенной значимости дочерней любви к отцу или ее отсутствия.

Дуальность как издержка возмужания и гуманизм эволюции

Что же происходило и происходит с мальчиками? Любовь к матери не может вести к идентификации с ней и к подражанию. Такое поведение издавна подвергалось жесткому социальному контролю через осмеяние («Не будь нюней! Ведешь себя как девчонка!»). Мальчики обычно стремятся подражать отцам и престижным взрослым мужчинам, что вполне естественно. Иногда, став взрослыми, они также выбирают подруг, похожих на мать, хотя эта склонность не так сильно выражена, как у девочек.

Почему же вместо синкретичности у мужчин формируется дуальность — способность к разделению между «высокой» любовью к одним женщинам, преклонением, восхищением перед ними и «низким», сугубо сексуальным вожделением, даже «похотью» в отношении к другим?

Наибольшую трудность представляет реальная асимметрия при видимой симметрии: девочки вынуждены отказаться от любимого отца как от партнера, но ведь и мальчики вынуждены отказаться от любимой матери как от партнерши. При этом девочки, вырастая, сохраняют целостный эмоциональный комплекс любви и приверженности, обращая его на сверстников (обычно постарше себя, что, кстати, вполне закономерно), тогда как мальчики эту целостность не сохраняют. Почему?

Принципиальное решение состоит в том, что у девушек и женщин базовая психическая структура страха одиночества, необходимости защиты и поддержки остается таковой и при взрослении, тогда как у юношей и мужчин она в какой-то период антропогенеза была разрушена и подавлена. С тех пор эта драма с тем или иным (не)успехом повторяется в онтогенезе каждого мужчины.

Для маленьких мальчиков нормально и типично желание «жениться на маме». Последующее понимание невозможности исполнения этого желания совмещается с вынужденным отказом от своей слабости, от признания того, что страдаешь от одиночества и без мамы. Девочкам позволено быть слабыми и незащищенными, а мальчикам — нет. Здесь, как обычно, действовал половой отбор. Мальчики, подростки, не способные перестроиться, преодолеть страх или хотя бы скрывать его, ощущали презрительное отношение, с большой вероятностью не проходили испытания инициацией, не считались «настоящими мужчинами» и терпели

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

полный провал в репродуктивном аспекте. Достигали успеха и шире распространяли свои гены те, кто имел и использовал predisposition к подавлению страха, к презентации себя как сильного и мужественного воина, охотника, защитника.

Это «саморазрушение с перестройкой» прямо относилось и к отношению мужчин к матери. Ее образ обычно перемещается в ментальную область высоких чувств (недаром оскорбление матери, особенно в сексуальной модальности, в большинстве культур является наиболее унижительным для мужчины и требует отпора, даже отмщения). Та же ментальная область служит обителью для прекрасных, недоступных, запретных женщин. Их следует благородно защищать и им служить.

Бурные сексуальные потребности в подростковом и юношеском возрасте возникают и растут совершенно отдельно от области недоступных прекрасных дам и высоких чувств. Эти «низкие» потребности больше связаны с мотивами мужского самоутверждения через агрессивное «завоевание», с претензиями на власть и господство, с возможными опциями принуждения, насилия или же простой покупки секса.

Взрослые мужчины (увы, далеко не все) способны соединять высокие чувства любви, обожания и сексуальное влечение к своим женам и подругам. Однако это именно соединение изначально отдельного (!), поэтому нередко отпадает или одна часть, или другая. Могут дольше сохраняться уважение, приверженность при утрате влечения либо, наоборот, сексуальная привлекательность супруги остается, тогда как любовь к ней, уважение, солидарность пропадают. У женщин охлаждение происходит иначе: кого перестала уважать, любить, тот уже не нужен в постели.

При всем разнообразии концепций эволюционной биологии и палеопсихологии сексуальности они имеют общий знаменатель — предпосылку эгоизма каждого пола, каждого индивида и даже каждого генома: название «библии» социобиологов *«Эгоистичный ген»* отнюдь не случайно. Даже последующая волна эволюционных объяснений человеческого альтруизма все равно пытается вывести такое поведение из того же эгоизма.

В этом плане пресловутая «бесполезность» женского оргазма, трудность и недостаточность его объяснения через эгоистические мотивы может быть осмыслена по-новому. Метафорически женский оргазм — это смелая и даже вполне гуманная попытка эволюции хоть как-то компенсировать, преодолеть вынужденный и удручающий дуализм — расщепленность в сексуальной жизни мужчин. Радуюсь и гордясь, что доставил женщине столь сильное и впечатляющее наслаждение, партнер получает хотя бы часть от той полноты и глубины любовных чувств, к которым способны женщины.

Литература

1. *Басс Д.М.* Эволюция сексуального влечения: Стратегии поиска партнеров / пер. с англ. М.Л. Кульневой. М.: Альпина Диджитал, 1994.
2. *Бутовская М.Л.* Антропология пола. Фрязино: Век 2, 2013.
3. *Бэйкер Р.* Постельные войны. Неверность, сексуальные конфликты и эволюция отношений / пер. с англ. И. Сесейкиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
4. *Даймонд Дж.* Третий шимпанзе / пер. с англ. О. Жадена, А. Михайловой, И. Николаева. М.: АСТ, 2013.
5. *Миллер Д.* Соблазняющий разум. Как выбор сексуального партнера повлиял на эволюцию человеческой природы / пер. с англ. К. Сайфулиной, М. Колесника. М.: Corpus (АСТ), 2000.
6. *Моррис Д.* Голая обезьяна / пер. с англ. В. Кузнецова. СПб.: Амфора/Эврика, 2001.
7. *Райан Кр., Жета К.* Секс на заре цивилизации: эволюция человеческой сексуальности: с доисторических времен до наших дней / пер. с англ. С. Никонова. М.: Ориенталия, 2015.
8. *Baker R.* *Sperm wars: the Science of Sex.* New York: Basic Books, 1996.
9. *Barash D., Lipton J.* *The Myth of Monogamy. Fidelity and Infidelity in Animals and People.* New York: Henry Holt and Company, 2001.
10. *Beckerman S., Valentine P.* *Cultures of Multiple Fathers: The Theory and Practice of Partible Paternity in Lowland South America.* Gainesville: University Press of Florida, 2002.
11. *Bellis M., Baker R.* Do Females Promote Sperm Competition: Data for Humans // *Animal Behaviour.* 1990. N 40. P. 997–999.
12. *Birkhead T.* *Promiscuity: An Evolutionary History of Sperm Competition and Sexual Conflict.* New York: Faber and Faber, 2000.
13. *Dixson A., Anderson M.* Sexual Selection and the Comparative Anatomy of Reproduction in Monkeys, Apes and Human Beings // *Annual Review of Sex Research.* 2001. N 12. P. 121–144.
14. *Fisher H.E.* *Anatomy of Love.* New York: Fawcett Columbine, 1992.
15. *Halliday T.* *Sexual Strategies.* Chicago: University of Chicago Press, 1980.
16. *Harcourt A.H.* Sperm Competition and the Evolution of Nonfertilizing Sperm in Mammals // *Evolution.* 1991. N 45. P. 314–328.
17. *Hrdy S.B.* *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection.* Boston: Pantheon Books, 1999.
18. *Lindholmer C.* Survival of Human Sperm in Different Fractions of Split Ejaculates // *Fertility and Sterility.* 1973. N 24. P. 521–526.
19. *Lloyd E.A.* The case of the female orgasm: Bias in the science of evolution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.
20. *Pound N.* Male Interest in Visual Cues of Sperm Competition Risk // *Evolution and Human Behavior.* 2002. N 23. P. 443–466.
21. *Pradhan G.R., et al.* The evolution of Female Copulation Calls in Primates: A review and a New Model // *Behavioral Ecology and Sociobiology.* 2006. N 59 (3). P. 333–343.
22. *Prum R.O.* *The Evolution of Beauty. How Darwin's Forgotten Theory of Mate Choice Shapes the Animal World and Us.* New York – Toronto: Doubleday, 2017.
23. *Pusey A.E.* Of Apes and Genes. In: *Tree of Origin: What Primate Behavior Can Tell Us About Human Social Evolution.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
24. *Semple S.* Individuality and Male Discrimination of Female Copulation Calls in the Yellow Baboon // *Animal Behaviour.* 2001. N 61. P. 1023–1028.

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

25. *Sherfey M.J.* The Nature and Evolution of Female Sexuality. New York: Random House, 1972.
26. *Symons D.* The Evolution of Human Sexuality. Oxford: Oxford University Press, 1979.
27. *Thornhill R., Gangestad S.W.* The Functional Design and Phylogeny of Women's Sexuality. In: The Evolution of Sexuality. Springer, 2015. P. 149–184.
28. *Wheatley J.R., Puts D.A.* Evolutionary Science of Female Orgasm. In: The Evolution of Sexuality. Springer, 2015. P. 123–148.

relationships with a woman who reward herself and her partner with violent outpourings of sexual pleasure.

Keywords: sexuality, sexual strategies, evolution of sexuality, paleopsychology, female orgasm, "sperm war", primate sexuality, sex differences, human reproductive system, psychology of love.

For citation: Rozov N.S. Oddities and Origins of Human Sexuality // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 2. P. 125–146. DOI: 10.31857/S023620070014865-8

Н.С. Розов
Странности
и истоки че-
ловеческой
сексуальности

References

1. Bass D.M. *Evolyuciya seksualnogo vlecheniya: Strategii poiska partnerov* [The Evolution of Desire: Strategies of Human Mating], transl. from Engl. by M.L. Kul'neva. Moscow: Alpina Digital Publ., 1994.
2. Butovskaya M.L. *Antropologiya pola* [The Anthropology of Sex]. Fryazino: Vek 2 Publ., 2013.
3. Baker R. *Postelnie voyni. Nevernost', seksual'nie konflikti i evolyuciya otnosheniy* [Sperm Wars: Infidelity, Sexual Conflict, and Other Bedroom Battles], transl. from Engl. by I. Seseikina. Moscow: Alpina Non-fiction Publ., 2013.
4. Daymond J. *Tretiy shimpanze* [The Third Chimpanzee], transl. from Engl. by O. Jaden, A. Mihaylova, I. Nikolaev. Moscow: AST Publ., 2013.
5. Miller D. *Soblaznyayushchiy razum. Kak vibor seksualnogo partnera povliyal na evolyuciyu chelovecheskoy prirody* [The Mating Mind: How Sexual Choice Shaped the Evolution of Human Nature], transl. from Engl. by K. Saifulina, M. Kolesnik. Moscow: Corpus (AST) Publ., 2000.
6. Morris D. *Golaya obezyana* [The Naked Ape], transl. from Engl. by V. Kuznetsov. Saint Petersburg: Amfora/Evrika Publ., 2001.
7. Ryan Chr., Jetha C. *Seks na zare civilizacii: evolyuciya chelovecheskoy seksualnosti: s doistoricheskikh vremen do nashih dney* [Sex at Dawn: The Prehistoric Origins of Modern Sexuality], transl. from Engl. by S. Nikonov. Moscow: Orientaliya Publ., 2015.
8. Baker R. *Sperm wars: the Science of Sex*. New York: Basic Books, 1996.
9. Barash D., Lipton J. *The Myth of Monogamy. Fidelity and Infidelity in Animals and People*. New York: Henry Holt and Company, 2001.
10. Beckerman S., Valentine P. (eds.). *Cultures of Multiple Fathers: The Theory and Practice of Partible Paternity in Lowland South America*. Gainesville: University Press of Florida, 2002.
11. Bellis M., Baker R. Do Females Promote Sperm Competition: Data for Humans. *Animal Behaviour*. 1990. N 40. P. 997–999.
12. Birkhead T. *Promiscuity: An Evolutionary History of Sperm Competition and Sexual Conflict*. New York: Faber and Faber, 2000.
13. Dixon A., Anderson M. Sexual Selection and the Comparative Anatomy of Reproduction in Monkeys, Apes and Human Beings. *Annual Review of Sex Research*. 2001. N 12. P. 121–144.
14. Fisher H.E. *Anatomy of Love*. New York: Fawcett Columbine, 1992.
15. Halliday T. *Sexual Strategies*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
16. Harcourt A.H. Sperm Competition and the Evolution of Nonfertilizing Sperm in Mammals. *Evolution*, 1991. N 45. P. 314–328.
17. Hrdy S.B. *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection*. Boston: Pantheon Books, 1999.

- 146

©2021 В.М. РОЗИН

ПРАВИЛЬНО ЛИ БЫЛИ РАСКОЛДОВАНЫ СТРАННОСТИ И ИСТОКИ СЕКСУАЛЬНОСТИ? (полемиические заметки)

Розин Вадим Маркович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная д. 12, стр. 1.
Электронная почта: rozinvm@gmail.com

Аннотация. В работе обсуждается статья «Странности и истоки человеческой сексуальности», в которой излагается достаточно популярная в наше время концепция сексуальности, опирающаяся на представления биологического подхода и психоанализа. Сформулированы основные положения, выдвигаемые и доказываемые автором статьи. Почему, спрашивает он, несмотря на многовековые усилия морали, религии и права, на большие риски, супружеские измены не прекращаются? Если женский оргазм не является побочным продуктом эволюции мужского, то для какой функции служит приспособлением? Как объяснить столь большое различие между обычной целостностью женских чувств, сексуального влечения и их нередкой расщепленностью, разорванностью у мужчин? Предлагается анализ условий мыслимости этих положений. В его рамках ставятся под сомнение способы аргументации, которые предлагает автор. Это обобщения представлений о человеке и путях его исторического развития, использование фактов, опровергаемых другими фактами, редукция человека и эволюции только к биологическому плану, психоаналитическая трактовка его поведения, использование теории Докинза. Основным положениям статьи ставятся в оппозицию другие положения. Человек — не только биологическое существо, но и

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

социальное, психологическое, семиотическое, духовное, культурное, то есть многомерный кентавр. Эволюция помимо биологического плана содержит социокультурный план. Любовь и сексуальность представляют собой культурно-исторический и психологический феномен, в формировании и развитии которого большую роль играют такие факторы, как смена культуры, типы индивидуальности и личности, характер семиозиса (знаковые системы, схемы, произведения искусства). Тем не менее, критика статьи «Странности и истоки человеческой сексуальности» не означает желания запретить высказанные в ней идеи. Наличие в культуре модерна разных каналов социализации и способов жизни, либерально-демократические ценности и институты предполагают, как писал Кант, свободу в высказывании своих мнений и убеждений.

Ключевые слова: любовь, сексуальность, человек, личность, культура, семиозис, понимание, интерпретация, подход, мышление.

Ссылка для цитирования: Розин В.М. Правильно ли были расколдованы странности и истоки сексуальности? (полемиические заметки) // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 147–160. DOI: 10.31857/S023620070014866-9

Мне прислали интересную статью «Странности и истоки человеческой сексуальности». Фамилия, имя и отчество ее автора не были указаны, будем поэтому его называть просто «автор»¹. Автор ссылается на большую иностранную литературу, его дискурс сексуальности выглядит научным и достаточно убедительным, правда, думаю, только для определенной аудитории, восхищенной достижениями биологических наук и психоанализом. А авторитет биологических дисциплин, и так достаточно высокий, в наш век пандемии и разработки от нее вакцины только растет. Меня авторский дискурс сексуальности заинтересовал потому, что в настоящее время он достаточно популярен в научном и околонуучном сообществах, и потому, что, на мой взгляд, он не всеобщий, как это пытается представить автор статьи, но также и потому, что я отстаиваю дискурс любви и сексуальности, находящийся в оппозиции к авторскому. Право каждого гуманитарного философа и ученого — проводить и аргументировать свою концепцию, в том числе концепцию сексуальности, и не меньшее право — осмыслять и критиковать концепции, с которыми ты не согласен, поскольку они чреватые

¹ Эта статья д.ф.н., проф. Николая Сергеевича Розова. Редакции хотелось узнать мнение о ней специалиста в области философии любви и сексуальности Вадима Марковича Розина. Естественно, как и для рецензента, статья была послана ему без указания автора. В.М. Розина статья заинтересовала, и он предложил написать на нее комментарий. — *Прим. ред.*

негативными последствиями для культуры и человека. Как писал И. Кант: «Во всех своих начинаниях разум должен подвергать себя критике и никакими запретами не может нарушать свободы, не нанося вреда самому себе и не навлекая на себя нехороших подозрений... К этой свободе относится также и свобода высказывать свои мысли и сомнения, которых не можешь разрешить самостоятельно, для публичного обсуждения и не подвергаться за это обвинениям как беспокойный и опасный гражданин. Эта свобода вытекает уже из коренных прав человеческого разума, не признающего никакого судьи, кроме самого общечеловеческого разума, в котором всякий имеет голос; и так как от этого разума зависит всякое улучшение, какое возможно в нашем состоянии, то это право священо и никто не смеет ограничивать его» [3, с. 617, 626].

Уже постановка автором проблемы вызвала у меня ряд вопросов и сомнения.

- «Почему, — спрашивает автор, — несмотря на многовековые усилия морали, религии, систем обычного и государственного права, несмотря на большие риски, супружеские измены не прекращаются, причем не только со стороны мужчин, но и со стороны женщин?

- Если женский оргазм не является побочным продуктом эволюции мужского (с чем уже все согласились), то для какой функции служит приспособлением, почему случается далеко не всегда и далеко не у всех женщин?

- Как объяснить столь большое различие между обычной целостностью, синкретичностью женских чувств, сексуального влечения и их нередкой расщепленностью, разорванностью у мужчин?» [8].

Нетрудно заметить, что все три вопроса предполагают вроде бы невинное обобщение — и измены, и оргазм, и различие сексуального поведения женщин и мужчин касаются абсолютно всех, человека вообще. Но где мы видим «человека вообще», разве сексуальное поведение не различно в разных культурах и у разных индивидов, причем вплоть до противоположных моделей? Мне скажут, подобные обобщения на каждом шагу, это необходимое условие научного анализа. Ну, да я сам этим грешу, но все же не до такой степени. Не должны ли мы здесь прислушаться к мнению замечательного философа и методолога Александра Огурцова, который в последние годы своего творчества постоянно подчеркивал опасность подобных поспешных обобщений, им он противопоставлял анализ конкретных случаев (индивидов, как пишут гуманитарии), различий и различений, которые должны предшествовать осторожным обобщениям.

В.М. Розин

Правильно ли расколдованы странности и истоки сексуальности? (полеми-ческие заметки)

И практически на все примеры, приводимые в статье, можно привести контрпримеры. Вызывает удивление и то, каким образом автор использует в качестве подтверждения своих обобщений сами эти примеры. Чаще всего он отсылает читателя к архаической культуре, а иногда даже к животному миру, не поставив вопроса: а что, сексуальное поведение и отношения в современном мире и в древности (тем более у животных) одни и те же? Вероятно, он предполагает, что человек за время социальной эволюции почти не изменился (с чем, конечно, трудно согласиться), или другое предположение, что человек в своей сущности — прежде всего биологическое существо (что, на мой взгляд, тоже сомнительно).

Наш же автор видит в человеке преимущественно биологический план, иногда даже оговаривается по Фрейду, например, не интимные отношения, а «спаривание»: для «неверных» женщин, замечает он, «практикующих стратегию краткосрочного

Анри Мартен. Пейзаж с парой влюбленных. 1899

спаривания, оргазм способствует оплодотворению и восприятию лучших генов избранника. Для “верных”, лишенных шансов извлечь репродуктивную пользу из внебрачного секса, оргазм служит укреплению связи с постоянным партнером (супругом) <...> громкие, часто бесконтрольные женские крики при оргазме; такие звуки (стоны, громкое дыхание, рычание) возбуждают мужчин не меньше, а нередко и больше, чем вид голого женского тела; это свидетельствует о слаженной паре “сигнал/реакция”, которая имеет все признаки врожденности, универсальности, а значит, является следом весьма древнего эволюционного приспособления; такие звуки, издаваемые самками приматов при совокуплении, служат для возбуждения и привлечения других самцов; самки приматов, практикующих промискуитет, издают более сложные, замысловатые звуки во время сношений, чем самки видов с моногамией или гаремами» [8].

Кстати, в самом понятии оргазма можно различить два разных значения: биологическое и социально-психологическое. Первое

В.М. Розин
Правильно ли
расколдованы
странности и
истоки сексуаль-
ности? (полеми-
ческие заметки)

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

обусловлено именно биологическим истолкованием сексуальных отношений — их идеальный, желаемый результат конституируется как оргазм. Второе значение связано с желанием представить этот результат в качестве социального отношения. В этом случае оргазм часто понимается, как всего лишь *социальная концепция*, а не объективная психобиологическая реальность. Подтверждают эти представления многочисленные мнения, в соответствии с которыми женский оргазм и точка G — не больше чем миф, женщины сплошь и рядом обманывают своих партнеров, изображая невероятное удовлетворение, а отсутствие оргазма никак не влияет на взаимоотношения пар.

В оправдание нашего автора можно заметить, как часто приглянувшиеся социальные концепции начинают конституировать сначала видение человека (он оказывается в новой реальности), потом его поведение, наконец, чувственность. Первоначально любовь, описанная Платоном в «Пире», — это просто нарративные схемы, потом новая платоническая любовь, которая начинает практиковаться становящейся античной личностью, затем социальная и психическая, в том числе и чувственная, реальность. Так и оргазм, для кого-то это просто концепция, а для, так сказать, практикующих оргазм (специализирующихся в нем) эти экстатические переживания могут уже восприниматься как телесный и психический факт их приватного бытия.

Но это наша интерпретация, дискурс автора предполагает последовательное проведение биологической и отчасти психоаналитической редукции. Одна из его главных идей — объяснение женской сексуальности не как поведения индивида и субъекта, а как неосознаваемого действия биологических начал и репродуктивных органов — сперматозоидов, влагалища, пениса. «Многие исследователи, — читаем мы, — трактуют необычные черты в строении человеческих репродуктивных органов вполне однозначно — как анатомические следы прежней ожесточенной конкуренции кавалеров за оплодотворение, причем главным полем битвы были не драки индивидов до копуляции, а масштабные «сражения» между миллионами сперматозоидов двух и более кавалеров *после* множественных половых актов с одной женщиной <...> Человеческий пенис с особой толщиной и дополнительным утолщением головки у человека устроен так, чтобы удалять предшествующую сперму <...> При сокращении влагалища может быть исторгнуто семя одного мужчины, тогда как семя другого будет втянуто <...> Уже несколько десятилетий десятилетия “война сперм” является одной из горячих тем в изучении человеческой сексуальности» [8].

Как мы видим, настоящий апофеоз (от древнегреческого ἀποθέωσις — обоготворение, обожествление) биологического объяснения. Уместно здесь отметить и влияние З. Фрейда: оказывается, человеком управляет не сознание, а бессознательное в лице репродуктивных органов, что, кстати, оправдывает, считает автор, склонность женщин к частой смене партнеров. «Кредо Фрейда, — замечают Л. Хьелл и Д. Зиглер, — где раньше было ид, там будет это — выражает его оптимизм в отношении того, что силы разума смогут приручить примитивные и иррациональные побуждения. Несмотря на наличие тезиса о том, что посредством психоанализа можно достичь высокой степени рациональности, теория Фрейда прочно цементирована представлениями о важности иррациональных элементов в поведении человека. С позиций этой теории идея о том, что разумный человек держит под контролем ход событий своей жизни — не больше чем миф» [11, с. 134]. С этим вполне можно согласиться. Вот, например, что Фрейд пишет о любви: «Любовь, в основе своей и теперь настолько же животна, какой она была испокон веков. Любовные влечения с трудом поддаются воспитанию, их воспитание дает то слишком много, то слишком мало. То, что стремится из них сделать культура, недостижимо; оставшиеся без применения возбуждения дают себя знать при активных половых проявлениях в виде неудовлетворенности» [9, с. 73].

Возможно, на концепцию автора оказал влияние и Р. Докинз, ведь по его теории люди — это всего лишь «машины выживания» (инструменты) для генов. Сочетание идей Фрейда и Докинза позволяет понять, например, такое утверждение автора: «при сокращении влагища может быть исторгнуто семя одного мужчины, тогда как семя другого будет втянуто». По Фрейду именно влагище (бессознательное) управляет реакциями женщины во время интимных отношений, по Докинзу — это управление представляет собой эволюционный механизм использования генами женской машины выживания.

В век пандемии философы и ученые, мыслящие подобно нашему автору в рамках естественнонаучного подхода, вероятно, сказали бы, что не только гены, но и первый отряд вирусов (коронавирусы) сумели превратить человеческие тела в машины выживания или, точнее, в «машины экспансии», машины завоевания социального мира. Но я предложил осмыслить пандемию иначе, противоположно [7]. Это естественный ответ природы (и первой, и второй, биологической) именно на развитие планетарной социальности. Плотность контактов, обусловленная деловыми связями, туризмом, мегаполисами, технологические эксперименты с биологическими материалами, даже современные формы питания и лечения в условиях ограниченности нашей планеты (она с точки

В.М. Розин

Правильно ли расколдованы странности и истоки сексуальности? (полемические заметки)

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

зрения масштаба современного производства и потребления оказалась не такой уж большой), предопределили такое развитие биологических организмов, которое позволило вирусам практически мгновенно преодолеть границу, отделяющую биологический мир от социального. Такого сюрприза от эволюции человек, конечно, не ожидал.

Надо сказать, наш автор довольно часто апеллирует к эволюции. Например, объясняя асимметрию мужского и женского поведения, он пишет: «Метафорически, женский оргазм — это смелая и даже вполне гуманная попытка эволюции хоть как-то компенсировать, преодолеть вынужденный и удручающий дуализм — расщепленность в сексуальной жизни мужчин. Радуюсь и гордясь, что доставил женщине столь сильное и впечатляющее наслаждение, партнер получает хотя бы часть от той полноты и глубины любовных чувств, к которым способны женщины» [8].

Что автор понимает под эволюцией? Главным образом, эволюцию биологическую. Но ведь человек формировался в ходе эволюции культурной и социальной, которые решительно трансформировали биологический план. Например, на эволюцию любви и сексуальности огромное влияние оказали концепции любви — платоническая, куртуазная, романтическая. В соответствии с платонической концепцией, любовь и сексуальные отношения, во-первых, были переведены с родовой социальной модели (любовь как внешнее действие богов) на личностную (любовь как свободный выбор индивида), во-вторых, одухотворены и эстетизированы (любовь как стремление к прекрасному и благу), в-третьих, чувственные отношения и женщина были Платоном принижены и оттеснены на второй план. Куртуазная концепция любви, взяв за основу платоническую концепцию, напротив, поставила женщину в центр любовного интереса (концепция «прекрасной дамы») и вернула в любовь чувственные отношения.

«Тот, — читаем мы в анонимном куртуазном произведении “Донна, я принадлежу вам”, — кто чувствует склонность к даме и часто посещает ее, не смея, однако, убеждать ее, является робким “таящимся”. Но если дама выказала ему уважение и настолько обнадежила его, что он решился высказать ей свою просьбу, он становится “молящим”. Если же уговорами он добился того, что она дарит его шнуром, поясом или перчаткой, или каким другим имением, малым или большим, он поднялся на ступень “поклонника”. Если же она полюбит своего верного “поклонника” и ей угодно будет, целуя, даровать ему свою любовь и уложить его с собой под одеяло, он возводится в степень “друга”» [10].

Романтическая концепция сложилась как под влиянием двух предыдущих концепций, так и под влиянием новоевропейской

Антонио Канова. Амур и Психея. 1797

культуры с ее культом свободной, инициативной и желающей всего на свете личности. Если теперь учесть, что наша чувственность производна от культурного и социального семиозиса (схем, концепций, произведений искусства), то не стоит удивляться тому факту, что любовь и сексуальность существенно различаются в отдельных культурах, а также разных культурных традициях.

К тому же в Новое время происходит дифференциация сфер любви и сексуальности, они расходятся и обособляются. Секс по своей природе амбивалентен. Как показывает М. Фуко, секс нередко истолковывается как тайна и скрытая сущность индивида

В.М. Розин
Правильно ли
расколдованы
странности и
истоки сексуаль-
ности? (полеми-
ческие заметки)

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

и одновременно как техника телесности, «технология любви». Но так же, как норма поведения и такая реальность жизни личности, в которой она получает удовольствие, поддерживает здоровье, разрешает противоречия между фантазиями сознания и желаниями тела. Если любовь ориентирована на сложные формы жизни — духовные, нравственные, на общение и родственность, включая интимные отношения, то секс — только на наслаждение. Они зависят друг от друга, но по-разному. Секс «крадет» у любви чувства и ауру, любовь берет у сексуальности, и то не всегда, технику и внешние формы.

«Как неудачна фраза: “Ему нужна женщина”, — размышляет К. Льюис. — Строго говоря, именно женщина “ему” не нужна. Ему нужно удовольствие, мало возможное без женщины. О том, как он ее ценит, можно судить по его поведению через пять минут. Влюбленному же нужна даже не женщина вообще, а именно эта женщина. Ему нужна его возлюбленная, а не наслаждение, которое она может дать. Никто не прикидывает в уме, что объятья любимой женщины приятнее всех прочих... Я знаю только одного человека, совершавшего такой подсчет, — Лукреция, и влюблен он при этом не был. А ответил он так: влюбленность мешает наслаждению, чувства отвлекают, трудно со знанием дела смаковать удовольствие (поэт он хороший, но, Господи, что же эти римляне были за люди!)» [4, с. 209].

Фрейд думал, что сексуальность основана на половом влечении (энергии либидо). Не буду спорить, природным, биологическим субстратом сексуальности выступает половое влечение, но в культурном отношении это не так. Можно указать на работу глаза, позволяющего наслаждаться лицом и телом любимой, ее прекрасным обликом, на работу воображения, на мышление и общение. Платоническая концепция указала на присутствие в любви ценностей прекрасного, божественного, социального блага. Куртуазная концепция привнесла в любовь эстетический план, но также страдания, томление, ожидание счастья и наслаждений. Зато христианская концепция, связав земную любовь с греховностью, вытеснила сексуальность в запретную зону. С романтической любовью ассоциируются сильные страсти и уважение личности возлюбленных. Следовательно, любовь даже телесно опирается не только на половое влечение.

Но и половое влечение, и интимные отношения стоит понимать иначе, чем обычно принято, они тоже *кентавричны*, то есть одновременно феномен биологический и психокультурный. Хотя окончание соития обуславливает резкое снижение телесной энергии и исчезновение полового желания, процессы эмпатии, благодарности, родственной близости в настоящей любви продолжаются

и набирают силу. Но здесь и настоящая проблема — каким образом сложную реальность любви основывать на значительно более простом и во многом животном соитии? «Даже высшая форма любви, — писал Бердяев, — не есть любовь бесполоая, бесплотная, не есть высушенный долг и моральная отвлеченность, в основе ее лежит мистическая чувственность, *непосредственная радость касания и соединения*» (курсив наш. — В.Р.) [2, с. 47]. Процесс соития отчасти бессознателен, но в своей кульминации он должен слиться с сознательными и разными процессами переживания чувств родственности, благодарности, красоты, радости и пр. Однако и перечисленные духоподъемные процессы должны в соитии сплавиться с половым процессом, подчиниться его напряженности, ритму, кульминации, как бы стать бессознательными, полететь на волне либидо. Если это произойдет, влюбленных охватывают экстатические переживания, которые лучше, чем «катарсис любви», трудно обозначить. Вероятно, именно катарсис любви имел в виду Эммануил Сведенборг, утверждая, что на небесах двое возлюбленных сливаются в одно существо.

Автор назвал свою статью «Странности и истоки человеческой сексуальности». Я, продумав его подход и априорные представления, понял, что для него странным выступает то, что в другом дискурсе выглядит как научное объяснение. Этот другой дискурс опирается и на другую культуру взаимоотношений полов, на другие способы мышления. Нельзя ли предположить, что наш автор, например, считает, «люди есть люди», неважно, к какому времени и культуре они принадлежат, и безразлично, личности они или «средний человек», как писал Аристотель. Что любовь не очень сильно отличается от сексуальности, а сексуальность всецело биологический феномен. Что фактически все ведут себя и любят одинаково, примерно так, как автор статьи описал.

Но я уверен, что существуют как минимум две разные культуры любви и социальности, и мы с автором принадлежим к разным культурам. В моей нет среднего человека и нехорошо, если эмпирические наблюдения обобщаются до человека вообще, а разные пути развития — до единственно правильного, законосообразного варианта эволюции. Нет в ней, точнее, не культивируется, оправдание приоритета бессознательного и биологических начал над сознанием и разумным поведением, из чего вовсе не следует, что человек поступает всегда правильно. Мы несовершенны и нередко слабы, но важно стремиться жить правильно. Когда, например, св. Августин признался в своей слабости на пути к Богу, он не стал, подобно манихейцам, утверждать, что является ареной борьбы Христа и Сатаны, а призвал самого себя к единству и вере. «Да погибнут от лица Твоего», Господи, как они погибают,

В.М. Розин

Правильно ли расколдованы странности и истоки сексуальности? (полемические заметки)

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

«суесловы и соблазнитель», которые, заметив в человеке наличие двух желаний, заявили, что есть в нас две души двух природ: одна добрая, а другая злая...

Когда я раздумывал над тем, чтобы служить Господу Богу моему (как я давно положил), хотел этого я и не хотел этого я — и был я тем же я. Не вполне хотел и не вполне не хотел. Поэтому я и боролся с собой и разделился в самом себе, но это разделение свидетельствовало не о природе другой души, а только о том, что моя собственная наказана» [1, с. 104, 107]. Августин не отказывается от приоритета сознания над своими страстями и желаниями, признавая их значение, он собирает силы для того, чтобы поставить их на место в новой реальности христианской веры.

Всегда ли мы ведем себя в любви и интимных отношениях достойно и правильно? Конечно, нет. Но более существенно, из каких представлений о любви мы исходим и стараемся ли им следовать. Наш автор в целом исповедует другие представления. Следуя императиву Канта, мы признаем за ним это право. Пусть и он признает за нами право продумать и обсудить его представления.

Литература

1. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Республика, 1992.
2. Бердяев Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М.: Прометей, 1989.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
4. Льюис К. Любовь // Мир и Эрос. М.: Политиздат, 1991.
5. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
6. Розин В.М. Любовь в зеркалах философии, науки и литературы. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.
7. Розин В.М. Пандемия как «тест на беременность» и предвестник социальных изменений? // Право и политика. 2020. № 6. С. 15–24.
8. Розов Н. С. Странности и истоки человеческой сексуальности // Человек. 2021. № 2. С. 125–141.
9. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: МЦ «Система», 1989.
10. Фридман Р. А. Любовная лирика трубадуров и ее истолкование // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. 1965. Т. 34. С. 87–417.
11. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер Пресс, 1997.

Have the Oddities and Origins of Sexuality Been Revealed Correctly? Polemical Notes

Vadim M. Rozin

DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher.

Institute of Philosophy RAS.

12/1 Goncharnaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation.

E-mail: rozinvm@gmail.com

Abstract. The article discusses the article “Oddities and origins of human sexuality.” It outlines the concept of sexuality, which is quite popular in our time, based on the concepts of a biological approach and psychoanalysis. The main provisions put forward and proved by the author of the article are formulated. Why, he asks, despite centuries of efforts by morality, religion and law, at great risks, adultery does not stop? If the female orgasm is not a by-product of the evolution of the male, what function does it serve as an adaptation? How to explain such a big difference between the usual integrity of women’s feelings, sexual attraction and their frequent splitting, torn apart in men? The analysis of the conditions of thinkability of these provisions is offered. Within its framework, the methods of argumentation offered by the author are questioned. These include generalizations of ideas about man and the ways of his historical development, the use of facts refuted by other facts, the reduction of man and evolution only to the biological plane, a psychoanalytic interpretation of his behavior, and the use of Dawkins’ theory. These views are analyzed for reasons and consequences. Other provisions are put in opposition to the main provisions of the article. Man is not only a biological being, but also a social, psychological, semiotic, spiritual, cultural, that is, a multidimensional centaur. In addition to the biological plane, evolution contains a sociocultural plane. Love and sexuality are a cultural, historical and psychological phenomenon, in the formation and development of which such factors as the change of culture, types of individuality and personality, the nature of semiosis (sign systems, schemes, works of art) play an important role. However, criticism of the article “The Strangeness and Origins of Human Sexuality” does not mean a desire to ban the ideas expressed in it. The presence in the culture of modernity of different channels of socialization and ways of life, liberal-democratic values and institutions presuppose, as Kant wrote, freedom to express their opinions and beliefs.

Keywords: love, sexuality, man, personality, culture, semiosis, understanding, interpretation, approach, thinking.

For citation: Rozin V.M. Have the Oddities and Origins of Sexuality Been Revealed Correctly? Polemical Notes // Chelovek. 2021. Vol. 32, N 2. P. 147–160. DOI: 10.31857/S023620070014866-9

References

1. Augustine Aurelius. *Ispoved’* [Confession]. Moscow: Republic Publ., 1992.
2. Berdyaev N.A. *Eros i lichnost’. Filosofiya pola i liubvi* [Eros and Personality. Philosophy of Sex and Love]. Moscow: Prometheus Publ., 1989.
3. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl, 1994.
4. Lewis K.S. *Lyubov’* [Love]. *Mir i Eros*. Moscow: Politizdat Publ., 1991.
5. Mead M. *Kul’tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow: Nauka Publ., 1988.
6. Rozin V.M. *Lyubov’ v zerkalakh filosofii, nauki i literatury* [Love in the mirrors of philosophy, science and literature]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2006.

В.М. Розин
Правильно ли
расколдованы
странности и
истоки сексуаль-
ности? (полеми-
ческие заметки)

©2021 А.Р. АПРЕСЯН

ДАРЬЯ КАЗАРИНОВА-ПЫЛЬНОВА: РАЗДЕЛЯЯ СИЮМИНУТНОЕ И ВЕЧНОЕ

Апресян Армен Рубенович — кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. Электронная почта: armapr@gmail.com

Аннотация. Актуальное искусство всегда ставило перед зрителем немало вопросов, касающихся формы и содержания, способов репрезентации и восприятия. На протяжении последних 150 лет художники все больше усложняют задачу зрителя — отказываясь от любых правил и законов, выработанных многими поколениями их предшественников, предлагая новые подходы к композиции, работе с цветом, трансформируя самое понятие произведения искусства. Однако до последнего времени даже наиболее авангардные произведения живописи и графики обладали одной объединяющей их ключевой характеристикой: они физически существовали. Цифровое искусство, в последние годы набирающее все большую популярность, ставит непростые вопросы перед публикой. Что следует считать оригиналом? Как относиться к художественному произведению, которое может быть воспроизведено бесконечное количество раз? Как воспринимать картину, которая не несет энергетики художника, не содержит частички его души? Московская художница Дарья Казаринова-Пыльнова с 2016 года работает в технике touchscreen

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

(рисование пальцами на экране планшета) с использованием таких инструментов, как Artboard, sketchGuru и аналогичных художественных приложений. Несмотря на то что российская публика несколько настороженно относится к цифровому искусству, произведения Дарьи Казариновой-Пыльной пользуются заметной популярностью среди самой широкой аудитории. В статье рассматриваются проблемы существования и восприятия цифровых художественных произведений на примере ее работ. Размышления художницы о роли, функциях и задачах искусства позволяют признать, что техника создания художественного произведения не является определяющим фактором в его восприятии.

Ключевые слова: искусство, цифровое искусство, автор, зритель.

Ссылка для цитирования: Апресян А.Р. Дарья Казаринова-Пыльная: разделяя сиюминутное и вечное // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 161–173. DOI: 10.31857/S023620070014867-0

Фантастические цветы, тянущиеся к свету, буйство красок — красной, желтой, голубой, всех оттенков зеленого — настоящий колористический взрыв. Это — полная оптимизма и надежды картина московской художницы Дарьи Казариновой-Пыльной «Весна не за горами», созданная в начале 2021 года. Очевидная декоративность легко позволяет представить себе этот натюрморт в любом интерьере. Художественный язык воспринимается легко и современно, в то же время позволяя провести определенные параллели с работами признанных мастеров прошлого. И кажется вероятным, что подобная картина может стать скорее источником эстетического удовольствия, чем поводом для анализа или же каких-то размышлений. Но это впечатление обманчиво.

Актуальное искусство всегда ставило перед зрителем немало вопросов, касающихся формы и содержания, способов репрезентации и восприятия. На протяжении веков эксперименты художников, выходивших за рамки канона, осваивавших новый художественный язык, предлагавших революционный — по крайней мере, по их мнению — подход к творчеству, эпатаживавших публику, встречали очень настороженную реакцию зрителей и критиков, зачастую переходившую в полное неприятие. Как показывает история искусства, подобная реакция сравнительно быстро нивелируется. Достаточно вспомнить отзывы критиков на выставку, открывшуюся в апреле 1874 года на бульваре Капуцинок в Париже, известную сегодня как «Первая выставка импрессионистов». Работы художников, которые сегодня относят к золотому

А.Р. Апресян
Дарья Казаринова-Пыльнова:
разделяя
сиюминутное
и вечное

Дарья Казаринова-Пыльнова, Москва. Аутентичность. Возвращение. 2021. Графика Digital (предоставлено автором). URL: <https://m.vk.com/club124186262>

фонду мировой живописи, сравнивали с «обойной бумагой в состоянии наброска» [3, с. 71–72], но не прошло и трех десятилетий, как произведения Клода Моне, Пьера-Огюста Ренуара, Эдгара Дега и Поля Сезанна стали восприниматься как наиболее интересные и глубокие, сарказм уступил место искреннему восхищению, а европейские и американские коллекционеры стали охотиться за ними. Сегодня непросто представить себе посетителя музейных залов, воспринимающего классиков импрессионизма с презрением или иронией.

В течение всего двадцатого столетия художники все больше усложняли задачу зрителя — отказываясь от любых правил и законов, выработанных многими поколениями их предшественников, предлагая новые подходы к композиции, работе с цветом,

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

трансформируя самое понятие произведения искусства. Однако до последнего времени даже наиболее авангардные произведения живописи и графики обладали одной объединяющей их ключевой характеристикой: они физически существовали. Картины — вне зависимости от стилевой принадлежности — писались красками на вполне осязаемых поверхностях, будь то холст, доска или картон. Рассматривая их, зритель мог быть уверен в том, что перед ним — уникальное произведение, существующее в единственном экземпляре, ведь даже авторские повторы не могут быть абсолютно идентичны. Но в последние годы все большей популярностью пользуется так называемое «цифровое искусство». Конечно, можно выделить немало его направлений: это и всевозможные видеопроекции (видеомэппинг), и различные формы видеоарта, и интерактивное искусство (когда с помощью компьютерной программы пользователь может трансформировать шедевры мировой живописи), и произведения искусства, создаваемые с помощью искусственного интеллекта, и многое другое. Но в данном случае мы остановимся на графических работах, созданных с помощью компьютерных программ. Казалось бы, прогресс не стоит на месте, компьютер становится лишь очередным инструментом для художника, приходя на смену кистям и краскам, и в этом ключе все достаточно закономерно: вряд ли сегодня кто-то будет серьезно задумываться, каким образом создано художественное произведение — использовал автор кисти или предпочел мастихин¹? Пал ли его выбор на масляные краски или для решения творческой задачи акрил оказался более удобным? Писал ли художник картину, стоя перед мольбертом, или склонившись над планшетом?

В то же время остро встает вопрос о результате подобной художественной деятельности. Цифровое изображение — это лишь графический файл, набор единиц и нулей, который невозможно взять в руки, экспонировать в реальном выставочном пространстве, в конце концов, повесить на стену в собственном доме и получать эстетическое удовольствие. Безусловно, его можно распечатать в любом формате, и тогда произведение обретет свое физическое воплощение, но в этом случае пропадает фактор уникальности: графический файл может быть скопирован и репродуцирован бесконечное количество раз без потери качества. Но если объект, созданный художником, может быть повторен бесконечно и кем угодно, то возникает вопрос, что же можно считать подлинным,

¹ Мастихин — тонкая упругая лопаточка, чаще металлическая, с помощью которой на холст наносится грунт, удаляется лишняя краска. Может использоваться непосредственно для рисования (мастихинная живопись).

говоря о цифровом произведении искусства? Формально подлинником должен считаться исходный файл, но его отличие от бесчисленных копий будет заключаться только в дате создания, в наборе из нескольких цифр, спрятанных в его описании.

Несмотря на возникающие вопросы, «цифровое искусство» год от года набирает все большую популярность среди художников, хотя до последнего времени оно и находилось на периферии художественного мира. Бесспорно, произведения, созданные с помощью различных цифровых технологий, привлекали внимание посетителей выставок, появлялись в музейных и даже частных собраниях, но в нашем мире лучшим свидетельством признания художественного явления или востребованности художника является арт-рынок. Более того, нельзя забывать о том, что функции арт-рынка далеко выходят за очевидные рамки купли-продажи произведений искусства. Арт-рынок во многом формирует интерес публики к тем или иным явлениям и персоналиям. Лучшее подтверждение тому — целая волна обсуждений и дискуссий как среди художников, так и среди людей, просто интересующихся искусством, вызванная новостью о том, что в начале марта 2021 года на торгах аукционного дома Christie's картина американского художника Майка Винкельмана, известного под псевдонимом Beeple, была продана за 69,3 миллиона долларов. Казалось бы, не произошло ничего из ряда вон выходящего: в последние десятилетия многомиллионные продажи на художественном рынке стали обычным делом, и даже столь значительная сумма вряд ли способна кого-нибудь удивить. Однако в этот раз речь шла о цифровой работе. Согласно информации аукционного дома, в мае 2007 года Майк Винкельман, работавший в области графического дизайна, решил каждый день создавать по одной уникальной картине в цифровом формате. По его словам, этот проект был посвящен саморазвитию и каждодневной борьбе с самим собой. Спустя 5000 дней появилось соответствующее количество картин, впоследствии объединенных в одно художественное произведение — коллаж под названием «Каждый день: первые 5000 дней». Таким образом, несколько десятков миллионов долларов было уплачено за графический файл, уникальность которого стоит под большим вопросом.

Конечно, проблемы технической воспроизводимости произведения искусства обсуждаются давно — еще в середине 1930-х годов об этом писал Вальтер Беньямин в своей программной статье [1]. Но вряд ли немецкий философ мог предполагать, что рост технических возможностей способен изменить статус произведения искусства и физический — пусть даже технически воспроизводимый без потери качества — объект превратится в виртуальный. В этом ракурсе особенно остро встает проблема «присутствия художника»

А.Р. Апресян
Дарья Казаринова-Пыльнова:
разделяя
сиюминутное
и вечное

в произведении искусства, о которой также писал Беньямин. Когда мы говорим о техническом воспроизведении произведения искусства в традиционном понимании — будь то печатная графика или даже фотография — все-таки остается понятие «оригинала», уникального творения рук художника, хранящего энергию автора, ту «единственность», которую Беньямин называет «аурой». А как быть с цифровым произведением, которое не только может быть воспроизведено бесконечное количество раз без потери качества, но и — с точки зрения коллекционера или просто любителя искусства — не может рассматриваться как объект, хранящий в себе энергию художника просто потому, что между руками автора и самим произведением — цифровая бесконечность.

Однако с точки зрения создателя, эта проблема существует лишь в сознании человека, не готового выйти за пределы традиционного понимания искусства. Дарья Казаринова-Пыльнова полагает, что переход в виртуальное пространство — абсолютно закономерная и естественная ситуация. «Вопрос в том, какой смысл

А.Р. Апресян
Дарья Казарино-
ва-Пыльнова:
разделяя
сиюминутное
и вечное

Дарья Казаринова-Пыльнова, Москва. Квант исцеления. 2016. Графика Digital (предоставлено автором). URL: <https://m.vk.com/club124186262>

мы в это вкладываем, — отмечает художница. — Если это некий популизм, если автор воспринимает свое искусство как способ привлечь к себе внимание — это одна история. Если это способ познания себя и мира вокруг, пусть даже это легко тиражируется, и любой человек может это распечатать — это вполне естественно». Изобразительное искусство для художницы стало не только способом познания мира и себя, но и настоящей терапией. Она родилась в Москве, и после окончания факультета журналистики

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

МГУ им. М.В. Ломоносова работала в качестве продюсера, редактора, журналиста на телевидении и в различных изданиях. «В то же время, искусство всегда было рядом, — рассказывает Дарья. — С детства в доме звучали Рахманинов, Чайковский — я засыпала и просыпалась под эту музыку. Занималась я и традиционной живописью, но это, скорее, было увлечением, хобби». Тяжелая болезнь и смерть родителей стали страшным ударом для Дарьи. Неожиданно эта боль дала импульс к творчеству. «Однажды, сидя в парке, я загрузила в смартфон одно из цифровых приложений для художников, чтобы занять руки, — вспоминает она. — Мне просто физически была нужна какая-то терапия. Найти психолога — я об этом даже и не думала». Так стали получаться цифровые картины в технике *touchscreen* (рисование пальцами на экране планшета) с использованием таких инструментов, как *Artboard*, *sketchGuru* и аналогичных художественных приложений. «Мои работы — это интерьерная современная графика, которая одновременно радует глаз и работает со смыслами, — рассказывает художница. — Иногда ты смотришь на какое-то произведение и не можешь понять, что там изображено. Иногда становится интересно, потому что начинается какая-то игра воображения, а это уже способ познать себя или попытка познать художника. Запускаются внутренние процессы. Это для меня очень важно, потому что я говорю о сопричастности автора и зрителя. Картина является точкой события, где происходит встреча одного и другого». В случае с работами Дарьи Казариновой-Пыльновой можно говорить не только о «сопричастности», но и об определенном *соавторстве* — эта «точка встречи» автора и зрителя нередко становится и точкой трансформации смыслов художественного произведения: зрители наделяют увиденное изображение своими смыслами, быть может, не всегда совпадающими с теми, которые стремилась привнести художница.

Вот одна из первых цифровых работ — «Квант исцеления» (2016), абстрактная, получившаяся почти интуитивно и ставшая отражением внутренних переживаний художницы. Одним в ней видятся фантастические картины подводного мира. Другие совершенно уверены в том, что это некий космический взрыв, увиденный с Земли, но при этом взрыв, в результате которого обязательно появится новая Вселенная. Третьи полагают, что основой изображения стало отнюдь не какое-то природное явление, а автор, скорее, хотел поделиться своим предчувствием неизбежной техногенной катастрофы. Вариантов может быть бесконечно много, но главное, что зритель не остается равнодушным.

Около года спустя после того, как стали появляться цифровые картины, Дарья начала делиться ими в виртуальном

А.Р. Апресян
Дарья Казаринова-Пыльнова:
разделяя
сиюминутное
и вечное

Дарья Казаринова-Пыльнова, Москва. Поцелуй под дождем. 2018. Графика Digital (предоставлено автором). URL: <https://m.vk.com/club124186262>

пространстве — на страницах в социальных сетях. В какой-то момент она с некоторым удивлением поняла, что ее эмоции находят отклик как среди реальных, так и среди сетевых знакомых. Со временем этот виртуальный отклик, выражающийся в позитивных комментариях и «лайках», обрел вполне реальную физическую

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

форму: произведения Дарьи Казариновой-Пыльной стали продаваться. Размышляя о своих работах, художница говорит, что «сегодня человек стоит на пороге испытаний, и при всем технологическом росте очень важно не потерять человечность, любовь, дружбу — какие-то базовые вещи, самое важное в человеке».

Многие работы Дарьи Казариновой-Пыльной появляются как некий диалог с культовыми произведениями художников, известных во всем мире. Так возник «Поцелуй под дождем» (2018). Укрытые полупрозрачным зонтом, мужчина и женщина слились в нежном, можно даже сказать, целомудренном поцелуе. Ни малейшего намека на страсть или эротизм. Любопытно, что мужское и женское начало автор разделяет колористически. Силуэт мужчины решен монохромно, его фигура напоминает тень, то ли дробящуюся и рассыпающуюся в лучах света, то ли тающую под каплями дождя. Женская фигура окружена цветом — тончайшие желтые, оранжевые, голубые, зеленоватые, фиолетовые линии, сплетаясь, образуют причудливый орнамент, который может восприниматься и как декоративный акцент, и как сеть, в которую она завлекает своего партнера. И композиция, и визуальный ряд неизбежно вызывают ассоциации с «Поцелуем» Густава Климта. Написанная в 1908–1909 годах эта картина не только считается ключевой работой австрийского художника, но и стала одним из наиболее узнаваемых произведений живописи начала XX века. Более того, вполне уместно говорить о том, что образ, созданный Климтом, превратился в один из символов поп-культуры, репродукции климтовского «Поцелуя» разного качества можно встретить по всему миру, она увековечена в тысячах копий, и не только на репродукциях, но и предметах быта [5, р. 115–120]. В результате большинство живописных изображений целующихся вызывают в памяти зрителя именно картину Густава Климта. Американский историк искусства Уилл Гомперц в книге «Непонятное искусство. От Моне до Бэнкси» [2] высказывает предположение, что популярность климтовского «Поцелуя» — отнюдь не только в нарочитом эстетизме картины и уж тем более не в ее орнаментальности. По его мнению, влюбленная чета на картине могла быть с таким же успехом изображена на стене пещеры — ведь композиция тут двумерная, а сюжет вечный [там же, с. 120]. «Климт для меня является одним из проводников в искусство тонкой чувственности, — признается Дарья. — Орнаменты, которые свойственны именно Климту, роднят его с современными возможностями выражения художника. И если левая часть картины, орнаментальная — однозначно отсылает к Климту, то дальше, двигаясь взглядом слева направо, мы переходим от «Поцелуя» Климта к моему.

Мне и самой не понятно, кто изображен на картине — реальный мужчина, или нет? Что это — воспоминание или желание?»

Таким образом «Поцелуй под дождем» — это не только вечный сюжет или оммаж прославленному живописцу. Это еще и путь художника, путь, который проходили многие выдающиеся мастера, — от подражания к собственному языку, от заимствований к оригинальности.

Зачастую «диалоги с классикой» появляются спонтанно, помимо воли художницы. Так, в начале 2021 года родилась картина «Аутентичность. Возвращение к себе». Зритель словно заглядывает через окно в полутемную комнату, в которую только что вошла молодая женщина. Оставив суету прошедшего дня за закрытой дверью, она закрывает глаза: больше нет необходимости «держаться», играть в какие-то игры, наедине с собой можно снять маску. Мягкий серый, «бархатный» цвет создает атмосферу спокойствия и умиротворения. Резкие черные линии, которыми намечена закрытая дверь, темная одежда — то, что помогает почувствовать и понять историю героини. Розовые блики одновременно дарят зрителю ощущение наблюдения из-за стекла и становятся колористическим центром картины. Искусствовед с легкостью увидит сходство художественного языка этой работы и поздних произведений Анри Матисса, появившихся после того, как в 1941 году французский художник перенес тяжелую операцию. В процессе долгой реабилитации он разработал технику составления изображения из обрезков бумаги (*papers découpés*). Работы, выполненные в этой технике, стали очень известны, особенной популярностью пользуется серия иллюстраций к книге «Джаз» (1943–1947). В то же время Дарья Казаринова-Пыльнова говорит о том, что, придумывая «Аутентичность», она даже не вспоминала о Матиссе. Образ, появившийся во время пандемии, кажется художнице невероятно актуальным: «Сейчас особенно обострилась экзистенциальная проблема. Вот мы жили, носили какие-то маски. И вдруг оказались в ситуации, когда можно просто «быть». Человек устает от того, что нужно постоянно казаться кем-то, и в этом нет ничего плохого. Но когда мы закрываем дверь, мы остаемся наедине с собой, можем понять что-то важное про себя, про жизнь. С другой стороны, человек устает от того, что необходимо соответствовать каким-то стандартам, которые сейчас, как мы видим, нам навязывает мир. Мнимые ценности и настоящие ценности — этот вечный конфликт. Приходится искать все время точку баланса, чтобы быть самим собой». Работая, художница читала Виктора Франкла, человека, которому пришлось очень многое пережить, но его мысли о свободе, свободе выбора и приятия своей участи, выбора позиции, которую человек занимает, сталкиваясь со своей судьбой, нашли свое воплощение в картине [4]. Кажется вполне логичным,

А.Р. Апресян
Дарья Казаринова-
Пыльнова:
разделяя
сиюминутное
и вечное

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

что мысль трансформируется в некие образы, обретает форму, но работа над этой картиной шла несколько иначе: «Я отталкивалась от цвета, от его фактуры — серый здесь для меня символизирует спокойствие. Мне хотелось на спокойном фоне оставить за дверью всю тревожность и непредсказуемость. Потому что сейчас мир непредсказуем, и даже в этом достаточно сложном мире можно оставаться собой, но это трудно».

По словам художницы, в нашем непредсказуемом мире важно сохранить главное, откликаясь на вызовы современности. «В этом я вижу одну из важнейших задач современного искусства: разделять сиюминутное и вечное», — говорит Дарья. Кажется, что подобный подход снимает любые вопросы о технике создания произведения искусства, вне зависимости от способа реализации — традиционного, существующего на протяжении тысячелетий, или же наиболее современного, при котором художественное произведение превращается в набор единиц и нулей, существующих в виртуальном пространстве. Главное, помнить о том, что технология — пусть даже самая продвинутая — не гарантирует результата. Компьютерная программа, даже наделяющая своего пользователя безграничными возможностями, всего лишь инструмент для создания искусства. Как это уже нередко бывало в истории человечества, творческие люди оказываются наиболее чуткими к переменам в жизни, и со временем нашу эпоху будут изучать по работам цифровых художников.

Литература

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012.
2. Гомперц У. Непонятное искусство. От Моне до Бэнкси / пер. с англ. И. Литвиновой. М.: Синдбад, 2016.
3. Креспель Ж.-П. Повседневная жизнь импрессионистов, 1863–1883 / пер. с фр. Е. Пуряевой; предисл., науч. ред. А.П. Левандовского. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2012.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла / общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
5. Gottfried F. The Kiss // Gustav Klimt. 1862–1918. The World in Female Form / English transl. by Hugh Beyer. Köln: Benedikt Taschen Verlag GmbH, 1998.

Daria Kazarinova-Pylnova: Dividing the Momentary and the Eternal

Armen R. Apresyan

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Aesthetics, Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation.
E-mail: armapr@gmail.com

Abstract: Contemporary art has always posed many questions for the viewer regarding form and content, ways of representation and perception. Over the past 150 years, artists have increasingly complicated the task of the viewer — abandoning any rules and laws developed by many generations of their predecessors, proposing new approaches to composition, working with color, transforming the very concept of the work of art. However, until recently, even the most avant-garde paintings and graphics had one key characteristic that united them: they physically existed. Digital art, which has gained more and more popularity in recent years, poses difficult questions for the public. What should be considered as original? What about a work of art that can be reproduced an infinite number of times? How to perceive a picture that does not have the artist's energy, and does not contain a part of his soul? Since 2016 Moscow artist Daria Kazarinova-Pylnova has been working in the *touchscreen* technique (drawing with fingers on the tablet's screen) using tools such as Artboard, sketchGuru and similar art applications. Despite the fact that the Russian public is somewhat wary of digital art, the works of Daria Kazarinova-Pylnova enjoy noticeable popularity among the widest audience. The article examines the problems of the existence and perception of digital works of art on the example of her works. The artist's reflections on the role, functions and objectives of art make possible to recognize that the technique of creating a work of art is not a determining factor in its perception.

Keywords: art, digital art, author, viewer.

For citation: Apresyan A.R. Daria Kazarinova-Pylnova: Dividing the Momentary and the Eternal // Chelovek. 2021. Vol. 32, N 2. P. 161–173. DOI: 10.31857/S023620070014867-0

References

1. Benjamin W. Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya. Doctrine of the Similar. Media aesthetic works]. Moscow: RGGU Publ., 2012.
2. Gompertz W. Neponyatnoe iskusstvo. Ot Mone do Benksi [What are you looking at? 150 Years of Modern Art in the Blink of an Eye], russian transl. Moscow: Sindbad Publ., 2016.
3. Crespelle J.P. Povsednevnyaya zhizn' impressionistov, 1863–1883 [Daily life in Paris at the time of the Impressionists (1863–1883)], transl. from French by E. Puryaeva; ed. by A.P. Levandovskii. Moscow: Molodaya gvardiya; Palimpsest Publ., 2012.
4. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man's Search for Meaning], russian transl. Ed. by L.Y. Gozman, D.A. Leont'ev. Moscow: Progress Publ., 1990.
5. Gottfried F. The Kiss // Gustav Klimt. 1862–1918. The World in Female Form / English transl. by H. Beyer. Köln: Benedikt Taschen Verlag GmbH, 1998.

А.Р. Апресян
Дарья Казаринова-Пыльнова:
разделяя
сиюминутное
и вечное

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S023620070014869-2

©2021 М.И. ФРОЛОВА

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Фролова Мария Ивановна — научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Электронная почта: mariafrolova1@yandex.ru

Аннотация. Освещается работа международной научной конференции, состоявшейся в Институте философии РАН в ноябре 2020 года в рамках XX Чтений памяти академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929–1999). Конференция была посвящена глобальным изменениям социально-антропологической реальности, связанным с применением новейших биотехнологий и последствиями пандемии коронавируса COVID-19 в современном мире. На конференции обсуждались следующие вопросы: взаимодействие человека и технологий, обновление экономического устройства мира в условиях биотехнологической стадии НТР, антропогенные вызовы глобальной экосистеме, последствия и уроки коронавирусной пандемии, биоэтические проблемы экспериментов на человеке и редактирования генома человека, этические вызовы генетических технологий в клинической практике, проблемы статуса эмбриона человека в эмбриологии и генетике, состояние мира в эпоху глобального дисбаланса, ответственность современного человека перед будущим планеты и рода человеческого. В ходе конференции прошла презентация трех новых книг. «Философские беседы с академиком И.Т. Фроловым» включают стенограммы телепередач цикла «Философские беседы», которые академик И.Т. Фролов вел на Центральном телевидении в 1986–1990 годы. Проект «Философские беседы» тогда вызвал большой

резонанс в СМИ и получил признание не только философского сообщества, но и широкой общественности. Другая книга — второе издание монографии И.Т. Фролова «О человеке и гуманизме», в свое время ставшей своеобразной энциклопедией человековедения. Монография содержит в сжатом виде основные результаты советской философии человека 1960–1990-х годов. В книге «Человек в глобальном мире: риски и перспективы», подготовленной по итогам XIX Фроловских чтений, человек и его будущее мыслятся как главная глобальная проблема. Рассматриваются научная суть, этические основания и глобальные последствия применения новейших НБИКС-технологий, а также то, как коллизии глобального экономического, экологического, геополитического кризисов влияют на повседневную жизнь каждого человека.

Ключевые слова: новая реальность, COVID-19, биоэтика, глобальные проблемы, философская антропология, И.Т. Фролов.

Ссылка для цитирования: Фролова М.И. Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 174–188. DOI: 10.31857/S023620070014869-2

М.И. Фролова
Человечество
в новой реаль-
ности: глобаль-
ные биотехноло-
гические вызовы

В ноябре 2020 года в Институте философии РАН состоялись XX Чтения памяти академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929–1999). В рамках Фроловских чтений, проходящих ежегодно уже в течение 20 лет, обсуждаются философские, социальные, научные и этические проблемы разработки и применения новейших технологий. Основной акцент делается при этом на те возможности и риски, которые эти технологии открывают для человека как в плане освоения окружающей природы, так и в отношении «улучшения» своей собственной природы. Тема нынешних, юбилейных, XX Фроловских чтений — «Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы». Участники конференции подчеркнули сегодняшнюю актуальность идей, которые И.Т. Фролов высказывал в 1970–1990-е годы. В процессе подготовки XX Фроловских чтений Группа по изучению наследия И.Т. Фролова Института философии РАН обнаружила в архиве философа работы, которые предвосхищают современную мировую ситуацию, сложившуюся в результате пандемии коронавируса COVID-19. В качестве эпиграфа в программу конференции были вынесены слова из лекции И.Т. Фролова на XIX Всемирном философском конгрессе в Москве (1993): «Конечно, сегодня новая реальность заставляет по-новому оценить многое из того, что утверждалось ранее в неоправданно категорической форме. Это относится к философским вопросам перспектив человека и человечества в условиях глобальных проблем и угроз» [1, с. 541].

Фактически философ несколькими строками определил суть переломного момента нашего времени — наступление *новой реальности* в условиях глобальных проблем и угроз для человека и человечества. Этим строкам почти 30 лет, но очевидно, что они в еще большей степени относятся к следующим десятилетиям XXI века. Человечество вступает в новую эпоху цифровизации и биотехнологий, когда сложнейшие связи социальных, научных и технологических процессов коренным образом изменят повседневную жизнь людей. Мы должны быть готовы встретить перемены. Важно, в какой мере процессы развития науки и техники подконтрольны обществу. Общество вправе знать о возможных опасностях не постфактум, а заранее, писал И.Т. Фролов [там же, с. 46], и именно в своевременном осмыслении проблем и информировании общества состоит долг ученых. Вокруг названных тем и строилась дискуссия на конференции.

XX Фроловские чтения открыл академик РАН **А.В. Смирнов** (Институт философии РАН). Он подчеркнул, что главная заслуга И.Т. Фролова заключается в выдвигании на первый план комплексного подхода к изучению человека. В Новое время человек переместился в центр картины мира, но оказался «разъят» на отдельные аспекты, изучаемые теми или иными частными науками. Насущной стала необходимость целостного видения человека, в особенности сейчас, когда человек сделался объектом воздействия как биотехнологий, так и социальных технологий. При этом ведущим трендом философии за последний век оказалась «утрата человека». Аналитическая философия просто потеряла антропологическую проблематику. Ее антипод в диапазоне философских позиций — постмодернизм — провозгласил «смерть человека». Философия сосредоточилась на «теле», превратив человека в философского зомби. Сегодня философия должна вспомнить о своем долге перед человечеством и не бежать за когнитивными науками и нейронауками, подстраиваясь под них, а выполнить собственную задачу, вернув человека в пространство мысли как синтетическое, синергичное существо.

Хотя Ивана Тимофеевича Фролова нет с нами уже более 20 лет, отметил выступивший затем академик РАН **В.А. Лекторский** (Институт философии РАН), но проблемы, которые он ставил и обсуждал еще в 1980-е годы, стали сейчас актуальнее, чем были тогда. Ныне мы вступили в «новую реальность», о которой писал И.Т. Фролов, и эта новая реальность заставляет нас иначе понимать многие вещи и снова задуматься о перспективах человека и человечества. Пандемия коронавируса опять выводит на вопрос о путях, которыми идет человечество. Правильны ли они, не следует ли их переосмыслить? Мы вступили в мир технологий, они

окружают нас, и любую проблему принято разрешать с помощью технологий. При этом технологии искусственного интеллекта начинают выходить за границы понимания создавшего их человека. Результаты нашего воздействия на такие системы предсказать точно невозможно, что усиливает неопределенность в мире. Развиваются технологии, для которых человек стал объектом изменения и «улучшения». Поэтому исходным становится не технологический, а смысловой и культурный вопрос: что мы можем считать «улучшением» для человека?

На рост неопределенности в современном мире обратил внимание чл.-корр. РАН **Р.С. Гринберг** (Институт экономики РАН). Обострение глобальных проблем современности вызывает сомнения в способности рыночного общества с ними справляться. Становится ясно, что в центре экономических исследований должен быть человек, хотя пока доминирует фетишизация количественных показателей. Вот почему философия имеет практическое значение для науки. Р.С. Гринберг считает идеологию нового мышления, связанную с именем М.С. Горбачева, попыткой глобального очеловечивания человеческого общества. Это был упущенный шанс создать мир без взаимных угроз и решить глобальные проблемы.

По мнению говорившего об обострении экологических проблем чл.-корр. РАН **В.И. Данилова-Данильяна** (Институт водных проблем РАН), вмешательство человека становится глобальным вызовом экосистеме. Способность биосферы к авторегуляции в условиях роста антропогенных вмешательств снижается, а реакция ее становится труднопрогнозируемой. Докладчик рассмотрел научно-методологические причины, в силу которых изменение климата как одна из глобальных проблем остро дискутируется более двух десятилетий. Он показал, что при изучении проблемы неизбежно остаются значительные зоны неопределенности в принятии решений, касающихся как самих исследований, так и рекомендаций по климатической политике, что встречает неприятие с точки зрения классической науки. Разрешение подобных противоречий возможно только с позиций риск-ориентированного подхода, обосновывающего необходимость принятия климатозащитных мер.

Последствия и уроки коронавирусной пандемии проанализировал чл.-корр. РАН **П.М. Чумаков** (Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН). Он остановился на конспирологических версиях искусственного происхождения COVID-19 как средства перезагрузки экономики после глобального кризиса. Подтвердив потенциальную возможность подобных сценариев, ученый отметил отсутствие в данном случае достаточных

М.И. Фролова
Человечество
в новой реальности:
глобальные
биотехнологические
вызовы

■■■■■■■■■■
**ОБЗОРЫ И
 РЕЦЕНЗИИ**
 ■■■■■■■■■■

доказательств. Велика роль СМИ в степени реакции мировой общественности на пандемию COVID-19. Ведь в сравнении с другими заболеваниями уровень смертности у него невысок. Введение локдауна, как показывает опыт, не стало фактором, существенно повлиявшим на рост смертности от COVID-19. Еще один урок нынешней пандемии состоит в том, что крупные фармацевтические компании препятствуют использованию неподконтрольных им лечебных технологий в угоду своим коммерческим интересам. Пандемия, конечно же, меняет наш образ жизни, что имеет свои преимущества и недостатки, в качестве последних можно назвать вымирание инфраструктуры мегаполисов, деградацию образования, цифровой контроль над личным пространством.

Вклад И.Т. Фролова в изучение актуальной глобальной проблематики, в частности в вопросы безопасности генно-инженерных исследований, высоко оценил д-р филос. наук **И.Ф. Кефели** (Академия геополитических проблем). По его свидетельству, И.Т. Фролов в середине 1970-х годов в Институте философии АН СССР сделал несколько докладов по итогам Асиломарской конференции (1975), где выдвигалась идея моратория опасных генетических экспериментов. Вниманию участников Чтений И.Ф. Кефели предложил понятие «асфатроника» для обозначения сферы исследований глобальной безопасности, а также классификацию глобальных рисков.

К идее И.Т. Фролова о том, что человек должен встать в центр всей структуры науки при объединяющей роли философии, обратился д-р физ.-мат. наук **Г.Г. Малинецкий** (Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН), назвав ее «императивом Фролова». Реализация этой идеи требует разработки междисциплинарных методологий, самой успешной из которых докладчик считает синергетику. Главный вызов нынешней пандемии — не в сфере биотехнологий, а в изменении смыслов и ценностей, в понимании блага человека. Как предположил Г.Г. Малинецкий, почти повсеместный локдаун, введенный в связи с COVID-19, наводит на размышления о вторичности решений государственных властей по отношению к планам глав транснациональных корпораций, контролирующих глобальную экономику. Путь человечества сегодня — в развитии межкультурного диалога и глобальной ответственности.

В своем докладе академик РАН **А.А. Гусейнов** (Институт философии РАН) провел различие между объективным и экзистенциальным временем. Человек относится к своей жизни не как к объективной длительности, а как к событию во времени, растянутому на хронологический промежуток, занятый его жизнью. В истории общества происходит то же смещение: персонаж

прошлого может восприниматься нами как актуальная фигура вне зависимости от его хронологического размещения на ленте времени. Экзистенциальное настоящее втягивает в свою орбиту и возможные будущие события. Вместе с тем будущее выступает одновременно как продолжение тенденций настоящего и как шанс изменить эти тенденции. А.А. Гусейнов вспомнил высказывание Сенеки о том, что только время принадлежит нам вполне. Философия учит жить так, как будто каждый поступок человека может стать последним.

Профессор Фуданьского университета **Го Лишуан** (КНР) высоко оценила идеи нового гуманизма И.Т. Фролова. Современное человечество не может разумно распорядиться богатствами материально-технической цивилизации. Препятствием тому стало отчуждение человека от природы и общества, истоки которого обнаруживаются в новоевропейской абсолютизации активности индивида. Кризис просветительской модели был зафиксирован уже франкфуртцами в известной «Диалектике просвещения» (1947). Необходим новый гуманизм, который выдвинет требование гармонии человека, общества и природы.

О пионерских работах И.Т. Фролова по глобальным проблемам напомнила чл.-корр. РАН **О.В. Гаман-Голутвина** (МГИМО МИД РФ). Разрешение таких проблем связано с выбором адекватной политической стратегии. Подобная стратегия должна учитывать сложное, нелинейное и многофакторное взаимодействие процессов современного мира. Ограниченность современной политической науки заключается в том, что в центре ее внимания находится формально-юридическое измерение политического процесса, а вопросы методики преобладают над вопросами методологии. Методологический плюрализм политической науки не должен стать препятствием для выработки, говоря словами И.Т. Фролова, «глобальной мирной стратегии».

Рассуждая об этических проблемах редактирования генома человека, д-р филос. наук **О.В. Попова** (Институт философии РАН) напомнила о первой, связанной с биотехнологическими рисками дискуссии на Асиломарской конференции и об этическом сопровождении проекта «Геном человека». Благодаря усилиям И.Т. Фролова биоэтические исследования в нашей стране стали проводиться синхронно с мировым фронтом подобных исследований. Более того, И.Т. Фролов возглавил работу по формулированию основных этических принципов гуманитарной экспертизы биомедицинских проектов. В современных технологиях редактирования человека этические проблемы возникают как в отношении безопасности применения технологий, так и в философском плане, когда они затрагивают вопросы идеалов, справедливости и равноправия.

М.И. Фролова
Человечество
в новой реальности: глобальные
биотехнологические вызовы

Проблему психологического состояния «маленького» человека в условиях глобальной реальности поднял д-р психол. наук **А.Ш. Тхостов** (МГУ им. М.В. Ломоносова). В информационном обществе сама локальность становится относительной, поэтому понятие «маленький человек» получает новую коннотацию. Мир глобального «Макдональдса» создает дефицит индивидуальных различий. Размывание всяких социальных границ и снижение уровня разнообразия в глобальном обществе порождают новую угрозу самоидентификации. В этом смысле опыт глобального проекта СССР успешно сочетал в себе универсализацию и своеобразие. Продолжая психологическую тематику глобального дискурса, д-р психол. наук **Т.А. Нестик** (Институт психологии РАН) задался вопросом: как возможен оптимизм в условиях глобальных рисков? Глобальные риски нестандартно влияют на психологическое самочувствие людей; они не подтверждаются обыденным опытом, но при этом легко подрывают веру человека в его способность влиять на будущее. Поэтому глобальные риски существенно повышают коллективные тревожные состояния, накладываясь на различия политических и идеологических предпочтений. К такого рода рискам можно частично отнести и эпидемиологическую угрозу. Невидимая, но ощущаемая, она порождает страхи и ксенофобию, становится фактором доверия/недоверия властям и создает условия для ограничения прав и свобод граждан. Кризис доверия социальным институтам провоцирует социальный пессимизм и способствует снижению уровня демократичности общества. В период кризиса горизонт планирования резко сокращается. Вместе с тем оптимизм в условиях пандемии может сохраняться

благодаря альтернативным источникам. Для одних это укрепление солидарности, для других — опора на собственные силы. Сопереживание поддерживает социальный оптимизм и соблюдение санитарно-эпидемиологических норм. Этические уроки идей И.Т. Фролова дают возможность от алармизма и нагнетания страхов двигаться к гуманистическим ценностям и доверию.

О популярных в 1970–1980-е годы в социобиологии идеях «нового синтеза» наук о человеке напомнила д-р филос. наук **Ю.В. Хен** (Институт философии РАН). Идеи Э. Уилсона получили широкое распространение в разных дисциплинах, но именно в силу этого синтез не получился. Возникла необходимость в междисциплинарном знании о человеке. Комплексный подход И.Т. Фролова стал одним из путей решения данной задачи. В рамках этого подхода в нашей философской науке развивалась биофилософия, представленная работами Р.С. Карпинской и ее последователей. Отличительной особенностью новой философии биологии стал акцент на гуманистическую проблематику.

Выступление д-ра мед. наук **В.Л. Ижевской** (Медико-генетический научный центр им. академика Н.П. Бочкова РАМН) касалось вопроса о том, к каким этическим вызовам приводит применение генетических технологий в клинической практике. Генетические технологии обычно применяются при доклиническом и дородовом тестировании, генетическом тестировании в онкологии, фармагенетике и геномном редактировании. Они открывают возможности раннего диагноза и, соответственно, раннего лечения, предотвращения развития заболеваний, а также раннего прерывания беременности или же необходимого сопровождения в случае генетически дефектного ее протекания. При применении генетических технологий важно соблюдать правовые и этические нормы. Недопустимы нарушение автономии и информированного выбора — оставлять ли плод с хромосомными аномалиями, — а также социальное неравенство в доступе к технологиям, дискриминация людей с ограниченными возможностями. Сегодня подходы к определению целей редактирования генома эволюционируют в сторону повышения устойчивости к ВИЧ и иным инфекциям — они на полпути от задач корректировки к задачам улучшения. В сложившихся условиях особую актуальность приобретают мысли И.Т. Фролова о том, что излишняя торопливость в попытках «фабрикации человека» может принести человеку не улучшение, а новые беды, ибо пока что его природа недостаточно познана для столь радикального вмешательства. Здесь непоправимый вред может принести не только злой умысел, но и невежество, основывающееся якобы на науке, а потому крайне опасное.

М.И. Фролова
Человечество
в новой реальности:
глобальные
биотехнологические
вызовы

■■■■■■■■■■
**ОБЗОРЫ И
РЕЦЕНЗИИ**
■■■■■■■■■■

Проблему глобального дисбаланса в условиях новых рисков, ограничений и возможностей остро поставила д-р филос. наук **Е.Н. Гнатик** (Российский университет дружбы народов). Современная парадигма развития, как об этом предупреждал в свое время И.Т. Фролов, абсолютизирует технократическое измерение цивилизации. Создается новая реальность: нано- и биотехнологизированная среда может неузнаваемо изменить привычный способ бытия. Поэтому нет ничего удивительного в техногенной природе вирусных пандемий, которые становятся возможными в условиях технократической производственной гонки и связанного с ней ослабления контроля над проведением исследований. Ответственность за ситуацию несут элиты государств, которые начали разрушать свою экономику. Вместе с тем пандемия COVID-19 способствует развитию НБИКС-технологий (нано- и биотехнологических, информационных, компьютерных, социогуманитарных технологий). Население государств разобщено и находится во власти цифровых технологий. Личность утрачивает способность творить свой персональный мир. Решения принимаются без учета мнения ученых и во многом определяются теми, кто контролирует информационные потоки. Настроение людских масс, как это уже случалось в Средневековье, оказалось в тревожном плену эсхатологических ожиданий. Складываются условия для постепенного ограничения гражданских прав, ввода в действие информационных систем слежения. Мир попал в ситуацию неопределенности тенденций дальнейшего развития. Очевидно, что пандемия коронавируса — глобальная проблема, требующая комплексного подхода, включающего научный, социальный, экономический, психологический, этический и другие аспекты.

В докладе д-ра биол. наук **Л.Ф. Курило** и канд. биол. наук **С.Ш. Хаят** (Медико-генетический научный центр им. академика Н.П. Бочкова РАМН) рассматривалась проблема статуса эмбриона человека в эмбриологии и генетике. Мы стали свидетелями стремительного прогресса биомедицинских технологий, который неизбежно сопровождается возникновением все новых этических и правовых вопросов. К настоящему времени с помощью методов вспомогательных репродуктивных технологий на свет появились более 8 млн детей. Возникает этическая и правовая проблема статуса эмбриона человека: когда он становится Human Being? С момента зачатия? На стадии зиготы? Будучи преэмбрионом? С начала функционирования нервной системы? С начала сердцебиения? Либо когда после семи месяцев у него развивается способность жить изолированно (вне тела матери)? Согласно Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине (1999), создание эмбрионов человека в исследовательских

целях запрещено. Допустимо использование эмбрионов человека не позднее 14-го дня их развития для проведения фундаментальных исследований, лечения бесплодия, глубокого замораживания в целях программы экстракорпорального оплодотворения или для технологий стволовых клеток. Спектр нарушений развития плода, подлежащих внутриутробной коррекции, с каждым годом расширяется. Но статус эмбриона по-прежнему не определен.

Доктор филос. наук **Л.А. Булавка** (Институт философии РАН) обратила внимание на то, что человеческий вызов пандемии — это выбор между солидарностью и конкуренцией. Информационные технологии не изменили основной сути капиталистических производственных отношений — превращения человека в функцию. Результатом становится деиндивидуализация, несовместимая с творчеством. Массовый человек перестает ориентироваться на культурные и духовные ценности. Противоядием может стать культивирование отношений социальной солидарности. В продолжение темы д-р экон. наук **А.В. Бузгалин** (Институт социоэкономики Московского финансово-юридического университета) отметил, что в каждом из измерений своего существования (семейном, микросоциальном, региональном, глобальном) человек совершает выбор либо в пользу конкуренции и эгоизма, либо в пользу солидарности. Пандемия обострила социальное неравенство: у людей нет денег на лечение, и им негде их взять в условиях локдауна. Выбор сегодня: равный доступ к технологиям излечения или социальная сегрегация. Доктор филос. наук **Ф.Г. Майленова** (Институт философии РАН) развила сюжет о пандемии как катализаторе трансформации эгоизма. Пандемия может как обострять эгоизм, так и развивать чувство сопричастности. Человек сохраняет в себе человеческое через сопереживание, солидарность.

Доклад профессора **Ёити Фудзии** (Колледж Фукуока, Япония) был посвящен биополитике. Генетические исследования этнических различий, с точки зрения ученого, не могут использоваться в качестве аргументов этнической неполноценности и обоснования геноцида. Гуманизм требует уважать различия между людьми. В свою очередь д-р филос. наук **В.П. Веряскина** (Институт философии РАН) поставила вопрос о том, в каком направлении должно развиваться общество в условиях трансформации человека в эру биотехнологий и какие ценности мы должны культивировать для адекватного ответа на глобальные вызовы. Вызов, пока не имеющий ответа, — это возможное техногенное биологическое неравенство, вызванное разной доступностью к биотехнологиям. Обратной стороной этого может стать генетическое неравенство людей. Возможно также использование генетического и медицинского профиля человека работодателями в целях

М.И. Фролова
Человечество
в новой реальности:
глобальные
биотехнологические
вызовы

■■■■■■■■■■
**ОБЗОРЫ И
РЕЦЕНЗИИ**
■■■■■■■■■■

манипулирования. Биологическая стадия НТР трансформирует капитализм в биокапитализм, нацеленный на воспроизводство не товаров, а человеческого капитала. Биологическое измерение человека становится предметом рыночных отношений. Доктор филос. наук **П.Д. Тищенко** (Институт философии РАН) продолжил тему глобальных биотехнологических вызовов. Пандемия COVID-19 показывает необходимость усиления контроля над проведением биотехнологических исследований. Ответ на биотехнологические вызовы лежит в плоскости углубления межчеловеческой солидарности. Кандидат филос. наук **И.Р. Камалиева** (Южно-Уральский государственный университет) осветила экзистенциально-философские аспекты доверия к врачу в современной медицине. Пандемия рождает массовые настроения страха, ставшие испытанием для патерналистской модели отношений врача и пациента. Перспективным можно считать продвижение к коммуникативной модели этих отношений.

Предметом внимания канд. мед. наук **М.А. Пронина** (Институт философии РАН) и канд. техн. наук **О.Н. Раева** (ВГИК им. С.А. Герасимова) стали возможности и антропологические перспективы технологий виртуальной реальности. Внедрение новых технологий должно сопровождаться новым уровнем ответственности. В противном случае человеку — потребителю этих технологий — не избежать своего рода «схизии» (антропологического расщепления), когда человек не различает собственную волю и волю манипулятора. Исследование подобных феноменов было начато при поддержке И.Т. Фролова в Институте человека РАН отечественными виртуалистами во главе с Н.А. Носовым.

Педагогическому аспекту антропологических изменений в эпоху цифровизации посвятила свой доклад д-р филос. наук **И.А. Бирич** (Московский городской педагогический университет). В наше время, заметила докладчица, не следует забывать о богатых антропологических традициях русской педагогики. Выступая на Чтениях, канд. филос. наук **Е.И. Ярославцева** (Институт философии РАН) напомнила о важности целостного подхода к человеку, который мог бы сбалансировать инструментальный подход к человеку, стимулируемый требованиями рынка и технологической реальности. В эпоху пандемии мы говорим об укреплении иммунитета, но не менее важен и духовный иммунитет, истоком которого является человеческое творчество.

Кандидат филос. наук **Р.Р. Беляетдинов** (Институт философии РАН) рассмотрел вопрос о том, как развитие биотехнологий меняет понимание субъекта. Мы наследники новоевропейского понимания субъекта, но концепт рационального субъекта, указал докладчик, постепенно размывается. Происходит кризис

рациональной модели автономии субъекта. Поскольку автономия субъекта — один из основных принципов биоэтики, новое понимание субъекта получает биоэтическое измерение. Человек рассматривается не как целостный субъект, а как набор генетических характеристик и мутаций, подлежащих редактированию. Возникает методологическая опасность генетического редуционизма, когда характеристики человека, относящиеся к культурному и физиологическому уровням, объясняются лишь генетически. В связи с подобным генетическим детерминизмом приходится переосмысливать степень автономности рационального субъекта. В контексте когнитивного улучшения человека возникает парадокс: как совместить биотехнологическое повышение когнитивных компетенций субъекта с его способностью создавать новые компетенции. Иными словами, человек как субъект творчества не может быть превращен в функциональный придаток развивающихся биогенетических технологий.

В ходе Чтений прошла презентация трех книг. Первая из них — «Философские беседы с академиком И.Т. Фроловым» [2] — подготовлена Группой по изучению творческого наследия И.Т. Фролова Института философии РАН. В 1986–1989 годах на Центральном телевидении существовал уникальный проект ежемесячных передач цикла «Философские беседы». Их организатором и ведущим был И.Т. Фролов. В телевизионных беседах принимали участие известные российские и зарубежные философы, без преувеличения — философские «звезды», а также ученые, писатели, художники, священнослужители. В центре бесед были вопросы смысла жизни человека, отношений человека и природы, глобальные проблемы цивилизации. Телепроект стал событием интеллектуальной жизни страны, вызвал широкий резонанс в обществе и впервые ввел у нас философию в публичное пространство. Сотрудники Группы по изучению творческого наследия И.Т. Фролова в результате многолетней кропотливой работы собрали и расшифровали сохранившиеся стенограммы и видеозаписи «Философских бесед». В книгу также включены документальные материалы, отклики и рецензии, позволяющие ощутить дух эпохи перестройки.

Книга И.Т. Фролова «О человеке и гуманизме. Работы разных лет» (в 2020 году осуществлено ее второе издание) [4] стала обобщением и развитием работ автора, посвященных комплексному исследованию человека в современных социально-философских аспектах, с учетом новых факторов существования цивилизации. В книге также освещаются нравственно-философские вопросы смысла человеческой жизни, ее продолжительности, смерти и бессмертия, для чего привлекаются новейшие медико-биологические данные, раскрывается суть исторических традиций русской

М.И. Фролова
Человечество
в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы

■■■■■■■■■■
**ОБЗОРЫ И
РЕЦЕНЗИИ**
■■■■■■■■■■

и мировой культуры. С момента первого издания книги прошло 30 лет. Но ни собранный в ней материал, ни высказанные идеи не устарели. По существу, книга «О человеке и гуманизме» представляет собой настоящую энциклопедию человековедения, а потому может быть интересна самому широкому кругу читателей.

Издание «Человек в глобальном мире: риски и перспективы» [5] подготовлено по итогам предыдущих, XIX Фроловских чтений, которые были посвящены 90-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова, и поэтому вызвало особый интерес участников конференции. В центре внимания авторов книги — глобальная проблематика. В наши дни коллизии глобального экономического, экологического, геополитического кризисов влияют на повседневную жизнь каждого человека. С другой стороны, в эпоху глобализации сам человек и его будущее становятся главной глобальной проблемой. В книге рассмотрены научная суть, этические основания и глобальные последствия применения новейших НБИКС-технологий. В комплексном исследовании глобальных проблем приняли участие философы, экономисты, историки, социологи, психологи, биологи, физики.

В 1989 году в интервью членам Пагуошского движения ученых за мир И.Т. Фролов сказал: «Блага, которые мы получаем от генной инженерии — например, “зеленая революция” в сельском хозяйстве — сопряжены со страшными опасностями. Как в атомной энергетике — только еще коварнее. Все так может расползтись, что в один “прекрасный” день, проснувшись, мы вдруг ни одного листочка, ни одного дерева не увидим. Оказывается, что всё сожрали какие-то рекомбинантные организмы, которые выскочили из лабораторных пробирок. А потом эти организмы возьмутся за нас. Я не раз призывал ученых: давайте констатировать эти опасности не постфактум. Давайте их упреждать. Иначе будет поздно» [3]. По существу, в этих словах академика И.Т. Фролова спрогнозирована ситуация, осознанная человечеством только сегодня, в разгар споров о естественном или лабораторном происхождении COVID-19, когда «рекомбинантные микроорганизмы» сумели все-таки «выскочить» из пробирок и «приняться за нас». И.Т. Фролов осознавал свою поразительную способность к предвидению и сравнивал свою ситуацию с пророчествами Кассандры: им не верили, пока те не сбывались. В отличие от героини мифологии, предвидения И.Т. Фролова — не мистические интуиции, а результат глубокого анализа основных тенденций развития мировой науки и планетарного социума последних столетий. Способность к прозрениям будущего — важная особенность философии и философов. В других науках ученые ограничены горизонтом своих практических задач, политики озабочены борьбой за власть.

Именно философы ставят вопросы «в принципе», выявляют сами основания бытия человека в мире и напоминают людям об их ответственности за будущее. Русский философ И.Т. Фролов в полной мере выразил эту сущностную черту философии.

Литература

1. Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М.: Наука, 2001.
2. Философские беседы с академиком И.Т. Фроловым / под ред. Г.Л. Белкиной, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2020.
3. Фролов И.Т. На радость или на горе? // Комсомольская правда. 1989. 27 июля.
4. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2020. (Из наследия И.Т. Фролова).
5. Человек в глобальном мире: риски и перспективы / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Канон+, 2021.

Humanity in a New Reality: Global Biotechnological Challenges

Maria I. Frolova

Research Fellow of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

E-mail: mariafrolova1@yandex.ru

Abstract. An overview of the international scientific conference which was held at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences in November 2020 as a part of the XX Readings in the Memory of Academician Ivan Timofeevich Frolov (1929–1999) is presented. The conference was dedicated to the global changes in the socio-anthropological reality associated with the use of the latest biotechnologies and the consequences of the pandemic of the coronavirus COVID-19 in the modern world. During the conference the following issues were discussed: interaction between man and technology, the upgrading of the economic structure of the world in terms of biotechnological stage of the scientific and technical revolution, anthropogenic challenges of the global ecosystem, the consequences and lessons of the coronavirus pandemic, bioethical issues of experiments on human subjects and editing of the human genome, the ethical challenges of genetic technologies in clinical practice, the problem of the status of the human embryo in embryology and genetics, state of the world in the era of global imbalances, the responsibility of modern man to the future of the planet and to the human race. At the conference three new books were presented. The book “Philosophical Conversations with Academician I.T. Frolov” includes transcripts of TV programs of the series “Philosophical Conversations” which Academician I.T. Frolov conducted on Central Television

М.И. Фролова
Человечество
в новой реаль-
ности: глобаль-
ные биотехноло-
гические вызовы

in 1986–1990. The project “Philosophical Conversations” caused a great response in the media and was recognized not only by the philosophical community but also by the general public. The other book is a second edition of I.T. Frolov’s monograph “On Man and Humanism” which at the time became a kind of encyclopedia of human studies. The monograph in a concentrated form contains the main results of the Soviet philosophy of man in the 1960^s and 1990^s. In the book “Man in the Global World: Risks and Prospects” which is based on the results of the XIX Frolov readings man and his future are thought of as the main global problem. The scientific essence, ethical grounds and global consequences of the use of the latest NBICS technologies are considered as well as the way the collisions of global economic, environmental, and geopolitical crises affect the daily life of each person.

Keywords: new reality, COVID-19, bioethics, global problems, philosophical anthropology, I.T. Frolov.

For citation: Frolova M.I. Humanity in a New Reality: Global Biotechnological Challenges // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 2. P. 174–188. DOI: 10.31857/S023620070014869-2

References

1. *Akademik Ivan Timofeevich Frolov: Ocherki. Vospominania. Izbrannye stat'i* [Academician Ivan Timofeyevich Frolov: Essays. Memories. Selected Articles]. Moscow: Nauka Publ., 2001.
2. *Filosovskie besedy s akademikom I.T. Frolovym* [Philosophical Conversations with Academician I.T. Frolov], ed. by G.L. Belkina; ed.-comp. by M.I. Frolova. Moscow: Kanon+: ROOI “Rehabilitation” Publ., 2020.
3. Frolov I.T. Na radost' ili na gore? [For Joy or for Sorrow?]. *Komsomolskaya pravda*. 1989. July 27.
4. Frolov I.T. *O cheloveke i gumanisme: Raboty raznykh let* [On Man and Humanism: Works of Different Years]. 2nd ed. Moscow: LENAND Publ., 2020. (From the Legacy of I.T. Frolov).
5. *Chelovek v global'nom mire: riski i perspektivy* [Man in the Global World: Risks and Prospects], ed. by G.L. Belkina; ed.-comp. by M.I. Frolova. Moscow: Kanon+ Publ., 2021.

Информация для авторов

Журнал «Человек» публикует статьи по результатам исследований, материалы дискуссий, обзоры научных событий и рецензии по широкому кругу философских и междисциплинарных проблем человека.

Издание включено в рекомендованный ВАК перечень рецензируемых научных журналов (по специальностям: культурология, философские науки, социологические науки).

Язык публикаций — русский. Переводы принимаются к рассмотрению при наличии документально подтвержденного разрешения на их публикацию со стороны правообладателя оригинала (рукописи, архивного документа и т.д.).

К рассмотрению не принимаются материалы, прежде публиковавшиеся в объеме более 20% представляемого текста. Направлением своего текста в редакцию журнала «Человек» автор подтверждает, что данный текст не передавался в какое-либо другое издание. Ссылка на журнал «Человек» при использовании опубликованных в нем материалов в последующих публикациях автора неперемenna.

Плата за публикацию с авторов не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем принимаемых к рассмотрению аналитических и обзорных статей — до 40 тыс. зн. (1 авт. л.), обзоров научных событий и рецензий — до 20 тыс. зн. (0,5 авт. л.). Материалы присылаются в текстовом редакторе *Microsoft Word* (расширение doc); лист формата A4; шрифт *Times New Roman*; кегль 14; интервал 1,5 (подстрочные примечания — кегль 10, интервал 1); выравнивание по левому краю; поля 2,5 см со всех сторон; абзацный отступ 1,25; ориентация книжная (без переносов). Рисунок основных кавычек — *елочки* («...»); в случае наличия внутри цитаты слов (словосочетаний), заключенных в кавычки, внешние кавычки цитаты — *елочки*, внутренние — *лапки* («... “...” ...»).

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Перед названием статьи (в верхнем левом углу) указывается индекс УДК.

Все приводимые цитаты, цифровая и фактическая информация подкрепляются автором ссылками на источники.

Статьи могут сопровождаться иллюстративным материалом, по возможности полноцветным. Изображения (в формате jpg, разрешение от 300 dpi) должны быть снабжены полным описанием.

К тексту статьи прилагаются сопроводительные материалы на русском и английском языках: аннотация* (240 слов); ключевые слова (не более 10); справка об авторе(ах) [фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание (если есть), должность, официальное название места работы/учебы и его полный почтовый адрес (страна, индекс, город, улица, здание), адрес электронной почты]. Также необходима цветная фотография автора(ов) (в формате jpg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет на однородном фоне (фотографии «на паспорт» не принимаются).

Используемые в статье источники оформляются в качестве двух пристатейных библиографических списков — «Литература» и «References». Отсылки на источники даются в тексте статьи в квадратных скобках и оформляются в виде номера соответствующей библиографической ссылки на источник, приведенной в списке «Литература», с указанием при необходимости страницы, например: [9, с. 12]. В текстовых отсылках, содержащих указание на несколько номеров источников, последние отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [7; 19, с. 45; 37, р. 201].

В списке «Литература» библиографические ссылки оформляются согласно ГОСТу Р 7.0.5–2008. Сначала приводятся в алфавитном порядке источники на русском языке, затем — на иностранных. Фамилия и инициалы автора набираются курсивом. В выходных данных библиографической ссылки обязательно указание не только места издания, но и названия издательства.

В списке «References», повторяющем список «Литература», библиографические ссылки на русскоязычные источники даются в латинице, на иностранные публикации приводятся без изменений. В ссылках на русскоязычные источники фамилии и инициалы отечественных авторов транслитерируются. Названия русскоязычных статей, книг (монографий, сборников и т.д.) даются в транслитерации и в английском переводе, заключенном в квадратные скобки. Названия русскоязычных периодических изданий, а также названия издательств в описании русскоязычных изданий только транслитерируются. Выходные данные русскоязычных изданий (место издания, том, номер, выпуск, страницы) даются в английском переводе. Транслитерация выполняется по стандарту BSI. В данном списке две косые черты заменяются *точкой*, одна косая черта — *запятой*; транслитерированные названия русскоязычных источников, а также названия источников в ссылках на иностранные публикации набираются *курсивом*.

* Не допускается использование машинных «переводчиков» для перевода аннотации на английский язык.

Подробные рекомендации по подготовке списков «Литература» и «References» даны в «Правилах оформления пристатейной библиографии» на сайте журнала: <https://chelovek.jes.su/>

Редакция принимает материалы в электронном виде по своему адресу электронной почты: chelovek@iph.ras.ru

Также авторы для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН могут воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- пройти процедуру регистрации (указать фамилию, имя и отчество, адрес электронной почты; задать пароль);
- в меню «Мои публикации» активизируется кнопка «Заявка на публикацию». Нажатие данной кнопки позволит автоматически попасть на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- в поле «Комментарии для редактора» могут быть оставлены краткие пояснения. Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Отправить редактору»;
- статьи, отправленные в редакцию через редакционно-издательский портал RAS.JES.SU, будут рассматриваться в приоритетном порядке.

Подробную инструкцию можно найти по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Научный журнал

Человек

2021. Том 32, номер 2

Учредители: Российская академия наук, Институт философии РАН

Издатель: Российская академия наук

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

Главный редактор *Р.Г. Апресян*

Ответственный секретарь *З.В. Островская*

Редакторы: *С.М. Марабанец, З.В. Островская*

Верстка и корректура: ООО «Интеграция: Образование и Наука»

Сдано в набор 8.04.2021. Подписано к печати 30.04.2021

Формат 70х100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура: Liberaton Serif, Carlito

Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 160 экз. Заказ № 22/2а

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082 Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий».

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240 Москва,

ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Номер телефона: +7 (495) 695-52-82

Электронная почта: chelovek@iph.ras.ru

Сайт: <http://chelovek-journal.ru>, <https://chelovek.iph.ras.ru>

Свободная цена

На первой странице обложки: Джеймс Джебуса Шеннон. Весной. 1896. Частная коллекция

На четвертой странице обложки: Дарья Казаринова-Пильнова, Москва. Нежность. 2021. Графика Digital (предоставлена автором). URL: <https://m.vk.com/club124186262>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

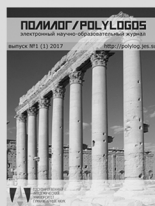
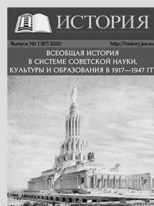
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

БАКАЛАВРИАТ Философия

МАГИСТРАТУРА Философия и современные научно-технологические вызовы

АСПИРАНТУРА Философия

Философское образование дает самое важное для успешного в современном мире специалиста — умение системно и стратегически мыслить, благодаря широкому кругозору и серьезным аналитическим способностям.

Философский факультет ГАУГН — один из сильнейших философских факультетов России. Здесь уверены, что личность раскрывается в равноправном диалоге. Образовательные программы факультета формируют навыки серьезной аналитической работы, практической деятельности в сферах управления и прогнозирования социокультурных процессов.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ НА ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Профессора с мировым именем, академики РАН, действующие ученые, заслуженные деятели науки РФ, перспективные молодые преподаватели-исследователи.

ФОРМАТ «ШКОЛА-СТУДИЯ»

Небольшие группы. Уникальные авторские курсы. Регулярные консультации с лучшими исследователями и практиками.

НАУЧНАЯ КАРЬЕРА

Все заинтересованные в академической деятельности студенты могут стать участниками научно-учебных групп, стажерами-исследователями или лаборантами в исследовательских лабораториях.

ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА

Изучение европейских и иностранных языков с учетом уровня подготовки. Обязательное изучение латыни. Факультативно - санскрит и древнегреческий язык.

ЯРКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Участие в многочисленных клубах. Гарантированная поддержка собственных оригинальных инициатив и проектов.